ISSN 0131 — 0097

ОГОНЁК

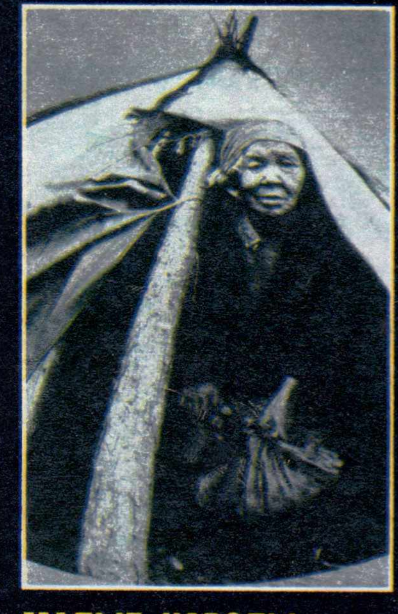
ИЗДАТЕЛЬСТВО «Правда», Москва
№ 17 АПРЕЛЬ 1989

ПЛЕНИТЕЛЬНАЯ ДРУЖБА МУЗ

СУДЬБА КОМАНДАРМА

МАЛЫЕ НАРОДЫ И БОЛЬШИЕ ПРОБЛЕМЫ

ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 17 (3222)

22—29 АПРЕЛЯ

В оформлении первой обложки использован фрагмент плаката Владислава Жукова «1985-й». Этот плакат признан лучшим на Первой ленинградской конкурсной выставке плаката «Совесть».

Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 03.04.89. Подписано к печати 18.04.89. А 04427. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 383. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР: АДМИРАЛТЕЕЦ АЛЕКСАНДР МЕЛЬНИКОВ

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
Павел КРИВЦОВ (фото),
специальные корреспонденты «Огонька»

Девятнадцать лет прожил с семьей в общежитии бригадир судосборщиков Ленинградского Адмиралтейского объединения А. Мельников, прежде чем получил нынешнюю трехкомнатную квартиру в панельном доме на проспекте Просвещения. Не знаю, доволен ею или нет, но к числу бесспорных преимуществ своего окраинного района относит близкое соседство с крохотным огородом. Завел он его, конечно, больше для души, но по нынешним временам три сотки приносят и практическую пользу — недаром ведь прозвали ленинградцы свой агропром агропогромом, вконец разорившим и без того небогатые прилавки овощных, продуктовых магазинов.

А крестьянский труд руки Александра Ильича не забыли. Да и как забудешь... Выходец из лесной глубинки Калининской области, еще мальчишкой он сполна хлебнул послевоенного колхозного лиха. Работать начал как себя помнит, потому что отец с фронта не вернулся, а матери их с братом было не прокормить: за трудодни платили в основном обещаниями и не стеснялись забирать последнее по займам. В общем, гулять зимой на улицу попадал, лишь когда мать со скотного двора возвращалась, могла свои валенки одолжить.

В чем он в школу бегал, не выяснил, но факт, что побегать пришлось изрядно: старшие классы оканчивал в соседнем селе, до которого ежеутренне отмерял по девять километров. В память о школе остался не только аттестат — со своей женой Валентиной Михайловной познакомился где-то в седьмом классе и с тех пор, не считая трех армейских лет, всегда вместе.

Теплый у них получился дом. Не сумею передать это чувство словами, но не случайно, полагаю, взрослые сын и дочь в отличие от большинства сверстников, вовсе не рвутся прочь из-под родного крова. И что меня совсем удивило, так это искреннее удовольствие, с которым отец «гонял» записи сына, купившего недавно хорошую стереосистему на первые заработанные после института деньги.

Кстати, трудится сын Андрей тоже на «Адмирале», наладчиком. Сегодня это обычное дело, тем более что судостроение всегда было наукоемкой отраслью. Неприхотливому, непритязательному «работяге» тут ни уважение, ни карьера «не светят» — корабел профессия серьезная. Не хочу обижать другие производства, но самое сильное впечатление на меня произвели здесь не громады строящихся кораблей, а качественно иной уровень людей. Так что три ордена «Трудовая Слава», заслуженные Александром Ильичом, дорого стоят.

Говорю об этом потому, что в жарких предвыборных баталиях не раз приходилось выслушивать доводы вроде того, что, мол, хватит, докомандовались государством «кухарки», пора передать власть интеллектуальной элите. Верно, увешанных наградами «свадебных генералов» от рабочего класса нам довелось повидать немало. Куда больше, чем бескомпромиссных представителей той самой элиты, смело и не на кухне отстаивавших свои, не так давно ставшие известными взгляды. Надо ли сегодня выяснять, у кого больше моральных прав на упреки?

А что до А. Мельникова, то никогда он за общественными должностями не гонялся, высоких постов не занимал. В его послужном списке ледоколы, танкеры, рыбоконсервные заводы, спасатели.

...Тем не менее нынешние выборы выиграл с первого захода не по щучьему велению. Это веление на сей раз ни в одном районе Ленинграда не сработало.

Чем же привлек избирателей бригадир судосборщиков? Мое мнение: искренностью, житейским опытом и здравым смыслом. Ленинский, Октябрьский районы, избиратели которых предпочли его кандидатуру, одни из самых старых, запущенных районов города. Переполненные коммуналки, задымленные, забитые транспортом улицы, крупные, но допотопные в техническом отношении предприятия — это клубок жесточайших проблем, от которых не отмахнешься бодренькими предвыборными обещаниями. Словам тут давно не верят, верят глазам. А видят они в основном лозунги «Жилище-2000», очереди и вконец обветшалые здания.

«Сейчас здесь где-то около четырехсот пятидесяти домов 1830 года постройки. И теми темпами, как мы сейчас ремонтируем по 15—14 домов в год, надо 40 лет для реконструкции, чтобы решить этот острый вопрос».

Эти слова из выступления Александра Ильича на недавнем совместном пленуме обкома и горкома КПСС, где обсуждались задачи коммунистов по реальному улучшению жизни ленинградцев, признаюсь, удивили даже меня: не думал, что положение настолько катастрофично.

А ему, еще и депутату райсовета, эти проблемы как нож, постоянно приставленный к горлу. Ну что он может пообещать блокаднику, 45 лет прожившему в коммуналке? Потерпеть еще 45 лет?

— Есть выход,— говорит А. Мельников,— точнее, надежда: не дожидаясь милостей от исполкома, капитально строить и ремонтировать жилые здания силами предприятий. Если не связывать им руки кабальными условиями, люди будут по вечерам, по выходным работать, помогут и себе лично, и землякам.

Имеется у адмиралтейцев опыт такого строительства. И есть логичное, на мой взгляд, предложение: отремонтировав дом, 70 процентов квартир забирать себе, 30 отдавать городу. Своей долей распоряжаться по своему рабочему усмотрению, но и в ней часть квартир выделять тем, кто стоит в городской очереди.

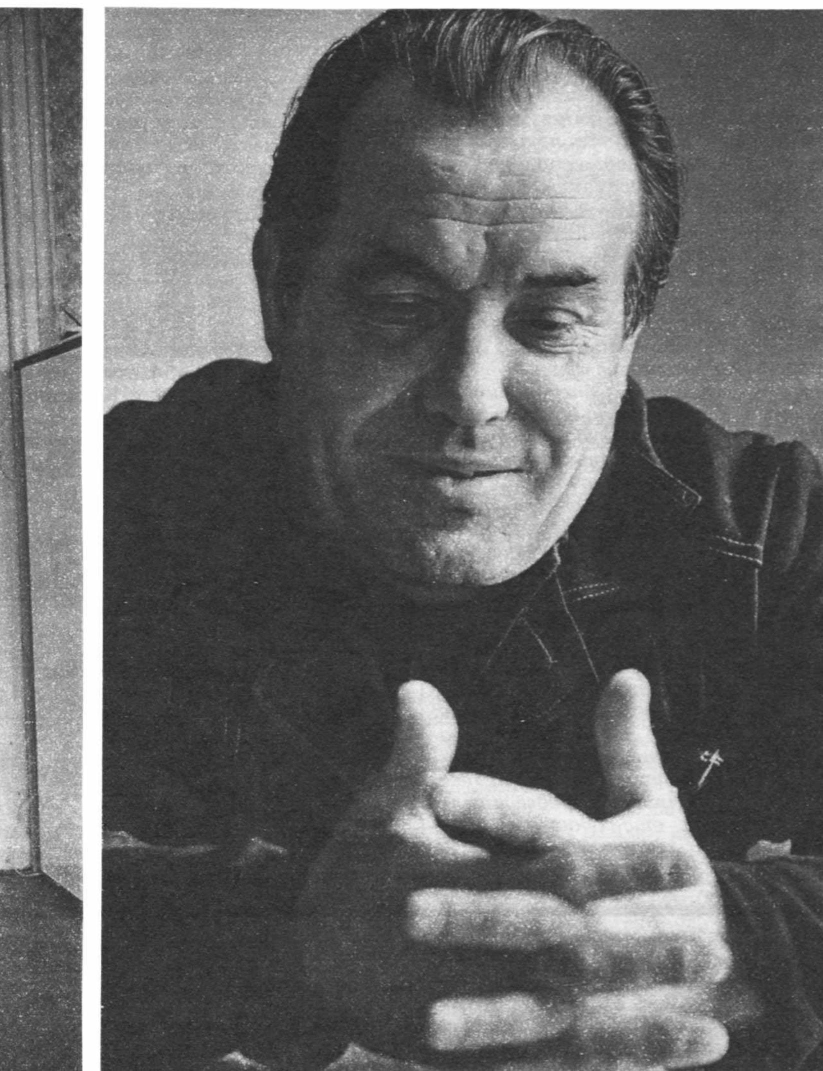
Справедливо? По-моему, вполне. Однако у исполкома на сей счет особое мнение — требуют не менее 50 процентов. Если учесть, что предприятие за свои кровные расселяет дом, за свои ремонтирует,— разумными эти притязания не назовешь. За 38 тысяч, в которые заводу обходится средняя квартира, коллективу дешевле двухэтажный коттедж построить.

Об этом говорил Мельников на пленуме, и критика незамеченной, как бывало раньше, не осталась: мэр города В. Ходырев пригласил Александра Ильича зайти к нему, кажется, есть компромиссное решение. Можно считать, что депутатская работа бригадира в новом качестве уже началась.

Однако жилье — лишь часть обширной предвыборной программы А. Мельникова. Тревожат его и рост дороговизны, дефицит государственного бюджета, проблемы кооперации, вопросы партийной, советской работы, развития демократизации, гласности. Газет, журналов выписал нынче на 150 рублей, за дискуссиями, что кипят на их страницах, следит внимательно, но особого почтения к авторитетам, судя по нашей беседе, не проявляет: своим умом крепок.

— Главное для депутата,— говорит он,— надежная обратная связь с народом. В ней — моя сила.

...В нем — его надежда.

ВО ИМЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ●
МЕМОРИАЛ СТАЛИНИСТОВ●
МИЛОСЕРДИЕ... ДЛЯ «ГАЛОЧКИ»●

■

Мои родители были польскими коммунистами. Мама Ванда Даниловна Вольская (это ее псевдоним, а настоящее имя Анна Даниловна Ямелковская, родилась в 1906 году) эмигрировала в Советский Союз, а папа жил во Франции.

Летом 1937 года мою маму арестовали на нашей московской квартире, и больше я о ней ничего не слышала. Я была тогда с детсадом на даче. Меня без метрик, без вещей привезли сначала в московский приемник, а потом отправили в детдом города Горького. Директором там была Антонина Игнатьевна Ручнова. Мне там дали отчество и при помощи доктора год рождения.

Благодаря нашему директору я выжила, и не только я. Антонина Игнатьевна сумела объяснить мне, что моя мама в тюрьме, но она не преступница... Рассказала о Ежове.

В нашем детдоме были дети разных национальностей, но Антонина Игнатьевна сумела воспитать нас настоящими интернационалистами. Мы жили очень дружно.

В этом детдоме было всего около 70 детей. Несмотря на голод, мы были здоровы, и ни один ребенок у нас не умер.

В самый разгар войны в больнице нашу детдомовку Тамару перекормили лекарствами. Она не только не могла подниматься, но даже говорить перестала. И Антонина Игнатьевна девочку выходила. Сидела при ней и день, и ночь, когда ей немного стало лучше, поехала в Москву за фруктами. Чтобы сделать для нее бульон, на базаре покупала курицу. Это, к счастью, могут понять только пережившие войну. Тамара училась заново ходить, говорить, писать. Многие месяцы находилась она на особом питании.

В конце войны в наш детдом имени 10-й годовщины Октября привезли малышей из другого детского дома. Эти дети были опухшими от голода. Оказалось, что эти дети не получали даже своего военного пайка: их обкрадывали. И вот через несколько дней одна девочка умерла. А мы все выжили. Мы в неоплатном долгу перед нашим директором, перед этим Человеком.

Майя ВОЛЬСКАЯ
Варшава

■

Я пенсионерка, 1908 года рождения, бывшая связистка. Я знаю, что такое тюрьма и лагерь, была реабилитирована, но здоровья нет, как нет и других средств к существованию, кроме пенсии.

За счет Фонда милосердия мне оформили подписку на «Огонек», и теперь моя единственная отрада — очередной номер, но ждать его приходится неделями.

О. МИКОТА
Рига

■

Весь мир откликнулся на беду Армении. Чужая боль стала и нашей болью. Одинцовский горком партии и Звенигородский горисполком обратились к жителям с просьбой помочь пострадавшим от землетрясения кто чем может. И люди откликнулись. Кто сдал деньги, кто вещи, а многие сделали и то, и другое. Я, например, сдал теплое ратиновое пальто. Сборный пункт вещей для отправки в Армению находился в гостинице.

Прошло около двух месяцев. Я зашел в гостиницу позвонить и, к немалому своему удивлению, обнаружил целый ворох зимней одежды, не отправленной в Армению. К моему негодованию присоединилась и администратор гостиницы, которая заявила, что исполком занял под вещи целую комнату, а теперь забыли о них. И все это была организованная показуха: на беде зарабатывают ложный авторитет, а в Армении замерзают люди.

В этот день в исполкоме было партбюро, и я, как член партбюро территориальной партийной организации Звенигорода, немедленно поставил в известность всех присутствующих и других заинтересованных лиц. Я был уверен, что будут приняты самые срочные меры.

14 марта я спросил у директора гостиницы А. С. Глебова: «Куда направлены вещи?» На это он мне ответил: «Четыре дня тому назад их забрал директор Голицынского интерната, поскольку зима прошла и они оказались никому не нужными».

Люди! Я же послал свое единственное пальто не от избытка и роскоши, а поделился в беде с ближним.

Е. БЕЛОВ
Звенигород

■

Создается впечатление, что нынешними материалами на религиозную тему наша пресса стремится компенсировать те абсурдные обвинения, которые выдвигались против церкви в 30—70-е годы. Но не бросаемся ли мы из одной крайности в другую? Ругая церковь в предыдущие десятилетия, мы делали упор только на одну — мировоззренческую сторону христианства и, естественно, громили религию за идеализм. Теперь, поняв, что можно быть и материалистом, и одновременно негодяем, многие общественные деятели замечают только нравственную сторону церкви и пишут о ней только в положительном ключе.

Но ведь в этот ответственный период нашей истории печать должна дать людям альтернативные пути к нравственности, милосердию, духовности. Почему это должна быть только семинария, разве из наших университетов не выходили честные, образованные люди, не верящие в Бога? Другой вопрос, что уровень преподавания в наших высших учебных заведениях далек от идеала, но при чем тут вера? Я, например, при всем желании вижу в Библии только историческую и литературную энциклопедию, но отнюдь не боговдохновленную книгу.

Согласен, это ужасно, что многие люди сейчас живут в безверии, ощущая щемящую пустоту на месте разрушенных остовов вождей и идей. Но разве нельзя быть глубоко нравственным человеком, оставаясь атеистом? Разве вера в человека ниже веры в Бога?

Ю. ЩЕРБАТЫХ,
кандидат биологических наук, лектор-атеист
Воронеж

■

Осенью минувшего года областная газета «Индустриальная Караганда» опубликовала решение обкома партии о создании в Караганде инициативной группы «по сбору и изучению материалов о лицах, репрессированных в годы культа личности и находившихся на территории области». Это было первым открытым шагом к признанию местными властями необходимости вернуться к временам сталинщины и начать работу по ликвидации «белых пятен». Решение и нравственное, и политически особо важное для Караганды, так как именно здесь находился центр печально известного Карлага, жертвами которого были сотни тысяч наших соотечественников в годы сталинского террора.

Однако с первых же шагов деятельность этой инициативной группы вызвала, мягко говоря, удивление. Наверное, группу «сколотили» по старинке, в тиши кабинетов, по «ведомственному признаку». Иначе трудно объяснить, каким образом в ней оказался помощник прокурора по спецделам Спасского лагеря, работавший в этой должности до самой смерти Сталина, Богуславский (он, кстати, сегодня занимает должность заместителя областного прокурора)? Какие пути привели сюда Васильева, бывшего оперуполномоченного в Карлаге, а ныне ветерана МВД и хранителя ведомственного музея на общественных началах? В общем, в инициативной группе оказались также те, кто в свое время активно «выявлял и изучал», но с обратной целью, кто активно действовал в «железном звене» репрессивной сталинской машины.

Из бывших репрессированных (а в Караганде и сегодня живут люди из той когорты российской интеллигенции, вырубленной под корень, старые коммунисты, прошедшие «школу» Карлага) в инициативную группу попал лишь казахский писатель Жаик Бектуров. Да и то скорее всего потому, что он председатель межобластного отделения СП республики...

Разумеется, первой «акцией» группы стала встреча не с жертвами сталинизма, а с бывшими работниками сталинского Карлага. Проходила она в облуправлении внутренних дел. Заместитель начальника управления полковник Пахомов представил карательный корпус никак не иначе, как «ветеранов МВД, работников карагандинских лагерей». На встречу с инициативной группой явились те, кто непосредственно осуществлял «великий замысел» по уничтожению лучших сынов и дочерей своего народа: оперуполномоченные, работники спецотдела, вохровцы... Надо ли говорить, что для этой категории те, кто сегодня реабилитирован, чудом выжил, да и те, кто погиб, по-прежнему «враги народа». Вот и вспоминали «ветераны МВД», кто «у них» сидел: брат Бухарина, Чижевский, арестованные по «ленинградскому делу». По их словам, «все были довольны режимом, соблюдали порядок, ходили строем с работы и на работу, на завтрак, к врачу». За «соблюдением законности» следил спецпрокурор Богуславский, который «часто бывал в лагерях». Между надзирателями и заключенными были чуть ли не дружеские отношения и т. д. и т. п.

Далее полковник Пахомов и все «ветераны Карлага» набросились в буквальном смысле на газету, в основном на меня как автора ряда публикаций о Карлаге, и стали требовать, чтобы публикации эти были прекращены, так как они, дескать, натравливают молодое поколение на ветеранов, подрывают авторитет МВД, восстанавливают людей против партии. Мне в лицо бросали угрозы: «Если бы у меня был пистолет, я бы своими руками застрелил этого корреспондента». Вот такая вышла «встреча».

На встрече в управлении МВД, кстати, присутствовал и секретарь обкома партии. Местное телевидение снимало ее на видеопленку! Оказавшись поневоле среди этой компании, хочется задать вопрос: какое время на дворе?

Е. КУЗНЕЦОВА,
заведующая отделом пропаганды областной газеты «Индустриальная Караганда»

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

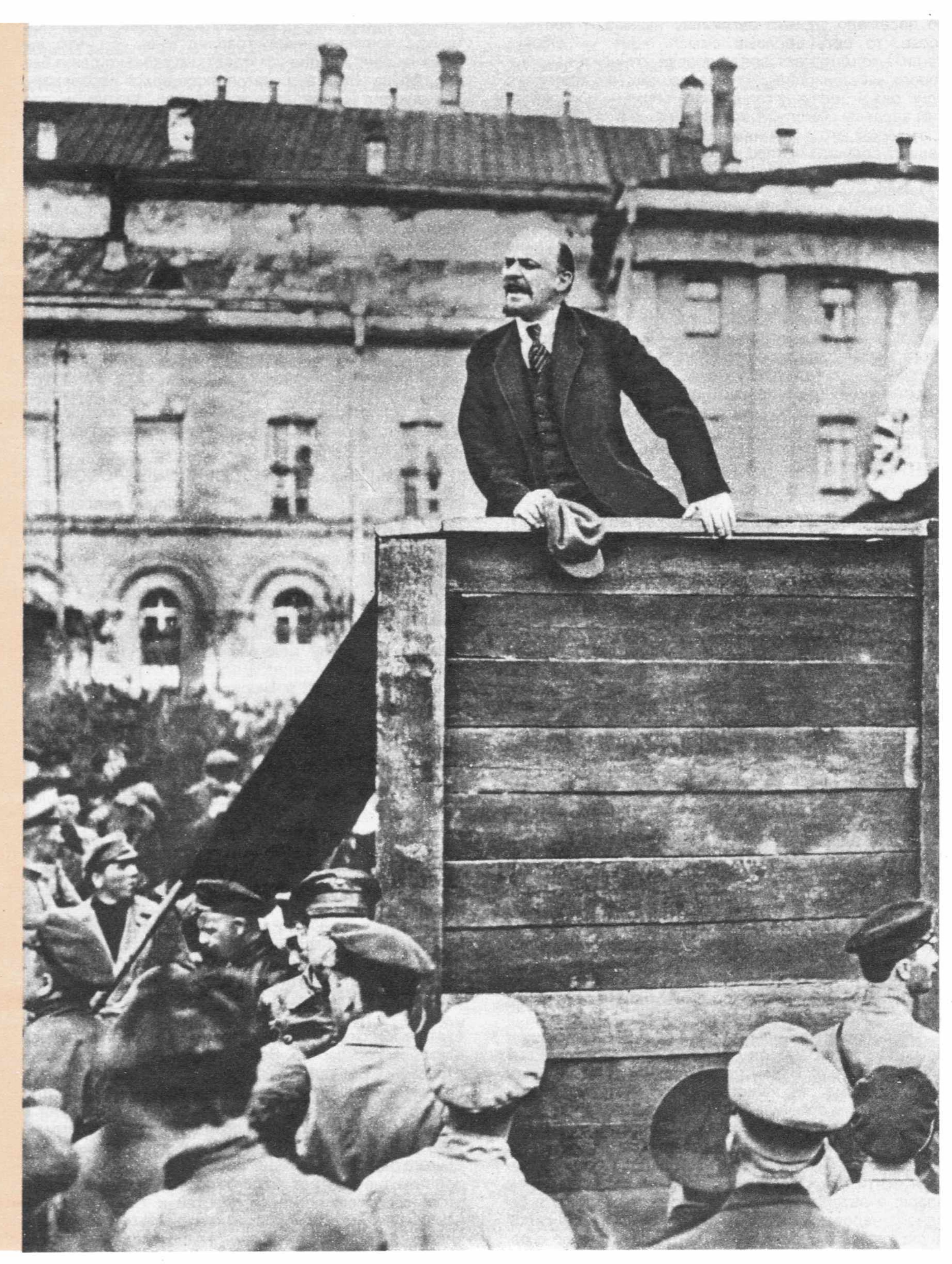

Кавычки в заголовке объясняются тем, что публикуемые воспоминания принадлежат К. Радеку, Г. Зиновьеву и Л. Троцкому. Появившись в печати почти 65 лет назад, они очень скоро угодили в спецхран, где и покоились под спудом, предоставленные «грызущей критике мышей». Таков был нормальный по тем временам способ существования иллюзии, будто отсутствие текстов тождественно небытию авторов.

«Революция продолжается», — заявил М. С. Горбачев. И надо полагать, что на 72-м году она достаточно сильна, чтобы упоминать о давнишних своих деятелях, бывших «персонами нон грата» отечественной истории, без непременного разлития желчи и тотального недоверия. Более того — с уважением и снисхождением. Листая толстенный фолиант «У великой могилы», изданный вскоре после смерти Ленина, встречая в нем отклики на смерть Ильича, принадлежащие бывшим анархисту, эсеру, колчаковцу и даже ренегату Каутскому, подумал, что пришла пора дать слово и бывшим «оппозиционерам» Зиновьеву и Радеку, и бывшему троцкисту Троцкому.

Воспоминания К. Радека извлечены из его книги «Портреты и памфлеты» (М., 1933), Г. Зиновьева — из сборника его статей «Ленин» (Л., 1924). Их нет нужды характеризовать подробно.

Что же касается публикуемых отрывков из воспоминаний Троцкого («О Ленине. Материалы для биографа». М., 1924; «Из воспоминаний о Ленине». Тифлис, 1924; «Моя жизнь». т. 2. Берлин, 1930), то это, на мой взгляд, не самые слабые страницы Лениниана. Имеющий глаза — да видит: можно в чем-то расходиться с ленинизмом, в то же время искренне любя и уважая Ленина. Как заметил А. В. Луначарский, «...в отношениях с Лениным после их объединения он проявлял трогательное и нежное, почтительное отношение...». Эту трогательную нежность, не сомневаюсь, ощутит и читатель.

ЛЕНИНИАНА: «НЕИЗВЕСТНЫЕ» СТРАНИЦЫ

К. Б. Радек. ЛЕНИН

Когда Владимир Ильич увидел, что я просматриваю только что переизданный сборник его статей «За двенадцать лет», его лицо осветилось хитрой улыбкой, и он, посмеиваясь, сказал: «Было бы очень интересно читать, какие мы были во многом дураки». Но я не собираюсь здесь сравнивать форму черепа Ленина, когда ему было 10, 20, 30 лет, с тем черепом, который блестит на заседаниях Центрального Комитета партии или Совнаркома [1]. Не о развитии Ленина-вождя идет здесь речь, а о Ленине, каков он теперь. Павел Борисович Аксельрод, родоначальник меньшевизма, который ненавидит Ленина всей душой,.. в одной из бешеных филиппик, которыми он пытался убедить меня в зловредности большевизма вообще, а Ленина в частности, рассказывал, как Ленин попал в первый раз за границу и как они тогда ходили совместно гулять, купаться. «Я тогда почувствовал,— говорит Аксельрод,— что имею дело с человеком, который будет вождем русской революции. Он не только был образованным марксистом,— таких было очень много,— но он знал, что он хочет делать и как это надо сделать. От него пахло русской землей...» Человек часто очень хорошо замечает в другом то, чего ему самому не хватает, и Аксельрод в своих словах о Ленине неслыханно метко схватил все его качества как вождя.

...Ленин знал теорию капитализма, как немногие из учеников Маркса. Это не только знакомство с текстами: Ленин продумал теорию Маркса, как никто. Возьмите его маленькую брошюру по поводу наших споров о профсоюзном движении, в которой он громит Николая Ивановича Бухарина, как повинного в синдикализме, эклектизме и других смертных грехах [2] (когда Владимир Ильич кого-нибудь громит, то он находит в нем все болезни, которые числятся в известной старой медицинской книге, находящейся у него в большом почете). В этой полемической брошюре есть маленькая страничка, посвященная разбору разницы между диалектикой и эклектикой [3], страничка, которую не цитируют ни в каких сборниках статей о диалектическом материализме, но которая о нем больше говорит, чем целые главы других толстых трудов. Ленин самостоятельно воспринял и продумал теорию марксизма по той причине, что он изучал ее с той же целью, с какой ее Маркс создавал. Когда-то старик Меринг написал рецензию об одной книге, написанной русским, фамилии которого я не помню. В этой рецензии он спрашивал, почему такую книгу не в состоянии написать немец. И Меринг ответил на этот вопрос: немцы не ставят себе задачей преобразование всего общественного и политического строя в Германии, и поэтому они потеряли чутье и понимание философских систем, являющихся отражением стремления к такому преобразованию. В России же стоит на очереди общий переворот. Ленин вошел в движение как персонификация воли к революции...

...В том, как Ленин знает русскую действительность, он отличается от всех других, которые протягивали руку к жезлу властителя дум российского пролетариата. Он русскую действительность не только знает, он ее видит и чувствует. На всех поворотных пунктах истории партии, особенно в момент, когда мы стали у власти и от решений партии зависели судьбы 150 миллионов людей, меня в Лени-

не поражало то, что англичане называют common sense, то есть здравый смысл. «Вот, — скажут люди,— комплимент для человека, относительно которого мы убеждены, что такие, как он, являются один раз в целую историческую эпоху,— признал за ним здравый смысл». А все же именно в этом один из источников его величия как политика. Когда Ленин решает большой вопрос, он не мыслит абстрактными историческими категориями, он не думает только о земельной аренде, о прибавочной стоимости, об абсолютизме, о либерализме. Он думает также о Собакевиче, о Гессене, о Сидоре из Тверской губернии и о рабочем с Путиловки, о городовом на улице и думает о том, как данная мера влияет на мужика Сидора и на рабочего Онуфрия...

...Я не забуду никогда моего разговора с Ильичом перед заключением Брестского мира. Все аргументы, которые мы выдвигали против заключения Брестского мира [4], отскакивали от него как горох от стены. Он выдвигал простейший аргумент: войну не в состоянии вести одна партия,.. войну должен вести мужик. «Разве вы не видите, что мужик голосовал против войны?» — спросил меня Ленин. «Позвольте, как это голосовал?» «Ногами голосовал, бежит с фронта». И этим для него дело было решено...

Возьмем другой пример. Это было в момент, когда начинались наши переговоры с Польшей в Риге [5]. Я уезжал тогда за границу и зашел к Ильичу поговорить о только что наметившихся разногласиях по вопросу об отношении к профсоюзам. Подобно тому, как при решении вопроса о Брестском мире Ленин видел перед собой мужичка из Рязанской губернии и — зная, что он решающая персона в военной драме — равнялся по нему, так — в момент перехода от гражданской войны к хозяйственному восстановлению России — он равнялся по рядовому рабочему, без которого нельзя восстановить хозяйство. К чему сводился для него вопрос? На партийных собраниях говорили о роли профсоюзов в хозяйстве, о сращивании профсоюзных организаций с хозяйственными организациями, а Ленин видел обтрепанного рабочего, который вынес невиданное и неслыханное... Что хозяйство надо немедленно восстанавливать, что надо подтянуться, что мы для этого имеем право подтянуть рабочую массу — это для него было бесспорно. Но можем ли мы ее немедленно подтянуть, послав на фабрики тысячи лучших наших военных товарищей, привыкших командовать? От крика в производстве ничего не произойдет. Надо дать передышку, рабочий неслыханно устал — вот что было решающим аргументом для Ленина. Он видел своими глазами русского рабочего, каким он был зимой 1920 года, и он чувствовал всем своим существом, что возможно и что невозможно.

...Наши организаторы часто смеялись над Ильичом по поводу того, что он будто не организатор. Если посмотреть, как Ильич работает у себя в кабинете в Совнаркоме, то кажется, что невозможно быть более плохим организатором. Он не только не имеет штаба секретарей, подготовляющих ему материал, но до сегодняшнего дня не научился диктовать стенографистке и даже на самопишущее перо посматривает почти так, как мужик с Дона на встреченный им впервые автомобиль. Но укажите в партии хотя бы одного человека, который сумел бы с такой силой и конкретностью выдвинуть центральную идею о реформе нашего бюрократического аппарата в продолжение десятка лет,— реформе необходимой, если мы не хотим, чтобы обиженный чиновниками мужик взвыл. Все мы знаем бюрократический аппарат, все мы воем, дебоширим по поводу «маленьких недостатков советского механизма»... А великий политик русского пролетариата на одре болезни... думал о центральном вопросе нашей государственной организации и наметил план борьбы на десятилетия [6]. Это еще только первый набросок, детали будут меняться при проверке на опыте. Но чем более вдумываешься в этот беглый набросок, тем яснее становится, что Ленин снова попал не в бровь, а в глаз, что он снова доказал, как в нем соединяется великий политик с великим политическим организатором.

Как это в нем соединилось — бог знает... История имеет свои самогонные аппараты, которые не откроет никакой угрозыск... В продолжение 15 лет, казалось, что человек борется за всякую запятую в резолюции, борется со всякими «измами», которые выделялись на протяжении 25 лет, начиная от хвостизма и кончая эмпириокритицизмом. Всякий такой «изм» был для Ленина отражением какого-то действительного врага... Эти «измы» были щупальцами действительности, и вот через все это втягивал в себя эту действительность, изучал, продумывал ее, пока совершилось чудо: подпольный человек оказался самым почвенным человеком... История не знает ни одного примера такого перехода от подпольного революционера к государственному человеку.

...Я жил в Давосе [7] с умирающим от чахотки старым большевиком-рабочим. Тогда шла дискуссия о самоопределении национальностей, в которой мы, польские социал-демократы, боролись со взглядами Ленина [8]. Товарищ, о котором идет речь, читая мои тезисы против Ленина, говорил мне: «То, что вы пишете, меня вполне убеждает, но сколько раз я бывал против Ильича, я всегда оказывался неправым». Так думают руководители рабочей партии, и это создает непоколебимый авторитет Ленина... Рабочих связывает с Лениным не только то, что он тысячи раз оказывался прав, а то, что, когда он оказывался неправ, когда под его руководством была сделана ошибка, он говорил открыто: «Мы сделали ошибку, за это нас побили, вот как ее надо исправить». Многие спрашивали: к чему об ошибках, зачем ему это нужно? Не знаю, почему это делал Ленин, но последствия этого вполне ясны. Рабочий чересчур вырос, чтобы верить в героев-спасителей. Когда Ленин говорит об ошибках, не скрывая ничего, он вводит рабочего в свою лабораторию мысли, он дает возможность принимать участие в последующих решениях, и рабочие видят в нем вождя, который есть олицетворение борьбы их класса, который — они сами. Великий класс, которому нужна правда о себе, любит всем сердцем вождя,.. говорящего ему правду о нем же самом. От него рабочий перенесет всякую правду, как бы тяжела она ни была.

Г. Е. Зиновьев. ПРИЕЗД ЛЕНИНА В РОССИЮ

Весть о русской революции застала пишущего эти строки в Берне. В. И. жил в это время в Цюрихе. Помню, я возвращался из библиотеки... Вдруг вижу, на улице большое смятение. Нарасхват берут какой-то экстренный выпуск газеты. «Революция в России!» Голова кружится на весеннем солнце. С листком с еще необсохшей типографской краской спешу домой. Там застаю телеграмму от В. И., зовущую немедленно приехать в Цюрих [9].

...Помню несколько часов ходьбы по залитым весенним солнцем улицам Цюриха. Мы бродили с В. И. бесцельно, находясь под впечатлением нахлынувших событий, поджидая новых телеграмм у подъезда редакции «Новой Цюрихской газеты»...

...Чуя приближение грозы, В. И. особенно томился последние месяцы. Точно не хватало воздуха для легких. Тянуло к работе, тянуло к борьбе, а в швейцарской «дыре» ничего не оставалось больше, как сидеть в библиотеках. Вспоминаю, с какой завистью... смотрели мы на швейцарских с.-д., которые как-никак жили среди своих рабочих, между тем как мы были отрезаны от России в небывалой еще степени. Никогда раньше не тянуло в Россию с такой силой. Истосковались по русской речи, по русскому воздуху... В. И. в это время прямо напоминал льва, запертого в клетке.

Надо ехать. Дорога каждая минута. Но как проехать в Россию?.. В Швейцарии мы отрезаны от всех воюющих государств. Все пути заказаны, все дороги отрезаны. Вначале мы как-то не отдавали себе в этом отчета. Но уже через несколько часов стало ясно, что мы сидим за семью замками... Ринулись в одну, в другую сторону, послали ряд телеграмм — ясно: не вырваться. В. И. придумывает планы, один другого неосуществимее: проехать в Россию на аэроплане (не хватает малого: аэроплана, нужны для этого средства, согласие властей и т. п.), проехать через Швецию по паспортам глухонемых (увы, мы не знаем ни слова по-шведски [10]), добиться обмена нас на немецких военнопленных, попробовать проехать через Лондон и т. д. Ряд эмигрантских совещаний по вопросу о том, как реализовать амнистию и двинуться всем желающим в Россию. В. И. сам на эти совещания не ходит, посылает меня, больших надежд на все это не возлагая [11].

Как только выяснилось, что в ближайшие дни, во всяком случае, уехать не удастся, В. И. садится за свои известные «Письма из далека». В нашей маленькой группе начинается интенсивная работа по определению нашей линии в начале революции... Вспоминаю несколько горячих споров в Цюрихе, в небольшом рабочем ресторанчике, и однажды на квартире у В. И.

...Решено. Другого выбора нет. Мы едем через Германию. Будь что будет, но ясно, что В. И. должен как можно скорее очутиться в Петрограде. Впервые высказанная мысль о поездке через Германию встретила, как и следовало ожидать, бурю негодования со стороны меньшевиков, эсеров и вообще всей небольшевистской эмиграции. Были некоторые колебания даже среди большевиков. И понятно: риск был немалый.

Помню, на Цюрихском вокзале, когда мы все сели уже в вагон, чтобы двигаться к швейцарской границе [12], небольшая группа меньшевиков и эсеров устроила В. И. нечто вроде враждебной демонстрации. В последнюю минуту, буквально за пару минут до отхода поезда, товарищ Рязанов в большом возбуждении отзывает пишущего эти строки в сторону и говорит: «В. И. увлекся и забыл об опасностях; Вы хладнокровнее. Поймите же, что это безумие. Уговорите В. И. отказаться от плана ехать через Германию».

Однако через несколько недель к тому же «безумному» решению вынуждены придти и Мартов, и другие меньшевики.

...Волнение, которое все мы переживали, как-то стерло впечатления времени и пространства. Слабый след остался в памяти от Стокгольма. Машинально ходили по улицам, машинально что-то закупали из самого необходимого для поправления неказистого туалета В. И. и других. И чуть ли не каждые полчаса справлялись о том, когда же уходит поезд на Торнео.

...Торнео. Помнится, это было ночью [13]. Переезд по замерзшему заливу на санях... На каждых из этих саночек по два человека. Напряжение достигает максимальной степени. Наиболее экспансивные из молодежи (покойный Усиевич) нервничают необычайно. Сейчас мы увидим первых революционных русских солдат. В. И. внешне спокоен...

Мы на русской стороне границы... Наша молодежь прежде всего набросилась на русских солдат-пограничников,.. с которыми начинаются зондирующие беседы. В. И. прежде всего набросился на русские газеты. Отдельные номера питерской «Правды» — нашей «Правды». В. И. впился в газетные столбцы. Качает головой, с укором разводит руками: прочел известие о том, что Малиновский оказался-таки провокатором... [14]

...Первые встречи с «керенскими» поручиками... Затем с первыми русскими революционными солдатами... По приказанию властей группа солдат сопровождает нас до столицы. Сели в вагоны. В. И. «впился» в этих солдатиков. Пошли разговоры о земле, о власти, о новой России. Особая, достаточно хорошо известная манера В. И. подходить к рядовникам — рабочим и крестьянам — сделала то, что через самое короткое время установилось великолепное товарищеское взаимопонимание. Беседа идет всю ночь напролет...

Все мы были твердо уверены, что по приезде в Петроград мы будем арестованы Милюковым и Львовым. Больше всех в этом был уверен В. И. И к этому он готовил всю группу товарищей... Для большей верности мы отобрали даже у всех exавших с нами официальные подписки о том, что они готовы пойти в тюрьму и отвечать перед любым судом за принятое решение поехать через Германию [15].

Чем ближе к Белоострову, тем больше возрастает волнение. В Белоострове, однако, власти встречают нас достаточно дружелюбно. Один из керенских офицеров, исполняющий должность коменданта Белоострова, даже «рапортует» Владимиру Ильичу.

В Белоострове нас встречают ближайшие друзья. Среди них Каменев, и Сталин, и многие другие [16]. В тесном полутемном купе третьего класса, освещенном огарком свечи, происходит первый обмен мнениями. В. И. забрасывает товарищей рядом вопросов. Будем ли мы арестованы в Петрограде? Встречающие нас друзья ответа не дают, но загадочно улыбаются. По дороге на одной из станций, ближе к Сестрорецку, сотни сестрорецких пролетариев приветствуют В. И. с той сердечностью, с которой рабочие относились только к нему. Его подхватывают на руки. Он произносит первую короткую приветственную речь.

Перрон Финляндского вокзала в Петрограде. Уже ночь [17]. Только теперь мы поняли загадочные улыбки друзей. В. И. ждет не арест, а триумф. Вокзал и прилегающая площадь залиты огнем прожекторов. На перроне длинная цепь почетного караула всех родов оружия. Вокзал и прилегающие улицы запружены десятками тысяч рабочих, восторженно встречающих своего вождя. Гремит «Интернационал»...

В течение нескольких секунд В. И. «перестраивает ряды». В так называемой императорской комнате В. И.-ча ждет «сам» Чхеидзе во главе с целой делегацией от Советов [18]. От имени «революционной демократии» лиса-Чхеидзе приветствует В. И., «выражает надежду» и т. д. Не моргнув бровью [19], В. И. отвечает короткой речью, которая от первого до последнего слова хлещет, как бичом, по лицу почтенной «революционной демократии». Речь кончается возгласом: «Да здравствует социалистическая революция!»

С этой минуты нахлынула могучая человеческая волна. Первое впечатление: мы щепочки в этой волне. В. И. подхватили, посадили на броневой автомобиль. В броневике он совершает свой первый въезд в революционную столицу...

...Через час мы все во дворце Кшесинской... До утра льются речи товарищей, которым в конце отвечает В. И. Рано утром, чуть брезжит свет, мы расходимся, с наслаждением вдыхая воздух родного Петербурга. Идем через Неву, которую не видели уже столько лет. В. И. бодр и весел...

Л. Д. Троцкий. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В те первые свидания, а еще более — после июльских дней (1917 г.— **Л. О.**) Ленин производил впечатление высшей сосредоточенности, страшной внутренней собранности под покровом спокойствия

и «прозаической» простоты. Керенщина казалась в те дни всемогущей. Большевизм представлялся «ничтожной кучкой». Партия сама еще не сознавала своей завтрашней силы. И в то же время Ленин уверенно вел ее к величайшим задачам...

Его выступления на первом Съезде Советов вызвали у эсеро-меньшевистского большинства тревожное недоумение. Они смутно чувствовали, что этот человек взял прицел по какой-то очень далекой точке. Но самой точки они не видели. И революционные мещане спрашивали себя: кто это? что это? простой маниак? или какой-то исторический снаряд небывалой разрывной силы?

Выступление Ленина на Съезде Советов, когда он говорил о необходимости арестовать 50 капиталистов [20], не было, пожалуй, ораторски «удачным». Но оно было исключительно значительным. Короткие аплодисменты немногочисленных сравнительно большевиков [21] провожали оратора, уходившего с видом человека, который не все сказал и, может быть, не совсем так сказал, как хотел бы... И в то же время над залом пронеслось необычное дуновение. Это было дуновение будущего, которое на момент почувствовали все, провожая растерянными взорами этого человека, такого обыкновенного и такого загадочного.

Кто он? Что он? Разве Плеханов не назвал в своей газете первую ленинскую речь на революционной почве Петербурга бредом? Разве делегаты, выбиравшиеся массами, не примыкали сплошь к эсерам и меньшевикам? Разве в среде самих большевиков позиция Ленина не вызвала на первых порах острое недовольство?

С одной стороны, Ленин требовал категорического разрыва не только с буржуазным либерализмом, но и со всеми видами оборончества. Он организовал борьбу внутри собственной партии против тех «старых большевиков», которые,— как писал Ленин,— не раз уже играли печальную роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленно заученную формулу, вместо изучения своеобразия новой, живой действительности». Таким образом, он, на поверхностный взгляд, ослаблял собственную партию. А в то же время он заявил на Съезде Советов: «Не правда, будто ни одна партия не согласна ныне взять власть; такая партия есть: это наша партия». Разве не чудовищное противоречие между положением «кружка пропагандистов», который отмежевывается от всех остальных, и между этой открытой претензией на взятие власти в гигантской стране, потрясенной до дна? И Съезд Советов глубочайшим образом не понимал, чего хочет и на что надеется этот странный человек, этот холодный фантаст, пишущий маленькие статьи в маленькой газете. И когда Ленин с великолепной простотой, которая показалась простоватостью подлинным простецам, заявил на Съезде Советов: «Наша партия готова взять власть целиком»,— раздался смех [22]. «Вы можете смеяться сколько угодно»,— сказал Ленин. Он знал: «Хорошо посмеется тот, кто смеется последним». Ленин любил эту французскую пословицу, ибо твердо готовился смеяться последним. И он спокойно продолжал доказывать, что нужно для начала арестовать 50 или 100 крупнейших миллионеров и объявить народу, что мы считаем всех капиталистов разбойниками, и что Терещенко ничуть не лучше Милюкова, только поглупее. Ужасно, поразительно, убийственно простецкие мысли! И этот представитель маленькой части Съезда, которая время от времени сдержанно аплодирует ему, говорит Съезду: «Вы боитесь власти? А мы готовы ее взять». В ответ, разумеется,— смех, в тот момент почти снисходительный, только чуть-чуть тревожный.

И для второй своей речи Ленин выбирает ужасно простые слова из письма какого-то крестьянина о том, что нужно больше напирать на буржуазию, чтобы она лопалась по всем швам, тогда война кончится, но если не так сильно будем напирать на буржуазию, то скверно будет [23]. И эта простая, наивная цитата — вся программа? Как же не недоумевать? Опять смешок, снисходительный и тревожный. И действительно, в качестве отвлеченно взятой программы группы пропагандистов эти слова: «напирать на буржуазию», не так уж много весят. Недоумевающие не понимали, однако, того, что Ленин безошибочно подслушал нарастающий напор истории на буржуазию, и что в результате этого напора ей неизбежно придется «лопаться по всем швам». Недаром же Ленин разъяснял в мае гражданину Маклакову, что «страна рабочих и беднейших крестьян в тысячу раз левее Черновых и Церетели» и «раз в сто левее нас». Тут-то и есть главный источник ленинской тактики. Сквозь свежую, но уже достаточно мутную демократическую пленку он глубоко прощупал «страну рабочих и беднейших крестьян». Она оказалась готовой совершить величайшую революцию. Но эту свою готовность она пока еще не умеет политически проявить. Те партии, которые говорят от имени рабочих и крестьян, обманывают их. Нашей партии миллионы рабочих и крестьян еще не знают, не нашли ее еще как выразительницу своих стремлений, и в то же время сама наша партия еще не поняла всей своей потенциальной силы, и потому она «в сто раз» правее рабочих и крестьян. Надо приглядаться одно к одному. Надо открыть миллионные массы партии и партию миллионным массам. Не забегать чересчур вперед, но и не отставать. Терпеливо и настойчиво разъяснять. Разъяснять же нужно очень простые вещи. «Долой 10 министров-капиталистов!» Меньшевики не согласны? Долой меньшевиков! Они смеются? До поры до времени... Хорошо посмеется тот, кто будет смеяться последним.

* * *

В Смольном шло первое заседание второго Съезда Советов. Ленин не появлялся на нем. Он оставался в одной из комнат Смольного, в которой, как помню, не было почему-то никакой или почти никакой мебели. Потом уже кто-то постлал на полу одеяла и положил на них две подушки. Мы с Владимиром Ильичем отдыхали, лежа рядом. Но уже через несколько минут меня позвали: «Дан говорит, нужно отвечать». Вернувшись после своей реплики, я опять лег рядом с Владимиром Ильичем, который, конечно, и не думал засыпать. До того ли было? Каждые пять — десять минут кто-нибудь прибегал из зала заседаний сообщить о том, что там происходит. А кроме того, приходили вестники из города, где, под руководством Антонова-Овсеенко, шла осада Зимнего, закончившаяся штурмом.

Должно быть, это было на другое утро, отделенное бессонной ночью от предшествовавшего дня. У Владимира Ильича вид был усталый. Улыбаясь, он сказал: «Слишком резкий переход от подполья и перевезевщины — к власти. Es schwindelt (кружится голова)»,— прибавил он почему-то по-немецки и сделал вращательное движение рукой возле головы. После этого единственного более или менее личного замечания, которое я слышал от него по поводу завоевания власти, последовал простой переход к очередным делам.

* * *

Буржуазные, эсеровские и меньшевистские газеты представляли собой с первых же дней переворота довольно согласный хор волков, шакалов и бешеных собак. Только «Новое Время» пыталось взять «лойяльный» тон, поджимая хвост меж задних ног.

— Неужели же мы не обуздаем эту сволочь? — спрашивал при всякой оказии Владимир Ильич.— Ну, какая же это, прости господи, диктатура!

Газеты особенно ухватились за слова «грабь награбленное» и ворочали их на все лады: и в передовицах, и в стихах, и в фельетонах.

— И далось им это «грабь награбленное»,— с шутливым отчаянием говорил раз Ленин.

— Да чьи это слова? — спросил я,— или это выдумка?

— Да нет же, я как-то действительно это сказал,— ответил Ленин,— сказал да и позабыл, а они из этого сделали целую программу.— И он юмористически замахал рукой.

Всякий знает, кто что-нибудь знает о Ленине, что одна из сильнейших его сторон состояла в умении отделить каждый раз существо от формы. Но очень не мешает подчеркнуть, что он чрезвычайно ценил и форму, зная власть формального над умами и тем самым превращая формальное в материальное. С момента объявления Временного правительства низложенным, Ленин систематически, и в крупном и в малом, действовал, как правительство. У нас еще не было никакого аппарата; связь с провинцией отсутствовала; чиновники саботировали; Викжель мешал телеграфным переговорам с Москвой; денег не было, и не было армии. Но Ленин везде и всюду действовал постановлениями, декретами, приказами от имени правительства. Разумеется, он был при этом дальше, чем кто бы то ни было, от суеверного преклонения перед формальными заклинаниями. Он слишком ясно сознавал, что наша сила в том новом государственном аппарате, который строился с низов, из петроградских районов. Но для того, чтобы сопрячь работу, шедшую сверху, из опустевших или саботировавших канцелярий, с творческой работой, шедшей снизу, нужен был этот тон формальной настойчивости, тон правительства, которое сегодня еще мечется в пустоте, но которое завтра или послезавтра станет силой и потому выступает уже сегодня как сила. Этот формализм необходим был также и для того, чтобы дисциплинировать нашу собственную братию. Над бурлящей стихией, над революционными импровизациями передовых пролетарских групп постепенно натягивались нити правительственного аппарата.

* * *

Кабинет Ленина и мой были в Смольном расположены на противоположных концах здания. Коридор, нас соединявший, или, вернее, разъединявший, был так длинен, что Владимир Ильич шутя предлагал установить сообщение на велосипедах. Мы были соединены телефоном, матросы часто прибегали, перенося замечательные ленинские записки на небольших кусочках бумаги из двух-трех крепких фраз, поставленных, каждая, на ребро, с двух- и трехкратным подчеркиванием наиболее существенных слов, и с заключительным вопросом — тоже ребром. Я несколько раз на дню проходил по бесконечному коридору, походившему на муравейник, в кабинет к Владимиру Ильичу на совещания. В центре стояли боевые вопросы...

Немецкое наступление поставило нас перед труднейшими задачами, а средств для их разрешения не было, как не было и элементарнейшего уменья найти эти средства или создать их. Мы начали с воззвания. Написанный мною проект — «Социалистическое отечество в опасности» — обсуждался вместе с левыми эсерами. Эти последние, в качестве новобранцев интернационализма, смутились заголовком воззвания. Ленин, наоборот, очень одобрил: «Сразу показывает перемену нашего отношения к защите отечества на 180 градусов. Так именно и надо!» В одном из заключительных пунктов проекта говорилось об уничтожении на месте всякого, кто будет оказывать помощь врагам. Левый эсер Штейнберг [24], которого каким-то странным ветром занесло в революцию и даже взметнуло до Совнаркома, восставал против этой жестокой угрозы, как нарушающей «пафос воззвания».

— Наоборот, — воскликнул Ленин, — именно в этом настоящий революционный пафос (он иронически передвинул ударение) и заключается. Неужели же вы думаете, что мы выйдем победителями без жесточайшего революционного террора?

Это был период, когда Ленин при каждом подходящем случае вколачивал мысль о неизбежности террора. Всякие проявления прекраснодушия, маниловщины, халатности — а всего этого было хоть отбавляй — возмущали его не столько сами по себе, сколько как признак того, что даже верхи рабочего класса не отдают еще себе достаточного отчета в чудовищной трудности задач, которые могут быть разрешены лишь мерами чудовищной же энергии. «Им,— говорил он про врагов,— грозит опасность лишиться всего. И в то же время у них есть сотни тысяч людей, прошедших школу войны, сытых, отважных, готовых на все офицеров, юнкеров, буржуазных и помещичьих сынков, полицейских, кулаков. А вот эти, извините за выражение, «революционеры» воображают, что мы сможем совершить революцию по-доброму да по-хорошему. Да где они учились? Да что они понимают под диктатурой? Да какая у него выйдет диктатура, если он сам тютя?» Такие тирады можно было слышать десятки раз на дню, и они всегда метили в кого-нибудь из присутствующих, подозрительного по «пацифизму». Ленин не пропускал ни одного случая, когда говорилось при нем о революции, о диктатуре, особенно, когда это происходило на заседаниях Совнаркома или в присутствии левых эсеров или колеблющихся коммунистов, чтобы не заметить тут же: «Да где у нас диктатура? Да покажите ее! У нас — каша, а не диктатура». Слово «каша» он очень любил. «Если мы не умеем расстрелять саботажника-белогвардейца, то какая же это великая революция? Да вы смотрите, как у нас буржуазная шваль пишет в газетах? Где же тут диктатура? Одна болтовня и каша»... Эти речи выражали его действительное настроение, имея в то же время сугубо умышленный характер: согласно своему методу, Ленин вколачивал в головы сознание необходимости исключительно суровых мер для спасения революции.

Бессилие нового государственного аппарата обнаружилось ярче всего с момента перехода немцев в наступление. «Вчера еще прочно сидели в седле,— говорил наедине Ленин,— а сегодня только лишь держимся за гриву. Зато и урок! Этот урок должен подействовать на нашу проклятую обломовщину. Наводи порядок, берись за дело, как следует быть...»

* * *

Вопрос о переезде правительства в Москву вызвал немалые трения. [25] Это-де похоже на дезертирство из Петрограда, основоположника Октябрьской революции. Рабочие-де этого не поймут. Смольный-де стал синонимом Советской власти, а теперь его предлагают ликвидировать и пр. и пр. Ленин буквально из себя выходил, отвечая на эти соображения: «Можно ли такими сентиментальными пустяками загораживать вопрос о судьбе революции? Если немцы одним скачком возьмут Питер и нас в нем, то революция погибла. Если же правительство — в Москве, то падение Петербурга будет только частным тяжким ударом. Как же вы этого не видите, не

понимаете? Более того: оставаясь при нынешних условиях в Петербурге, мы увеличиваем военную опасность для него, как бы толкая немцев к захвату Петербурга. Если же правительство — в Москве, искушение захватить Петербург должно чрезвычайно уменьшиться: велика ли корысть оккупировать голодный революционный город, если эта оккупация не решает судьбы революции и мира? Что вы калякаете о символическом значении Смольного! Смольный — потому Смольный, что мы в Смольном. А будем в Кремле, и вся ваша символика перейдет к Кремлю». В конце концов оппозиция была сломлена. Правительство переехало в Москву. Я еще оставался некоторое время в Петербурге, кажется, в звании председателя петербургского военно-революционного комитета. По приезде в Москву я застал Владимира Ильича в Кремле, в так называемом Кавалерском корпусе. «Каши», т. е. беспорядка и хаоса, тут было никак не меньше, чем в Смольном. Владимир Ильич добродушно поругивал москвичей, проникнутых великим местничеством, и постепенно, шаг за шагом, натягивал вожжи.

* * *

Вспоминается мне эпоха восстания левых эсеров и убийство графа Мирбаха. Помню, Владимир Ильич позвонил по телефону (сейчас слышу его голос): «Слышали новость!» Когда он волновался, голос его становился глухим, быстрым, и он осекал окончания. По голосу я уже определил, что что-то случилось. Он мне сообщает дальше: «Левые эсеры убили Мирбаха. Приезжайте, посоветуемся». Я приехал к нему, и в 2—3 минуты, держа трубку у уха, он со мной переговорил обо всем. «Вот новость,— сказал он,— совершенно неожиданное колебнутие мелкой буржуазии». Помню это характерное слово «колебнутие», так метко определившее историческую значимость левоэсеровского выступления. И сейчас же Владимир Ильич произносит в телефон: «А проверены ли все входы и выходы у Большого театра?»

Вот вам живой кусок Ленина. В нем постоянно параллельно проходили два процесса: один теоретический — определить значимость события, те последствия, которые из него вытекают, и найти выход, и второй — практический: сейчас же найти рычаг, средство ликвидировать восстание, не утратить темпа, не пропустить ни одной секунды.

И когда я заметил тов. Ленину: «А не явятся ли левые эсеры той вишневой косточкой, о которую нам суждено споткнуться» (у Диккенса есть какое-то подобное сравнение) — он подумал и сказал: «Это и есть судьба их — оказаться вишневой косточкой в интересах белогвардейщины». Тут же он цитирует Энгельса по-немецки и, как нельзя кстати, вспоминает его меткую характеристику: «закусивший удила мелкий буржуа».

* * *

Перед заседаниями, на которых разбирались принципиальные вопросы, или вопросы, приобретшие важность вследствие столкновения ведомств, Ленин настаивал по телефону, чтобы я ознакомился заранее с вопросом... Когда выяснялось, что мы с ним смотрим на вопрос одинаково, то уж ни он, ни я не сомневались, что проведем нужное решение... Когда нам не удавалось сговориться заранее, мы обменивались во время заседания записочками... Записочка о несогласии с ним бывала иногда написана в шутливом тоне, и тогда Ленин при чтении ее как-то вскидывался всем телом. Он был очень смешлив, особенно когда уставал. Это в нем была детская черта. В этом мужественнейшем из людей вообще были детские черты. Я с торжеством наблюдал, как он забавно борется с приступом смеха, продолжая строго председательствовать. Его скулы выдавались тогда от напряжения еще более.

* * *

После Октября фотографы снимали Ленина не раз, точно так же и кинематографщики. Голос его запечатлен на пластинках фонографа. Речи застенографированы и напечатаны. Таким образом, все элементы Владимира Ильича налицо. Но только элементы. А живая личность — в их неповторном и всегда динамическом сочетании.

Когда я мысленно пытаюсь свежим глазом и свежим ухом, как бы в первый раз, увидеть и услышать Ленина на трибуне, я вижу крепкую и внутренне эластическую фигуру невысокого роста и слышу ровный, плавный, очень быстрый, чуть картавый, непрерывный, почти без пауз и на первых порах без особой интонации голос.

Первые фразы обычно общи, тон нащупывающий, вся фигура как бы не нашла еще своего равновесия, жест не оформлен, взгляд ушел в себя, в лице скорее угрюмость и как бы даже досада — мысль ищет подхода к аудитории. Этот вступительный период длится то больше, то меньше — смотря по аудитории, по теме, по настроению оратора. Но вот он попал на зарубку. Тема начинает вырисовываться. Оратор наклоняет верхнюю часть туловища вперед, заложив большие пальцы рук за вырезы жилета. И от этого двойного движения сразу выступают вперед голова и руки. Голова сама по себе не кажется большой на этом невысоком, но крепком, ладно сколоченном, ритмическом теле. Но огромными кажутся на голове лоб и голые выпуклины черепа. Руки очень подвижны, однако без суетливости или нервозности. Кисть широкая, короткопалая, «плебейская», крепкая. В ней, в этой кисти, есть те же черты надежности и мужественного добродушия, что и во всей фигуре. Чтоб дать разглядеть это, нужно, однако, оратору осветиться изнутри, разгадав хитрость противника или самому с успехом заманив его в ловушку. Тогда из-под могучего лобно-черепного навеса выступают ленинские глаза, которые чуть-чуть переданы на одной счастливой фотографии 1919 г. Даже безразличный слушатель, поймав впервые этот взор, настораживался и ждал, что будет дальше. Угловатые скулы освещались и смягчались в такие моменты крепко умной снисходительностью, за которой чувствовалось большое знание людей, отношений, обстановки — до самой что ни на есть глубокой подоплеки. Нижняя часть лица с рыжевато-сероватой растительностью как бы оставалась в тени. Голос смягчался, получал большую гибкость и — моментами — лукавую вкрадчивость.

Но вот оратор приводит предполагаемое возражение от лица противника или злобную цитату из статьи врага. Прежде чем он успел разобрать враждебную мысль, он дает вам понять, что возражение неосновательно, поверхностно или фальшиво. Он высвобождает пальцы из жилетных вырезов, откидывает корпус слегка назад, отступает мелкими шагами, как бы для того, чтобы освободить себе место для разгона, и — то иронически, то с видом отчаяния — пожимает крутыми плечами и разводит руками, выразительно отставив большие пальцы. Осуждение противника, осмеяние или опозорение его — смотря по противнику и по случаю — всегда предшествует у него опровержению. Слушатель как бы предуведомляется заранее, какого рода доказательств ему надо ждать и на какой тон настроить свою мысль. После этого открывается логическое наступление. Левая рука попадает либо снова за жилетный вырез, либо, чаще, в карман брюк. Правая следует логике мысли и отмечает ее ритм. В нужные моменты левая приходит на помощь. Оратор устремляется к аудитории, доходит до края эстрады, склоняется вперед и округлыми движениями рук работает над собственным словесным материалом. Это значит, что дело дошло до центральной мысли, до главнейшего пункта всей речи.

Если в аудитории есть противники, навстречу оратору поднимаются время от времени критические или враждебные восклицания. В девяти случаях из десяти они остаются без ответа. Оратор скажет то, что ему нужно, для кого нужно, и так, как он считает нужным. Отклоняться в сторону для случайных возражений он не любит. Беглая находчивость не свойственна его сосредоточенности. Только голос его, после враждебных восклицаний, становится жестче, речь компактнее и напористее, мысль острее, жесты резче. Он подхватывает враждебный возглас с места только в том случае, если это отвечает общему ходу его мысли и может помочь ему скорее добраться до нужного вывода. Тут его ответы бывают совершенно неожиданны — своей убийственной простотой. Он начисто обнажает ситуацию там, где, согласно ожиданиям, он должен был бы маскировать ее. Это испытывали на себе не раз меньшевики в первый период революции, когда обвинения в нарушениях демократии сохраняли еще всю свою свежесть. «Наши газеты закрыты!» — «Конечно, но, к сожалению, не все еще! Скоро будут закрыты все. (Бурные аплодисменты). Диктатура пролетариата уничтожит в корне эту позорную продажу буржуазного опиума». (Бурные аплодисменты). Оратор выпрямился. Обе руки в карманах. Тут нет и намека на позу, и в голосе нет ораторских модуляций,— зато есть во всей фигуре, и в посадке головы, и в сжатых губах, и в скулах, и в чуть-чуть сиплом тембре несокрушимая уверенность в своей правоте и в своей правде. «Если хотите драться, то давайте драться, как следует быть».

Когда оратор бьет не по врагу, а по своим, то это чувствуется и в жесте, и в тоне. Самая неистовая атака сохраняет в таком случае характер «урезонивания». Иногда голос оратора срывается на высокой ноте: это — когда он стремительно обличает кого-нибудь из своих, устыжает, доказывает, что оппонент ровнешенько ничего в вопросе не смыслит и в обоснование своих возражений ничего, ну так-таки ничегошеньки не привел. Вот на этих «ровнешенько» и «ничегошеньки» голос иногда доходит до фальцета и срыва, и от этого сердитейшая тирада принимает неожиданно оттенок добродушия.

Оратор продумал заранее свою мысль до конца, до последнего практического вывода,— мысль, но не изложение, не форму, за исключением разве наиболее сжатых, метких, сочных выражений и словечек, которые входят затем в политическую жизнь партии и страны звонкой монетой обращения. Конструкция фраз обычно громоздкая, одно предложение наплаcтовывается на другое или, наоборот, забирается внутрь его. Для стенографов такая конструкция — тяжкое испытание, а вслед за ними — и для редакторов. Но через эти громоздкие фразы напряженная и властная мысль прокладывает себе крепкую, надежную дорогу.

Верно ли, однако, что это говорит глубочайше образованный марксист, теоретик-экономист, человек с огромной эрудицией? Ведь вот кажется, по крайней мере моментами, что выступает какой-то необыкновенный самоучка, который дошел до всего этого своим умом, как следует быть все это обмозговал, по-своему, без научного аппарата, без научной терминологии, и по-своему же все это излагает. Откуда это? Оттуда, что оратор продумал вопрос не только за себя, но и за массу, провел свою мысль через ее опыт, начисто освобождая изложение от теоретических лесов, которыми сам пользовался при первом подходе к вопросу.

Иногда, впрочем, оратор слишком стремительно взбегает по лестнице своих мыслей, перепрыгивая через две-три ступени сразу: это когда вывод ему слишком ясен и практически слишком неотложен и нужно как можно скорее подвести к нему слушателей. Но вот он почувствовал, что аудитория не поспевает за ним, что связь со слушателями разомкнулась. Тогда он сразу берет себя в руки, спускается одним прыжком вниз и начинает свое восхождение заново, но уже более спокойным и соразмеренным шагом. Самый голос его становится иным, освобождается от излишней напряженности, получает обволакивающую убедительность. Конструкция речи от этого возврата вспять, конечно, страдает. Но разве речь существует для конструкции? Разве в речи ценна какая-либо другая логика, кроме логики, понуждающей к действию?

И когда оратор вторично добирается до вывода, приведя на этот раз к нему своих слушателей, не растеряв в пути никого, в зале физически ощущается та благодарная радость, в которую разрешается удовлетворенное напряжение коллективной мысли. Теперь остается пристукнуть еще раза два-три по выводу,— для крепости, дать ему простое, яркое и образное выражение, для памяти, а затем можно позволить и себе и другим передышку, пошутить и посмеяться, чтобы коллективная мысль получше всосала в себя тем временем новое завоевание.

Ораторский юмор Ленина так же прост, как и все прочие его приемы, если здесь можно говорить о приемах. Ни самодовлеющего остроумия, ни тем более острословия в речах Ленина нет, а есть шутка, сочная, доступная массе, в подлинном смысле народная. Если в политической обстановке нет ничего слишком тревожного, если аудитория в большинстве своем «своя», то оратор не прочь мимоходом «побалагурить». Аудитория благодарно воспринимает лукаво-простецкую прибаутку, добродушно-безжалостную характеристику, чувствуя, что и это не так себе, не для одного лишь красного словца, а все для той же цели.

Когда оратор прибегает к шутке, тогда больше выступает нижняя часть лица, особенно рот, умеющий заразительно смеяться. Черты лба и черепа как бы смягчаются, глаз, переставая сверлить, весело светится, усиливается картавость, напряженность мужественной мысли смягчается жизнерадостностью и человечностью.

В речах Ленина, как и во всей его работе, главной чертой остается целеустремленность. Оратор не речь строит, а ведет к определенному действенному выводу. Он подходит к своим слушателям по-разному: и разъясняет, и убеждает, и срамит, и шутит, и снова убеждает, и снова разъясняет. То, что объединяет его речь, это не формальный план, а ясная, строго для сегодняшнего дня намеченная практическая цель, которая должна занозой войти в сознание аудитории. Ей подчинен и его юмор. Шутка его утилитарна. Яркое словечко имеет свое практическое назначение: подстегнуть одних, попридержать других. Тут и «хвостизм», и «передышка», и «смычка», и «драчка», и «комчванство», и десятки других, не столь увековеченных. Прежде чем добраться до такого словечка, оратор описывает несколько кругов, как бы отыскивая нужную точку. Найдя, наставляет гвоздь и, примерив, как следует быть, глазом, наносит с размаху удар молотком по шляпке, и раз, и другой, и десятый,— пока гвоздь не войдет, как следует быть, так что его очень трудно бывает выдернуть, когда уж минует в нем надобность. Тогда Ленину же придется, с прибауткой, постукать по этому гвоздю справа и слева, чтобы расшатать его и, выдернув, бросить в архивную ломь — к великому огорчению тех, которые к гвоздю привыкли.

Но вот речь клонится к концу. Итоги подведены, выводы закреплены. Оратор имеет вид работника, который умаялся, но дело свое выполнил. По голому

черепу, на котором выступили крупинки пота, он проводит время от времени рукой. Голос звучит без напряжения, как догорает костер. Можно кончать. Но не надо ждать того венчающего речь подъемного финала, без которого, казалось бы, нельзя сойти с трибуны. Другим нельзя, а Ленину можно. У него нет ораторского завершения речи: он кончает работу и ставит точку. «Если поймем, если сделаем, тогда победим наверняка»,— такова нередкая заключительная фраза. Или: «Вот к чему нужно стремиться — не на словах, а на деле». А иногда и того проще: «Вот все, что я хотел вам сказать» — и только. И такой конец, полностью отвечающий природе ленинского красноречия и природе самого Ленина, нисколько не расхолаживает аудиторию. Наоборот, как раз после такого «неэффектного», «серого» заключения она как бы заново, одной вспышкой сознания охватывает все, что Ленин дал ей в своей речи, и разражается бурными благодарными восторженными аплодисментами.

Но уже подхватив кое-как свои бумажки, быстро покидает кафедру Ленин, чтобы избегнуть неизбежного. Голова его слегка втянута в плечи, подбородком вниз, глаза скрылись под брови, усы топорщатся почти сердито на недовольно приподнятой верхней губе. Рокот рукоплесканий растет, кидая волну на волну. Да здра... Ленин... вождь... Ильич... Вот мелькает в свете электрических ламп неповторимое человеческое темя, со всех сторон захлестываемое необузданными волнами. И когда, казалось, вихрь восторга достиг уже высшего неистовства — вдруг через рев и гул и плеск чей-то молодой, напряженный, счастливый и страстный голос, как сирена, прорезывающий бурю: Да здравствует Ильич! И откуда-то из самых глубоких и трепетных глубин солидарности, любви, энтузиазма поднимается в ответ уже грозным циклоном общий безраздельный потрясающий своды вопль-клич: Да здравствует Ленин!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Очерк написан при жизни Ленина, в марте 1923 года.

[2] Имеется в виду работа Ленина «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина» (ПСС, т. 42, с. 264—364).

[3] Там же, с. 289—291. Имеется в виду знаменитый пример «со стаканом».

[4] К. Радек принадлежал в то время к числу «левых коммунистов».

[5] То есть осенью 1920 года.

[6] Речь идет о статьях Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше», написанных соответственно 23 января и 2 марта 1923 г.

[7] Курорт в Швейцарии.

[8] По-видимому, осенью 1916 года.

[9] Телеграмма отправлена Лениным между 2 (15) и 3 (16) марта.

[10] Об этих «проектах» упоминает и Крупская (см. Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1989, с. 274).

[11] Тем не менее именно на одном из таких совещаний Л. Мартов выдвинул идею о проезде политэмигрантов через Германию.

[12] Отъезд состоялся 27 марта (9 апреля).

[13] На самом деле это было ранним вечером, уже в 18 часов 32 минуты Ленин телеграфирует в Петроград в Бюро ЦК РСДРП о задержании на границе швейцарского социалиста Ф. Платтена.

[14] Р. В. Малиновский — агент царской охранки. В партии играл видную роль, на Пражской (1912 г.) конференции РСДРП был избран членом ЦК, являлся депутатом IV Государственной думы. Был разоблачен Следственной комиссией Временного правительства. В 1918 году арестован, судим Верховным трибуналом ВЦИКа, приговорен к расстрелу.

[15] Подписка была отобрана еще в Швейцарии, текст ее гласил: «Я, нижеподписавшийся, удостоверяю своей подписью:

[а] что условия, установленные Платтеном с германским посольством, мне объявлены;

[б] что я подчиняюсь распоряжениям руководителя поездки Платтена;

[в] что мне сообщено известие из «Petit Parisien», согласно которому русское Временное правительство угрожает привлечь по обвинению в государственной измене тех русских подданных, кои проедут через Германию;

[г] что всю политическую ответственность за мою поездку я принимаю на себя;

[д] что Платтеном мне гарантирована поездка только до Стокгольма» (см. ПСС, т. 32, с. 505).

[16] Кроме Каменева и Сталина, Ленина встречали А. Шляпников, А. Коллонтай, М. Ульянова, В. Зоф, Н. Емельянов, Л. Сталь.

[17] Поезд прибыл в 23.10.

[18] Н. С. Чхеидзе в то время возглавлял Петроградский Совет и ЦИК.

[19] Так в тексте.

[20] См. ПСС, т. 32, с. 267—268.

[21] На I съезде Советов было 105 большевиков из 1090 депутатов.

[22] В самом деле, стенограф зафиксировал смех — см. ПСС, т. 32, с. 267.

[23] См. ПСС, т. 32, с. 291.

[24] И. Штейнберг, один из лидеров партии левых эсеров — в то время нарком юстиции.

[25] Отъезд правительства из Петрограда в Москву состоялся 10 марта 1918 года.

В текстах сохранена авторская пунктуация.

Публикация и примечания Льва Овруцкого.

■

Казалось бы, вот и пришло время подмечать ошибки и упущения, исправлять их, строго спрашивать с тех, кто в них повинен, не взирая на служебное положение. Нет, дорогие сограждане, теперь всерьез задумаешься, прежде чем кого-либо критиковать. Задуматься заставляет принятый Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1989 года. Черным по белому написано, в частности, буквально следующее: «Публичные оскорбления или дискредитация высших органов государственной власти и управления СССР, иных государственных органов, образуемых или избираемых Съездом народных депутатов СССР или Верховным Советом СССР, либо должностных лиц, назначаемых, избираемых или утверждаемых Съездом народных депутатов СССР или Верховным Советом СССР, а равно общественных организаций и их общесоюзных органов, созданных в установленном законом порядке и действующих в соответствии с Конституцией СССР,— наказывается лишением свободы на срок до трех лет или штрафом до двух тысяч рублей».

Получается, заместителей министров союзных ведомств критиковать можно, всех небольших начальников — тоже можно, в орбите критики руководители республиканских ведомств и даже председатели Советов Министров союзных республик. А вот тех, кто повыше, в правительстве СССР, например,— нельзя. Что касается общественных организаций, то они тоже неприкосновенны, например, общество трезвости, регулярно собирающее членские взносы и мало что делающее другое (боюсь сказать, плохо работающее, не выполняющее своих функций, ведь это можно при желании расценивать как дискредитацию). Можно критиковать секретаря ЦК КПСС, это вроде бы допускается, а вот ВЦСПС уже запрещено (в то же время его секретарей — пожалуйста).

Да, повезло многим хорошим авторам «Нового мира», «Знамени», «Огонька», «Крокодила», «Литгазеты», критиковавшим не стрелочников, а деятельность общесоюзных ведомств и их руководителей, например, Минводхоза СССР, Госагропрома СССР и других, разрушавших природу, гноивших собранные урожаи, производивших колбасу, которую не едят даже кошки. Указ обратной силы не имеет. Прошлые разоблачения подобного рода уголовно ненаказуемы, хотя благодаря усилиям этих авторов названные ведомства и их руководители дискредитированы. В итоге даже министра освободили и Госагропром СССР ликвидировали на благо народа.

А вот, скажем, Министерство финансов СССР и его руководитель Б. И. Гостев могут жить спокойно, ведь никто теперь не посмеет утверждать, что их активная деятельность (или бездеятельность) явилась причиной громадного дефицита государственного бюджета, расстройства денежного обращения, резкого усиления инфляционных процессов в стране. Такое утверждение, если уж не оскорбление, то во всяком случае — дискредитация.

Что же за слово такое «дискредитация», примененное неизвестными, как всегда, составителями Указа? Дискредитировать — значит подорвать к кому-то доверие, умалить чей-то авторитет, например, указанных выше ведомств и их руководителей. Но ведь все это может быть следствием честной, беспристрастной и объективной критики.

Скажем откровенно, келейно рожденный Указ, о котором идет речь,— крупная победа авторитарной системы, должностной элиты, правда, будем надеяться, временная.

Что же делать? Как совместить право каждого гражданина СССР критиковать недостатки в работе, запрещение преследования за критику (об этом говорится в ст. 49 Основного Закона страны) с введением уголовной ответственности за дискредитацию, то есть, по существу, критику высоких органов и должностных лиц? Разобраться в этом — мой наказ народным депутатам СССР.

Р. ЦИВИЛЕВ,
кандидат юридических наук

■

10 марта в Киеве, у памятника Т. Г. Шевченко, я стал свидетелем поразительного явления. Праздновалось 175-летие великого поэта, и множество людей пришли к памятнику возложить цветы, почитать стихи, спеть «Реве та стогне...». Но не тут-то было! У памятника появился радиоавтобус, и из его репродукторов так загремело, что нельзя было услышать рядом стоявшего человека. Мы стали обращаться к людям из автобуса с просьбой хотя бы сделать потише звук, если не желают уехать совсем. Но «радисты» были неумолимы. Им, мол, так приказали.

Приказали, видимо, не только им. Вокруг парка стояло столько машин и автобусов, милиции, что, казалось, речь идет о «несанкционированном митинге».

Не слышал, чтобы в какой-либо стране применялось подобное «глушение». Поэтому предлагаю выдать патент на изобретение соответствующим службам Киева.

Б. КОЗЛОВ,
агроном
Киев

■

Направляю вам прелюбопытный документ, разосланный по некоторым библиотекам Ижевска. Здесь без комментария ясно видно отношение нашего горкома партии к гласности.

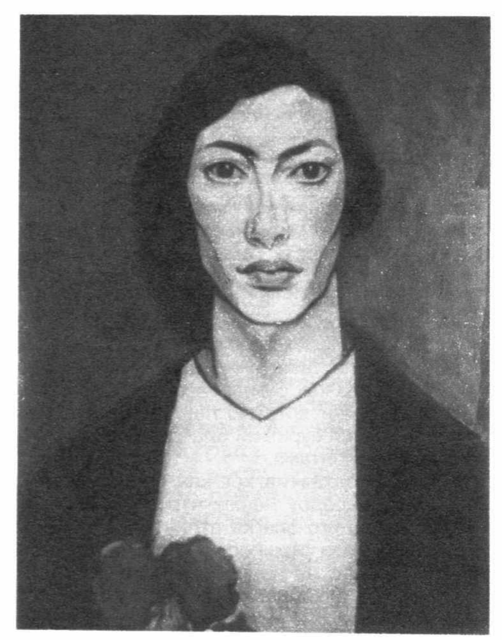
В. ШЕЛЕСТ
Ижевск

Довожу до вашего сведения, что горкомом партии не рекомендуется вести активную пропаганду журнала "Огонёк" и газеты "Московские новости", а активизировать пропаганду газеты "Правда".

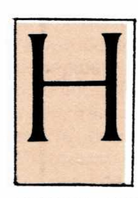
Председатель метод. объединения библиотечных работников
ССУз УАССР [illegible] Веретобитова С.

НАТАН ИСАЕВИЧ АЛЬТМАН

1889—1970

Натан Альтман был знаменит дважды: в середине десятых годов, когда он, только-только выйдя на художественную арену, создал серию блистательных живописных и графических композиций, и сразу же после Октябрьской революции: в те годы его имя называлось в ряду бесспорных лидеров искусства своего времени.

Потом художник жил и работал еще несколько десятилетий, имел поклонников, был ценим знатоками, но звезда его как-то потускнела и уже не сияла среди светил первой величины.

Это был не спад, а добровольное отступление. Ведь в 30—40-е годы и позже самые главные черты таланта Альтмана, его дерзкое бунтарство, парадоксально сопоставляемое с классической традицией, его страсть к эксперименту, помноженная на виртуозный артистизм,— все это оказалось не ко двору. Он не стал сражаться, а лишь выбирал скромные задачи, которые решал по-прежнему совершенно, но это мало кого интересовало.

Однако сейчас, когда мы ревниво и напряженно пересматриваем историю нашего искусства, есть все основания вернуть Натану Альтману отнятые лавры. Ибо лучшее из того, что он сделал, принадлежит классике российской и советской художественной культуры, общественной мысли.

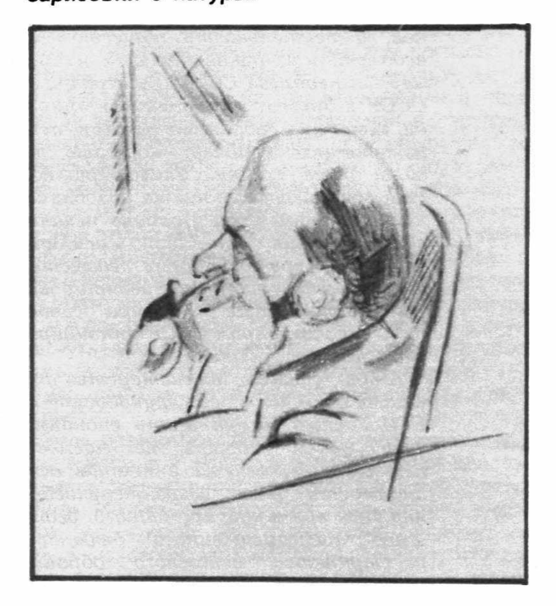
В некоторых отношениях Альтман был фигурой загадочной. Он работал в эпоху, когда на подмостки художественной жизни выходили одно за другим разноликие творческие направления со своими системами, приемами, теориями и манифестами. Их диапазон был очень широк — от неоакадемизма до беспредметничества. Альтман все их знал, почти все использовал, но не принадлежал полностью ни к одному из них. Он был общим родственником, но не входил ни в чью семью. Художник извлекал своего рода стилевую равнодействующую из всех исканий изобразительного искусства своего времени и делал это с удивительной цельностью и законченностью.

Эти качества были у него прирожденными. Выходец из семьи с более чем скромным достатком, он более всего был обязан себе самому, своему упорству и настойчивости в достижении поставленных целей. Альтман не был ничьим учеником. В Одесском художественном училище этот упрямый и своенравный молодой человек из Винницы взял (не получил, а именно взял) некоторые основы общей академической техники. Хотя училище он и оканчивать-то не стал, полученных навыков вполне достало, чтобы с необходимой сноровкой выполнить несколько портретов («Дама на террасе», 1906, «Бабушка», 1908) и жанров («Весна», 1908, «Двор костела в праздник», 1910). Впрочем, тут видна не только добротная выучка. И все это выглядит завершенно, отточенно, чеканно — свойства, которые будут характерны для художника всегда и во всем.

В 1911 году он ненадолго едет в Париж и на краткий срок присоединяется к сообществу русских живописцев и скульпторов в знаменитом «Улье» («Ля рюш»), где в нищих каморках вынашивалось великое искусство будущего. Знакомство с такими знаменитыми впоследствии мастерами, как А. Архипенко, Х. Сутин, М. Шагал, ничуть не приглушило индивидуальности Н. Альтмана. Он знакомится с французской художественной культурой, извлекает для себя уроки из постимпрессионизма и кубизма, но и тут остается самим собой. Его картины парижского, 1911-го, года доказывают это со всей неоспоримостью. В «Автопортрете» этого года формы упрощены, лицо построено при помощи нескольких пересекающихся плоскостей, но все эти новации использованы ради лапидарного и острого воссоздания характера: молодой человек с тревожной душой и собранной волей, пристально и взыскующе всматривающийся в мир.

Зарисовки с натуры.

Точно так же кубистические приемы оказываются гранями драматического образа в «Еврейских похоронах» того же года. На скошенном полу внутри геометризованных очертаний расположены тело покойника, несколько фигур плакальщиков, огромные горящие свечи. Мрачная игра образующихся теней, прорванных яростным, кричащим светом, создает скорбно-трагическое настроение сцены. Условность формы оборачивается неожиданной режиссурой действия: во всей необычности изображенного есть что-то потустороннее, приобщение к грозным, неведомым силам бытия.

Картину отличает строгая и последовательная чеканность каждой детали. Со временем эта отделанность всех граней формы становится составной частью поэтического строя работ.

С 1912 года он живет в Петербурге. Художественная жизнь столицы была в ту пору пестрой и сложной. Альтман был одним из первых в России художников, которые использовали кубистические приемы. Но чувственная конкретность жизни сохраняет для него всю силу обаяния, которого днем с огнем не отыщешь в экспериментах кубизма. В портретах Альтман вполне традиционно интересуется душевной жизнью человека, не растворяя ее в декоративной узорчатости или в хаосе деформаций. Однако обо всем мастер хотел бы рассказать на языке современности. «Дама у рояля» (1913) вроде бы напоминает о старых образцах жанра: привычная концертная поза, эффектные сочетания темного платья, лиловой ленты, кружевного воротника. Но металлические тусклые цветовые сочетания, угловатость форм, некоторая сплющенность всей композиции делают ее внутренне напряженной и какой-то отстраненной, тревожной.

В альтмановских произведениях 1912—1916 гг. постсезаннистские и кубистические приемы не выглядят чем-то инородным или сугубо формальным. Нет, они обладают живым богатством выражения, сами по себе служат существенными оттенками образов. В портрете Н. Е. Добычиной (1915), в «Подсолнухах» (1915), в скульптурном автопортрете 1916 года ломкие грани форм (заключенные, однако, в целостные объемы) создают чрезвычайно экспрессивную перекличку колючей остроты чувства жизни и строгой, застылой завершенности всего окружающего. Подобное взаимодействие фигур и пространства придает неожиданную новизну очередной вариации вечной темы конфликта человека и окружающей его жизни.

С философской масштабностью такое сложно-противоречивое ощущение современности запечатлелось в «Пейзаже» 1914 года, вызвавшем многочисленные комментарии критики (он, к сожалению, неизвестно где находится, ныне о нем можно судить только по репродукции). В «Пейзаже» предстает что-то вроде лунного ландшафта — картина мира, который словно перенес разрушительную катастрофу, а теперь создан снова из праха своих рассыпавшихся было частей. Тут все сплошной парадокс: это застылый крик, окаменевшие стоны, замерший трепет. Обретенная заново классическая гармония несет на себе следы живой, горячей боли, из которой эта гармония выросла, сохранив отпечаток содроганий пережитого.

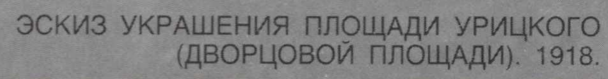
На зыбкой, смутной двойственности основана вся

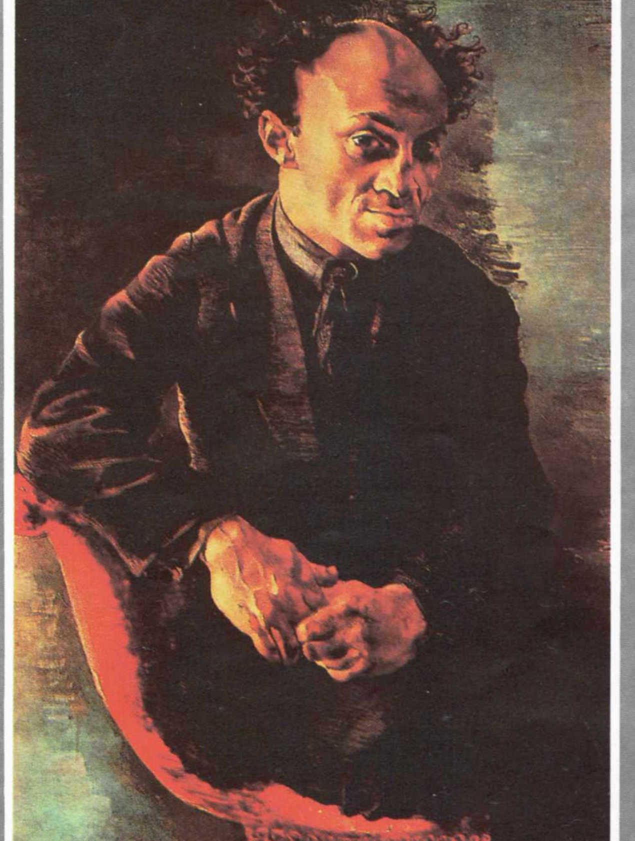
ПОРТРЕТ АННЫ АХМАТОВОЙ. 1914.

ПОДСОЛНУХИ. 1915.

Продолжение на вкл. 3.

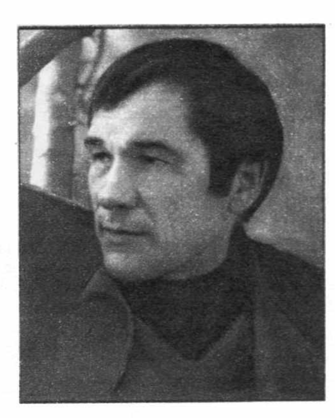

ЭСКИЗ УКРАШЕНИЯ ПЛОЩАДИ УРИЦКОГО (ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ). 1918.

ПОРТРЕТ С. М. МИХОЭЛСА. 1927.

ТЕРПЕНИЕ СВОБОДЫ

Владимир ЛЕОНОВИЧ

ДРУЗЬЯМ

Нам было по двадцать, а стало за сорок.
Смолкает наш пафос, стареет наш порох.

Но все-таки Брут обучил нас латыни,
но все-таки жизнь — это память святыни!

Мы были суровы — а стали угрюмы.
Давайте напишем БЫЛОЕ И ДУМЫ —

нам память сердечная не изменила
и все похороненное сохранила.

Дворы подметали, капусту грузили...
Одно титаническое усилье —

вот мы. Вот единый на долгие годы
задержанный вдох. О терпенье свободы!

1980

О ЮБИЛЕЯХ

Все начинается
с пяти-шести,
растет к семи-восьмидесятилетью.
Покойники — особенно в чести,
и допускает к литнаследью
любого-каждого их мирный прах.
Мертвец растет буквально на глазах!
Прибавка веса и прибавка роста
особенно заметны к девяноста,
и даже некоторый спад
являет голое столетье —
есть магия подобных дат.

Итак, дерзайте, юбилейте
и снова, не щадя ума,
учите мертвого, как жить ему на свете:
ученье свет, а неученье тьма.

1975

СУШЬ

А. В.

Который насос производит откачку,
движеньями лапок похож на собачку.

Старательно воду земную сосет
система земных понижения вод.

Квартал деревянный неслышно осадит,
подземную речку отсюда отвадит,

кругом наведет сокровенную сушь —
гони экскаватор и домики рушь.

Бестрепетны лица румяных рабочих,
огонь безучастен, и ковш неразборчив.

Под грудою хлама сопит самосвал.
Я все это знал и по имени звал.

Я поднял и вынес оттуда немного:
истертую доску чужого порога —
раскосые выпуклые сучки,
тройные подглазья, сухие зрачки.

1979

НА АНТОНОВКЕ ВЕСНА

Неясной волей, волей вышней
замедлена, затруднена,
едва заметно и неслышно
здесь начинается весна.

Вздымает голубые сопки
сплошная шорская тайга:
там с февраля — ручьи на солнце,
а по июль — в тени снега.

В апреле небо слишком близко:
его цепляют за края
пихты смолистой обелиски
и терриконов острия.

И это не последний тормоз.
Апрель блистает, словно термос,—
попробую — блесну, сравню —
тепло и холод сохраню.

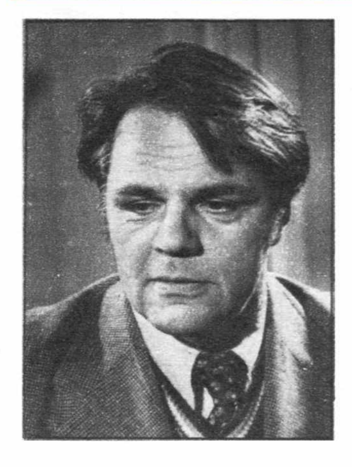
По горизонту волноваты
земли туманные края.
Все понемногу виноваты —
и сонная душа моя,

и это поле, и болото,
и этот медленный апрель —
вся паволока, позолота
и световая канитель,

вся тварь — земная, водяная
и дремлющая под корой...
Я сплю — я ничего не знаю,—
поговорите с ней — с весной...

1966

ГЛУХОЕ ЭХО

Николай НОВИКОВ

* * *

Свистуны отсвистели в свистульки,
Игрецы отдудели в дуделки,
Отхохмил свои хохмы хохмач.
Подметают арену метелки.
Гасят свет. Вот и все посиделки,
И — хоть выколи глаз,
Ну, хоть плачь...

А на улице холод и вьюга,
Холодюга, пьянчуга, бандюга,
И в торосах затерло трамвай,
И стоишь на углу, бедолага.
Позади — ни жены и ни друга,
Хочешь — плюнь,
Хочешь — так замерзай.

Хочешь — пой.
Хочешь — рви в чисто поле.
Это наша российская воля:
Небо — колокол. Месяц — язык.
Месяц — ножик,
А небо — холстина.
Или — крик в «Англетере». А с тыла
Вместо неба — лишь вьюга впритык.

Минус тридцать. Какая Европа?!
Леденящая даль телескопа:
Рвы и кратеры — лунный пейзаж.
Да, какого-нибудь италийца
Ужаснет в эту пору столица.
Но ведь ты в ней родился.
Не зря ж?!

Так вот, друг. Позабудь про напасти,
Не дождавшись всеобщего счастья,
Как и транспорта,— двигай давай.
А пойдешь — там и вьюга отвьюжит,
Путь бульдозер-утюг отутюжит,
И затренькает снова трамвай.

* * *

Все меньше лирики в природе,
Все тише шорох, звон и гам.
Все больше мусора при входе
В ее необозримый храм.

Увенчаны усилья наши —
Храм превращается в завод.
Все меньше радости в пейзаже,
В тонах небес
И в цвете вод.

Но что победы бесполезней
В тупой с природою войне,
Коль не здоровье, а болезни
Растворены в морской волне.

В каком еще безумном веке,
Пугая берега свои,
Текли отравленные реки,
Смердили мертвые ручьи?!

И даже эхо стало глуше,
Как бы невнятнее уже...
Все меньше музыки снаружи,
Все меньше музыки в душе.

* * *

Жизнь открывается просто.
Глянешь: чего только нет...
Ларчик запретный — береста,
Коробочка из-под конфет.
Метрика с датой рожденья —
Год неулыбчивый, тот,
Что засевает лишенья
И катастрофы пожнет.
Желтые ветхие снимки,
Образы милой семьи.
Где они все, невидимки,
Крепкие корни мои?
Жизни неведомой завязь,
С жизнью трагической связь.
Вот я гляжу, улыбаясь,
К деду плечом прислонясь.
В утренней бодрости, в силе,
Перед глазами стоит...
Дед мой давно уж в могиле,
В общей Сибири зарыт.
Снов моих серые тати,
Обысков сумрачный пыл...
След от сургучной печати
Письменный стол сохранил.
Что ни лицо — то потеря.
Что ни судьба — то беда.
В общие лозунги веря,
Чем мы дышали тогда?
В эти подъемы и взлеты,
В эти толчки и скачки...
Вот они, старые фото,
Грамоты, справки, значки...
Профиль на них большеусый,
Взгляд из-под век, как прицел.
Слов исторический мусор.
Ад исторических дел.
Как же мы выжили!
Дожил
Как же до этого дня?
Прожил,
Прошел.
Подытожил.
Кто же здесь? Может, не я?
О, как непросто, непросто
Давний свой след узнавать!
Ларчик запретный — береста.
Может быть, не открывать?

УБИЙСТВО В СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ

Себастьен ЖАПРИЗО **Роман**

В три часа Таркэн сидел за столом в своем кабинете. Пальто он не снял. Вид у него был довольный.

Он уперся взглядом в галстук Грацци и спросил: как здоровье, господин Холмс?

Таркэн сразу печатал свой отчет. Он ловко составлял свои донесения. Уметь подать, ясно я выражаюсь?

Грацци молча стоял перед столом и ждал, когда тот кончит печатать фразу. Работал он, как настоящая машинистка,— обеими руками. Грацци же, сидя перед пишущей машинкой, начинал испытывать такое замешательство, что сначала составлял черновики от руки.

Патрон сказал, что дело двигается. Он откинулся в кресле и вытащил из кармана пальто смятую сигарету. Затем размял ее пальцами и сказал: огня, пожалуйста, у меня все время крадут спички. Проглотив дым, с удовольствием заворчал и заявил, что передаст дело следователю прокуратуры на этой же неделе, а в среду утром увидит большого начальника и после этого, малыш, придется еще немно́го повозиться.

Ну, а как дела у него, Грацци? Он, видите ли, сидя утром в ванне, поразмышлял насчет этой задушенной. И сделает сейчас Грацци подарочек. Пусть тот пошире развесит уши.

Таркэн, по своему обыкновению, мелодраматически встал и сказал, что не стоит и голову ломать. Первое — красотка была задушена за что-то, случившееся до поездки в Марсель. Второе — за что-то, случившееся во время пребывания там. Третье — за что-то, имевшее место в поезде. Главное — мотивировка преступления. Чуешь, куда я веду?

Грацци неясно пробормотал что-то о простоте и упрощенности, но патрон заметил: хм, хм, хм, если у тебя есть связное объяснение немотивированного поступка, излагай, я не настолько образован.

Он сказал, что Грацци достаточно умен и уже, наверное, понял, что две версии из трех ни на чем не держатся. Первая и вторая. Если какой-то сын шлюхи, содеявший это, познакомился с жертвой до того, как сел в поезд, то был лишь один шанс из десяти тысяч, чтобы он выбрал именно это место и время, чтобы затянуть ей шейку. Даже если он совершенно чокнутый и был с нею знаком прежде, и последовал за нею в Париж, то все равно выбрал бы зал Мютюалите на пять тысяч человек или площадь Согласия, ясно я выражаюсь? Там по крайней мере меньше прохожих.

Засунув руки в карманы пальто и расхаживая по комнате, Таркэн вытащил пожелтевший от никотина палец, остановился, направил его на галстук Грацци и пристально поглядел на него.

— Нет, все произошло в поезде, господин Холмс! Надо порыться в событиях ночи. Пятница вечером 10.30, суббота утром 7.50, из этого отрезка никуда не выпрыгнешь.

Он трижды прижал свой указательный палец к груди Грацци, скандируя:

— Единство времени, места и еще чего угодно — это классика. Уж коли ее придушили в поезде, значит, больше негде было это сделать; торопились или решение созрело внезапно. Можешь мне поверить. Единственное, что я умею делать,— это размышлять. Что нового?

Грацци сказал: ничего, не бог весть что, допросил людей, которые находились слишком далеко в час убийства, чтобы на них пало подозрение. Надо еще проверить бывшего мужа, Жака Ланжа, и молодого жильца на улице Дюперре, студента, которого знала жертва.

Ждали первое сообщение из Марселя.

— А остальные пассажиры купе?

Кабур сегодня утром не явился. Но он, похоже, сказал мне по телефону все, что знал. Найдены трое других — актриса, шофер и супруга типа, занимающегося электроникой. Габер пошел их повидать.

— Кто остается?

— Соседнее с жертвой место — номер 223. Если Кабур не ошибается, это девушка, севшая в поезд в Авиньоне. Зовут Бомба́. Но этого имени нет в телефонном справочнике.

— А красотка?

Грацци сказал: ничего в данный момент, но он, мол, начинает понимать ее лучше, чем прежде. Однако знал, что лжет, что многого не знает. Пока все шло по схеме: показания, люди, версии. И ничего впереди, кроме самоуверенности этого толстяка с примитивно выраженным карьеризмом в бегающих глазах. Он снова сел, засунув руки в карманы пальто.

Был ли прав Таркэн?

На своем столе Грацци нашел записку маленького Габера. Пришло донесение из Марселя. Неутешительное. Один из тамошних инспекторов, корсиканец, которого Грацци знал лично, восстановил все действия жертвы в течение четырех дней, предшествовавших ее смерти. Первый телефонный отчет будет передан Грацци к четырем часам.

Он подождал, прислонившись лбом к оконному стеклу, находившемуся за его столом. По Сене проплывали лодки с гребцами, от которых шел пар.

Габер сам принес докладную на шести машинописных страницах в трех экземплярах. Он только что вернулся из Клиши, где повидал Риволани, его жену, детей. Они ему понравились. Угостили кофе, стаканчиком арманьяка. И поговорили обо всем, даже об убийстве.

— Оставь меня в покое. Прочитай тоже. Затем едем к актрисе. И к Кабуру, он не явился.

Они стали читать. Габер жевал резинку.

Жоржетта Тома приехала в Марсель во вторник 1 октября в 8 часов 37 минут. В 9 часов прибыла в отель «Мессажери» на улице Феликс-Пиа в районе Сен-Морон, где останавливалась и во время предыдущих приездов. Это народный квартал, населенный главным образом итальянцами или семьями выходцев из Италии.

С этой минуты и до отъезда в пятницу вечером 4 октября была занята демонстрацией своей продукции в парикмахерской «Жаклин д'Ар» в центре, на улице Рима. В 19 часов покидала заведение и все вечера, в том числе и первый, проводила с неким Пьером Бекки, стюардом на теплоходе «Виль д'Орлеан» Трансатлантической компании.

Приметы Пьера Бекки: высокий элегантный брюнет, довольно полный, 35 лет. Имел две судимости за драки во время военной службы и отбыл наказание в морской тюрьме Тулона. Потом — ничего. Должен отплыть на «Виль д'Орлеан» в начале ноября в двухнедельное плавание на Дальний Восток. Познакомился с Жоржеттой Тома несколькими месяцами раньше, в феврале, во время ее предыдущего приезда в Марсель. Жил тогда в отеле «Мессажери» вместе с ней. С тех пор они больше не виделись, он не имел о ней никаких известий.

Во вторник 1 октября днем Жоржетта Тома позвонила от «Жаклин д'Ар» в табачную лавку-бар на улице Феликс-Пиа, куда обычно заходил Пьер Бекки, когда был на суше. Стюарда там не оказалось, и она поручила хозяину Ламберу передать ему, чтобы он ждал ее вечером около 20 часов.

Около 20 часов Жоржетта Тома встретилась с Пьером Бекки в табачной лавке-баре на улице Феликс-Пиа, где он, дожидаясь ее, играл в карты с завсегдатаями.

Они поужинали в пиццерии на бульваре Насиональ, совсем рядом, и вместе вернулись в отель «Мессажери» около 22 часов.

В последующие дни Жоржетта Тома после работы встречалась со своим любовником в тот же час, они ужинали в той же пиццерии, за исключением четверга, когда обедали после кино в ресторане в Оффской ложбине, на побережье.

Утром она первая покидала отель «Мессажери», садилась в автобус на углу улицы Феликс-Пиа и Национального бульвара и отправлялась на работу. Завтракала со служащими «Жаклин д'Ар» в ресторане самообслуживания на Римской улице. Пьер Бекки уходил из номера позднее.

Все, кого за несколько часов удалось допросить, не заметили ничего необычного в поведении жертвы.

Опрошенный вечером в воскресенье Пьер Бекки не смог дать никаких полезных для следствия сведений. Он провел с Жоржеттой Тома в целом дней десять: пять в феврале, четыре в октябре. Ничего не знает о ее жизни в Париже, не знал, были ли у нее враги, не ведает о причинах убийства. В пятницу вечером, перекусив с нею в пиццерии, он проводил ее на вокзал Сен-Шарль. Они расстались за две минуты до отхода поезда при выходе на перрон. На другой день, когда молодая женщина была задушена, он находился в Марселе. Все его показания подтверждаются.

Будет продолжаться опрос тех, кто знал Жоржетту Тома. Если станет что-либо известно, сообщат немедленно.

В течение четырех дней в Марселе стояла прекрасная погода. Звонивший инспектор-корсиканец сообщил, что она по-прежнему такая.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 15, 16.

Направляясь с Габером к выходу, Грацци зашел в кабинет комиссара Таркэна. Того не было на месте. Грацци положил экземпляр отчета из Марселя на стол и заметил написанную рукой шефа фразу со своей фамилией:

«Грацци: если все случилось в поезде, значит, ограбление. В любом случае работа психа».

Грацци подумал, что самый большой псих из двух... и т. д. Однако безапелляционные заключения Таркэна всегда производили на него впечатление. Он перечитал записку, пожал плечами: там нечего было красть.

Он присоединился к Габеру на лестнице. В своей шотландской куртке, пожевывая жвачку, тот внимательно слушал жалобы трех инспекторов из другого отдела: это означало у него либо подхалимство, либо насмешку.

Стоя на несколько ступенек выше, те рассказывали, что уже несколько ночей не спят. Всю неделю они идут по следам парня, разыскиваемого в десяти департаментах. Тот либо сбежал из дома, либо его похитили, либо еще что-то. Теперь парнем займется другой отдел, а их бросили на ночное убийство типа, обнаруженного в туалете «Центрального». Ну и местечко выбрали, ничего не скажешь.

Габер и Грацци накануне тоже работали по делу того парня, сына муниципального советника из Ниццы. Вообще масса людей занималась его поисками в Сен-Жермен-де-Пре, Латинском квартале, в аэропортах и на вокзалах. Он согласился, что им не повезло, но что тут можно поделать? И они с Грацци двинулись к выходу: Грацци впереди, Габер сзади, с пониманием и сочувствием качая головой.

В малолитражке, которую вел Грацци, Жан-Луп снова вынул свою головоломку. Они ехали по набережной левого берега Сены в направлении площади Альма.

— И что ты думаешь?

— О чем?

— О донесении из Марселя?

Не отрывая глаз от головоломки, Габер сказал, что надо посмотреть на месте. Одного донесения недостаточно — это не разговор, а сплошная болтовня.

— Им все же можно доверять,— сказал Грацци.— Если они ничего не нашли, значит, ничего не было. Патрон утверждает, что что-то произошло ночью.

В двух коротких фразах Габер сказал, что он думает о патроне и как могут им пригодиться его мысли. Они проехали туннель напротив Тюильри и задержались перед красным светом. Притормозив, Грацци вынул носовой платок.

— Тебе понятен этот тип? Встречается с девушкой раз в полгода четыре ночи подряд (он высморкался), после чего расстается с лучшими чувствами (он опять высморкался) до следующего раза?

Жан-Луп сказал, что понимает, да это и не так уж сложно. Грацци положил платок в карман и провел тыльной стороной руки под носом. Потом заметил, что никогда не встречал таких женщин.

— Таких или других, кстати. Мне не так уж много пришлось иметь дело с женщинами. Я ведь женился двадцати лет.

Жан-Луп посоветовал не рассказывать свою жизнь. Дали зеленый свет. Небо над Сеной и площадью Согласия было низкое, и над водой плыл легкий туман.

— Ты вызвал на какое время — Риволани и ту, другую?

— На завтрашнее утро,— сказал Габер.— Но это пустое дело. Девушка ничего не знает и тот тоже.

— Он помнит других пассажиров в купе?

— Смутно. Говорит, что спал. Ни на что не обратил внимания. Во всяком случае, все описания совпадают. Кроме Гароди на верхней полке. Он также не заметил, ну, эту, Эвелину. И не знает, лежала ли она на своей полке, когда он уснул, или вошла позднее. Это подтверждает то, что говорит сама девушка или Кабур, на выбор.

— А она на кого похожа?

— Только не на душительницу.

Грацци сказал, что Жоржетта Тома тоже не была похожа на женщину, которая встречается с мужчиной в течение нескольких ночей раз в полгода, а в остальное время о нем и не думает. И тем не менее это так.

— Откуда ты знаешь, что она о нем не думала,— сказал Жан-Луп.— С тех пор, как тебе исполнилось двадцать лет, земля немало покрутилась вокруг оси, начальник, проверь стрелки на циферблате.

Было пять часов вечера, когда они захлопнули дверцы машины перед знаком, запрещающим стоянку под окнами дома, где жила Элиана Даррэс. В глубине узкой и тесной улочки виднелась, словно подвешенная к небу, часть дворца Шайо, светло-желтого цвета.

Дом был зажиточный, лестница тихая, лифт работал.

— Нам повезло,— сказал Грацци.

Он чувствовал себя усталым, болела голова. Ему никак не удавалось влезть в шкуру убитой, он не понимал и даже отказывался понимать ее. Однако приходилось спрашивать людей, записывать, быть муравьем, который каждый вечер возвращается к себе домой. Все. Если поиски затягивались, другие муравьи принимались за работу. И в конце концов удавалось что-то вытащить, прорыть ямку.

Пока лифт быстро и тихо поднимался, Грацци поглядывал на Габера, который в это время думал о чем-то своем, возможно, о подружке, неважно о чем, в глубине души посмеиваясь над всеми их заботами. Грацци завидовал его безразличному виду, спокойствию. Жан-Луп никогда не станет муравьем, ему нет охоты что-либо выявлять, он не рассчитывал ни на повышение, ни на благодарность начальства. А в полицию поступил два-три года назад лишь по настоянию отца, службиста и маньяка. Чтобы тот оставил его в покое, он подчинился. Отец занимал какой-то важный пост в министерстве внутренних дел, так что мог и подпереть своего сынка.

Открывая лифт на третьем этаже, Габер выразил надежду, что они быстро обернутся, у него на 8 назначено свидание на Елисейских полях, и что если придется еще ехать к Кабуру, то он не поспеет.

Стоя перед двустворчатой дверью, он позвонил, тщательно застегнув куртку и пригладив рукой волосы.

— Как она выглядит?

— Кто?

— Твоя девушка,— сказал Грацци.

Жан-Луп ответил: ничего, такая же психованная, как и остальные. Тут дверь открылась.

На Элиане Даррэс был розовый халатик, розовые домашние туфли без задников, отороченные белым мехом. Грацци она показалась знакомой, хотя имя ни о чем не говорило. Однако он тотчас признал в ней исполнительницу в десятке фильмов, где она играла небольшие роли, всегда одинаковые и в большинстве своем немые. Ее голос удивил его. Тонкий, манерный, весело-игривый голос женщины, которой нечем занять время, у которой нет горничной, чтобы открыть дверь, но которая обязана сказать, что у нее назначена встреча через десять минут и что в наши дни просто невозможно держать в доме прислугу.

Она провела их через выкрашенный в розовый цвет коридор в розовую комнату, где на низких столиках горели лампы. Волосы у нее были обесцвеченные, собранные в толстый пучок на затылке. Когда она повернулась, чтобы пригласить сесть в кресла, стало ясно, что это узкое лицо с большими темными глазами принадлежит женщине лет сорока пяти, которая выглядит старше, пытаясь молодиться, и чья кожа очень страдает от втираний.

Рисунок Ильяса АЙДАРОВА

СПАЛЬНОЕ МЕСТО № 222

Входя в гостиную, Элиана Даррэс едва не потеряла домашнюю туфлю и поэтому не успела скрыть от гостей испорченное кресло, которое скрипело на отклеивающейся ножке.

Инспектор по имени Грасио или Грасино уселся в него, расстегнув пальто. Его более молодой спутник пристроился с безразличным видом на диване и спокойно вынул из кармана головоломку.

Она слышала одновременно поскрипывание кресла и щелчки фишек в игрушке. Маленький блондин — инспектор даже не взглянул на нее.

О, она хорошо знала этот тип молодых людей, которые куда угодно входят, словно к себе домой, сидят, скрестив ноги, соглашаются выпить, не поблагодарив. Обычно они годами остаются студентами

и чему-то учатся — праву, восточным языкам. Они спокойны, красивы, невежливы, мрачны и умудряются нравиться женщинам, даже не глядя на них. Проведя с вами одну ночь так, что вы теряете голову, они затем говорят, что устали от занятий, что только это имеет значение, что потом, после экзаменов, все будет иначе, и иногда быстро целуют безразличными и мокрыми губами, как дети, и просто сводят вас с ума.

Этот инспектор, не похожий на инспектора, сидел, опустив глаза на свою игрушку, и быстрота, с которой он передвигал фишки, нервировала и завораживала, как экран телевизора, на который не хочешь смотреть.

— Мы вас долго не задержим,— сказал тот, которого звали Грасио или Грасино.— Мы уже опросили трех пассажиров вашего купе. К сожалению, хотя это и можно объяснить, их показания не во всем сходятся. В ночном поезде больше думают о сне и каждый замечает разные вещи.

Она сказала, что это верно, села на край исправного кресла напротив него, сдвинув ноги в сторону, и тщательно запахнула халат на коленях.

— Я вижу у вас на руке обручальное кольцо,— сказал высокий инспектор с костлявым лицом.— Вы замужем?

— Была. Я потеряла мужа много лет назад.

Он вынул из кармана красную записную книжечку и, открыв ее на страничке, заложенной карандашом, стал записывать. Спросил, не будет ли бестактным задать ей сначала несколько личных вопросов, чтобы установить, кто она такая.

Инспектор записал, что она актриса, вдова вот уже 8 лет, что ее настоящая фамилия Дартетидес, что ей 47 лет, что она провела неделю в Экс-ан-Провансе, где снималась в фильме.

Она рассчитывала, что тот не спросит ее, вернулась ли она сразу после окончания съемки, однако он и об этом подумал. Ее слова ведь все равно легко проверить в кинокомпании, поэтому призналась, что была нужна только на три вечерние смены, а потом осталась еще на несколько дней в Марселе, надеясь получить приглашение на другую картину: так, мол, поступают все актеры, когда выезжают на съемки, даже самые знаменитые, то есть стремясь убить двух зайцев сразу.

На минуту возникла пауза, после чего худой инспектор без всякой убежденности сказал, что понимает.

— Вы забронировали себе место № 222 в четверг 3 октября, не так ли?

— Да, нижнее место справа. Когда я села в поезд, в купе уже были два пассажира.

Марсель. Улицы Марселя. Десять вечера. Маленький бар на бульваре Афин, у подножия большой лестницы вокзала Сен-Шарль. Ей принесли там чай и сухое пирожное. Потом свет и шум на перроне. Тяжесть чемодана.

Она вошла в купе почти одновременно с человеком в кожаной куртке. Другой пассажир как раз укладывал свой багаж, встав для этого на нижнюю полку ногами. Она не посмела сделать замечание, потому что вообще никогда ничего не смела. Он, кстати, потом помог ей разместить ее чемодан.

Ей было неприятно, что в купе едут мужчины. И она даже вычислила, что не так бы уж много переплатила, если бы купила билет в первом классе. Была, впрочем, надежда, что в купе окажутся и другие женщины. Но никто не шел. Помнится, она сидела согнувшись на своей кушетке, потому что верхняя полка мешала выпрямиться, и притворялась, что ищет что-то в сумочке, ожидая отправки поезда, когда освободятся проходы и закончится комедия прощания.

— Значит, жертва пришла в купе после вас?

— То есть женщина, которую потом убили? Она вошла перед самым отправлением поезда. Другая, молодая девушка, села ночью в Авиньоне.

Накануне «У Андре» после звонка из полиции она вернулась к столику, где ее друзья уже доедали десерт. Они не поверили своим ушам, кто-то выбежал на улицу Франциска Первого, чтобы купить «Франс суар». Их было семь или восемь человек, в том числе стажерка со светлыми глазами на роли фатальных женщин, записавшая днем комментарий к короткометражке о Мадагаскаре. Все они склонились над газетой, расстеленной на столе. За соседними столиками люди вытягивали шеи.

— Жертва — брюнетка в темном костюме,— сказал инспектор Грасио или Грасино.

— Это она. Я видела фотографию вчера вечером и вспомнила ее. Просто ужасно, как четко она запечатлелась в моей памяти. Я всю ночь думала о ней.

— Встречали ли вы ее прежде, до поезда? Ее имя Жоржетта Тома.

— Нет, никогда.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Она лежала на полке надо мной.

— Вы с ней разговаривали?

— Да. В общем, сами знаете, о чем говорят в поезде. Она сказала, что живет в Париже, занимается, кажется, духами. Узнала запах моих духов, и мы еще поболтали несколько минут.

— При отправлении поезда?

— Нет, позднее.

— Постарайтесь нам описать как можно подробнее вашу поездку с того момента, как вы вошли в купе.

Она кивнула, поглядела на другого инспектора, блондина, не поднимавшего глаз. Она не знала, можно ли предложить им чашку кофе или бокал портвейна, или, напротив, им запрещено принимать такого рода угощения во время работы.

— Когда я вошла в купе, там находились двое мужчин. Один занимал верхнюю полку справа. Был похож на служащего из-за своего серьезного, немного печального вида. Сама не знаю, почему я так говорю. Все-таки я решила, что он служащий. Быть может, из-за старого поношенного костюма... Не знаю.

Она, по обыкновению, запуталась, не в силах оторвать взгляда от темно-синего пальто сидевшего против нее инспектора, слишком тесного и местами вытертого на рукавах. Этот тоже был служащим, своего рода служащим. И не писал больше в своей книжечке, а наблюдал за тем, как она путается в объяснениях.

Но она знала, что ей надо сказать. Она не спала, а потом все утро на кухне вспоминала поездку и подготовилась отвечать на вопросы.

— Я должна сказать нечто важное,— заявила она внезапно.— Он повздорил с убитой.

Металлическое щелканье прекратилось. Она повернулась и встретила безразличный взгляд маленького блондина. Тот спросил:

— Кто? Служащий?

— Его звали Кабуром,— сказал инспектор с костлявым лицом.— Что вы понимаете под словом «повздорил»? Он был знаком с жертвой?

Она сказала: нет, у нее не сложилось такого впечатления.

— Не знаю, в какой момент (я читала журнал) та захотела снять свой чемодан, чтобы взять что-то. И человек, похожий на служащего, Кабур, помог ей. Затем они поболтали немного в проходе, как два человека, которые только что познакомились. Не думаю, чтобы они были знакомы прежде, я слышала начало их разговора. Это трудно объяснить.

— Понимаю,— сказал инспектор Грасио или Грасино.— А потом они повздорили? Почему?

Она выдержала его взгляд. У него были ясные, внимательные глаза, бледное, измученное лицо. И сказала, что догадаться нетрудно. Такое часто бывает в поездах.

Она чувствовала на себе взгляд молодого блондина, неприятный, тяжелый, быть может, несколько ироничный. Вероятно, он уже догадался и подумал, что ей доставила удовольствие эта перепалка, что она ревновала, завидовала молодой брюнетке, за которой ухаживали в проходе поезда, и все такое.

— Поболтав с нею, мужчина, видимо, осмелел, что-то сказал или сделал неуместный жест... Так я поняла. Еще в купе он как-то странно посмотрел на нее... В общем, женщины это подмечают. Он явно нарвался. Говорила она. Очень громко. Дверь в купе была закрыта, я не различала слов, но интонации не оставляли сомнений. Спустя минуту она вернулась в купе одна и улеглась на свою полку. Он пришел много позже.

— Который был час?

— Не знаю. Когда я ходила в туалет переодеться на ночь, было 11 часов 30 минут. Ссора случилась примерно час спустя.

— Помните ли вы, было это до или после проверки билетов?

— После, в этом я уверена. В этот момент в купе находилась другая пассажирка, севшая в Авиньоне. Молодая блондинка, довольно красивая, в светлом платье и синем пальто. Должно быть, она читала, потому что, когда контролеры открыли дверь и потребовали билеты, в купе горел только ее личный свет. Вы знаете, у каждой полки свое освещение.

— Значит, это было после полуночи?

— Вероятно.

— Что произошло потом?

— Ничего, она легла. Позднее я услышала, как вошел мужчина и улегся на своей полке. Другой мужчина с нижней левой полки уже давно погасил свой свет. И я уснула.

— Вы ничего не можете добавить по поводу ссоры?

— Нет, думаю, я вам все рассказала.

— Не кажется ли вам, что Кабур был на нее за что-то сердит?

Она вспомнила мужчину в поношенном костюме утром, во время прибытия поезда, его ускользающий взгляд, осунувшееся лицо, униженный голос, когда он обратился к ней в дверях, прося прощения за беспокойство. Металлические щелчки возобновились. Она сказала: нет, у нее не было такого впечатления. По прибытии поезда тот сразу сошел, не сказав ей ни слова, не взглянув даже. Чувствовалось, что ему стыдно, особенно перед другими, и он хочет поскорее нас оставить.

— А она?

— Наоборот. Ничуть не торопилась, не испытывала никакого стыда. Просто больше не думала о случившемся или хотела создать такое впечатление у других. Поболтала со мной, с девушкой из Авиньона. Человек в кожанке, попрощавшись, сошел тоже. Эти слова и «добрый вечер» накануне исчерпали весь его словарный запас.

— Значит, Кабур сошел первым. Затем мужчина по имени Риволани. Так?

Элиана Даррэс сказала: нет, Кабур сошел не первым, а после молодого человека с верхней полки. Маленький блондин внезапно прервал щелканье фишками, костлявый инспектор трижды потрогал карандашом губы.

— Молодой человек? — спросил Грасио или Грасино.— Почему молодой человек? О какой полке вы говорите?

— О верхней слева. В общем, молодой человек...

— Какой еще молодой человек?

Она, не понимая, поочередно поглядела на обоих. Глаза маленького блондина были лишены всякого выражения, в глазах инспектора с бледным лицом читалось недоверие.

Второй объяснил ей, что обнаружен пассажир верхней полки, что им оказалась женщина по имени Гароди. Говоря, он внимательно и устало наблюдал за ней, почти с разочарованием: думал, что она ошибается, и что, значит, могла ошибиться и по поводу всего остального, и что нельзя доверять ее показаниям. Безработная состарившаяся актриса, слегка страдающая манией величия, немного болтливая.

— Как выглядел этот молодой человек? — спросил он.

— Довольно высокий, худой. По правде говоря, я его даже не разглядела...

Маленький инспектор в шотландской куртке почти нагло коротко вздохнул, а его коллега сощурился и разочарованно усмехнулся. Она смотрела на него, потому что под взглядом того, другого, совсем бы растерялась.

— Послушайте, господин Грасино, похоже, вы мне не верите, но я знаю...

— Грацциано,— поправил инспектор.

— Извините, Грацциано. Я говорю, что не видела его только потому, что он вошел в купе очень поздно, когда было темно, и не зажег свой свет, когда ложился.

— Вы же сказали, что спали.

Это заметил маленький блондин. Она повернулась к нему, но тот не смотрел в ее сторону и опять занялся головоломкой, которую она ненавидела. И у него был красивый дерзкий рот. Вот кого бы она с удовольствием ударила, так этого мальчишку. Его бы она сразу узнала, целуя его безразличный красивый рот, потому что хорошо знала таких типов, даже слишком хорошо, у них у всех были одинаковые вкусы.

— Я спала,— объяснила она, не в силах справиться со своим голосом.— Но он споткнулся в темноте о вещи, стоявшие в проходе, ведь было тесно, и я проснулась.

Она думала: я знаю, что говорю, я знаю то, что знаю, он почти упал на меня, проходя мимо, я их узнаю из тысячи, даже в темноте, у них красивый мокрый рот, безразличный, как у детей, они еще почти дети, они прелестны и злы, я их сразу узнаю, я их ненавижу.

— Это была женщина,— сказал Грасио (нет, Грацциано, он еще скажет, что я ошиблась, что я сумасшедшая).— Вы просто ошиблись...

Она отрицательно покачала головой, не зная, какими словами ответить, и думая: я не ошибаюсь, я его не видела, но я знаю, он был именно такой, как они все, как ваш маленький коллега, не похожий на инспектора, как маленький студент из бистро напротив кинотеатра «Дантон» год назад, как актеры, которых ставят в первый раз перед камерой и которым наплевать, если они поворачиваются к ней спиной. Спокойные, безразличные, владеющие чем-то, от чего можно сойти с ума, с нежной кожей, такие молодые. Входя в купе поезда, разбудив всех, задевая, они не извиняются. И тот не сказал «извините», а выругался, спросил: что я тут делаю, почти упал на меня. Он был, наверно, высокий, худой и неловкий, как они все, и полез на верхнюю полку напротив. Засмеялся, побеспокоив девушку из Авиньона, и та рассмеялась тоже. В темноте, в час или два ночи, просто так.

— Я слышала его голос. Они долго болтали с девушкой. Я могу вас заверить, что это был парень, очень молодой, не могу вам объяснить, но я знаю, что это так...

Человек по имени Грацциано встал, закрыл записную книжку со спиралью, оставив карандаш между

страницами. Зачем ему эта записная книжка? Он почти ничего не записывал. Стоя, он казался еще выше, еще костлявее, огромный скелет в потертом на обшлагах пальто, с бледным и измученным лицом Пьеро.

— Другой свидетель, по имени Кабур, тоже слышал, как эта молодая женщина разговаривала с девушкой со средней полки. Вы могли ошибиться относительно голосов.

Он говорил ровным и усталым голосом, не столько для того, чтобы ее убедить, сколько, чтобы поставить точку и перейти к другому вопросу.

— Кстати, мы ее нашли.

Она снова отрицательно покачала головой, взглянув на маленького блондина, по-прежнему смотревшего в сторону. Сказала: быть может, не знаю, и тем не менее, я уверена. Но одновременно думала: нет, я не ошиблась, я не могу ошибиться, женщины не ругаются, упав на вас и разбудив, надо только все как следует объяснить.

Следовало объяснить столько разных вещей. Она опять покачала головой, настаивая на своем, подняла глаза на инспектора с выступающими скулами, вспомнила забитый проход в вагоне перед отправлением и мальчика лет пятнадцати, печально стоявшего около купе и посторонившегося, чтобы пропустить ее. Тот, другой, светловолосый и черноглазый мальчик в твидовом сером костюме, был, конечно, связан с ночным происшествием, с голосом, который шептал что-то на верхней полке, отчего смеялась девушка из Авиньона, смеялась приглушенным смехом, смехом, вызывавшим у нее такую же ненависть, как и головоломка этого инспектора в шотландской куртке.

— Когда вы утром проснулись, пассажирки с верхней полки уже не было в купе?

Она сказала «нет», все еще покачивая головой, собираясь объяснить, что нет, она не ошибается, но тогда придется рассказать о мальчике, который поцеловал ее при первой же встрече в бистро напротив кинотеатра «Дантон», рассказать о вещах, причинявших ей боль, которые могут показаться низкими, и поэтому она не могла этого сделать.

— Я его не видела. Я пошла одеться в туалет около шести или семи утра, не помню точно. Во всяком случае, когда я вернулась, его не было в купе. Женщина, которую потом задушили, лежала на полке и улыбнулась мне, когда я наклонилась, чтобы уложить в чемодан халат и пижаму. Девушка из Авиньона надевала платье, снятое в темноте. Я об этом помню, потому что мы пошутили на этот счет. Лежа на спине, она никак не могла застегнуть молнию. Потом приподнялась и сказала: ну и пусть, ведь все мужчины спят.

Мужчина в кожанке храпел, даже очень сильно, лицо его было измученное, усталое. Она решила, по его рукам, что это докер или механик, что-то в таком духе. У ног стоял бледно-синий фибровый чемодан с потертыми углами. Кабур не шевелился, и она подумала, что он, скорей всего, наблюдал за одевающейся малышкой с голыми плечами, которая, возможно, была весьма порочной девицей, кто ее знает. Думать так было некрасиво и нехорошо. Тот бедный мальчик думал о чем-то другом, это она поняла по его осунувшемуся лицу с выражением отвратительной покорности в глазах, когда он слезал с полки.

— Вас кто-нибудь встречал на вокзале?

— Нет. А что такое?

— Просто так.

Огромный Грацциано укладывал свою книжечку в карман, и, продолжая смотреть на него, она глупо добавила:

— Я хотела бы поделиться своим ощущением. Понимаете, никто из тех, кто был со мной в ту ночь в купе, не мог совершить эту ужасную вещь. Я это чувствую инстинктивно.

Высокий инспектор покачал головой, немного смущенный, сказал «спасибо» и взглянул на маленького блондина. Вставая со своего места с отсутствующим видом и с отсутствующим взглядом, тот уже запихивал мохеровый шарф под шотландскую куртку.

Она проводила их до двери.

— Можете ли вы завтра заехать на Кэ д'Орфевр, кабинет 303, третий этаж? — спросил тот, чье имя оканчивалось на «о» и которое она бы снова исказила, если бы произнесла сейчас.

Она кивнула, и он сказал, что, может быть, она вспомнит еще что-то, другие подробности, что он еще подумает о том, что она рассказала. Она даст показания, вот так. Она закрыла за ними дверь, прислонилась к ней в отчаянии, злясь на саму себя. Они уже ушли.

Три минуты спустя в дверь позвонили снова. Она уже успела вернуться в комнату, не решаясь сесть в то же кресло, потому что это вызвало бы разочарование. Поэтому легла на диван, закрыв глаза рукой. Она встала, уже догадываясь, что это маленький инспектор, сама не зная почему, но сразу поняла это, когда ее рука дотронулась на диване до забытой им головоломки.

Металлическая коробочка, три десятка фишек с номерами, черные на красном фоне маленькие квадратики, перемещая которые нужно расположить их в определенном порядке,— игрушка.

Она снова чуть не потеряла свою домашнюю туфлю, идя по коридору. И прежде чем открыть, взглянула на себя в зеркало у двери. Совсем рядом, в выпуклом стекле, она увидела лицо надзирательницы пансиона, которая там работала 25 лет назад, смешной женщины с большими черными глазами, широким открытым лбом и длиннющим носом. Она подумала, что немного похожа на Кабура.

Белобрысый инспектор в шотландской куртке с аккуратно завязанным шарфом широко и нагло улыбался, как они это делают все, когда вы им нужны. Он сказал, что забыл кое-что на диване, и по-хозяйски вошел в квартиру.

Она заперла дверь и пошла за ним в гостиную. Он сразу подошел к дивану, поискал, наклонившись, головоломку.

— Она у меня.

И показала металлическую коробочку. Тот подошел к ней и, потому что она все еще прижимала к груди его игрушку, спокойно посмотрел на нее с притворным простодушием во взгляде, как все они делают, и добавил: извините, я забыл. Потом протянул руку, и она сказала себе: я должна отдать, это инспектор полиции, ты спятила. Резко протянула игрушку с глупой улыбкой, прекрасно зная, что улыбка глупая, почувствовала тепло его руки, а он продолжал с тем же безразличием и без улыбки смотреть на нее.

— Мы забыли вам задать один вопрос.

Ей пришлось немного отступить, потому что, запихивая коробку в карман, он стоял совсем близко.

— Когда вы покинули купе, жертва тоже готовилась выйти?

— Не знаю. Полагаю, что да. Я им обеим сказала до свидания — ей и светловолосой девушке. Думаю, они собирались выйти следом из поезда.

— В проходе было много народа?

У него был писклявый голос, куда менее красивый, чем у того, другого, который ждал его внизу в машине.

— Да, было много народа. Но я не стала выходить первой, не люблю толкучку.

— Вы ничего не заметили, что могло бы быть как-то связано с преступлением?

— Нет, не думаю.

Она сказала, что еще подумает, что не обращала тогда внимания. Не могла же она предположить, что в купе, которое она покинула, будет задушена женщина и что молодой инспектор придет спрашивать ее об этом.

Тот улыбнулся, сказал: вероятно, и прошел мимо нее в коридор. Перед зеркальцем, висевшим около двери, он остановился, посмотрел на себя, сказал: смешно, какие штуки придумывают, ну и рожа.

Затем сунул руку в карман, где лежала его головоломка. Объяснил, что всё повсюду забывает. Спросил, она не такая?

— Нет, не думаю.

Он покачал головой: ладно, вероятно, до завтра, если я буду там, когда вы придете.

— У меня такое впечатление, что от меня мало проку.

Он сказал: напротив, напротив. И сам открыл себе дверь.

— Вся история с Кабуром — все-таки что-то новое. Теперь они едут к нему, посмотрим, сумеет ли тот от них что-нибудь скрыть.

— Вы его подозреваете?

— Кого? — спросил он.— Я? Я никого не подозреваю. Сказать по правде, я очень плохой полицейский, терпеть не могу подозревать людей. Уж лучше приговаривать их всех скопом. Невиновных людей нет. Вот вы, скажем, верите в невиновность?

Она глупо рассмеялась, понимая, что ведет себя глупо с этим парнем, болтающим всякую чушь и не похожим на инспектора да к тому же явно насмехающимся над нею.

— Вы считаете невинным делом, когда кто-то кому-то помогает снять чемодан, намереваясь затем потискать этого кого-то в коридоре?

Он отрицательно покачал головой и уже со знакомым ей надутым видом спросил, зачем такой красотке понадобилось снимать чемодан?

— Что она хотела взять оттуда?

Элиана Даррэс попыталась вспомнить, снова увидела молодую брюнетку, у которой задралась юбка, когда она поставила ногу на полку, взгляд Кабура.

— Кажется, аспирин или таблетки для дороги. Думаю, аспирин.

Он сказал, что это не имеет значения, но что в любом случае невиновных людей нет, разве что в юном возрасте. Потом — все одна мерзость.

Она стояла в дверях, размахивая, как ненормальная, руками. А он пошел, слегка кивнув на прощание головой. После этого она не вернулась в квартиру, не закрыла за собой дверь, а все следила за его фигурой на лестнице глазами прислуги, которую кадрили на балу, ну форменная дура.

Вечером она поужинала на кухне, держа перед собой открытую книгу, которую прислонила к бутылке минеральной воды. По десять раз перечитывала одну и ту же страницу. Написанные там слова никак не могли стереть воспоминания о задушенной в поезде.

Очень черные волосы, очень светлые глаза, тоненькая и длинная фигура, хорошо сшитый костюм. С внезапной, вызывающей удивление, настойчивой, внимательной улыбкой. Жоржетта Тома́ часто улыбалась, много раз во время поездки. С трудом втащив в купе чемодан, она улыбнулась, сказав: прошу прощения. Потом отказалась от конфетки, улыбнулась: вы так любезны. Она сама предложила сигарету Кабуру, опять улыбнулась: пожалуйста. А утром наклонившаяся над своей полкой сорокасемилетняя женщина, невыспавшаяся, замерзшая, которой невыносимо было думать о том, что ей придется есть одной за кухонным столом, читая прислоненную к бутылке минеральной воды книгу, опять встретила ее внезапно возникшую, неожиданную улыбку и услышала: доброе утро, однако, мы приехали.

Бедняжка не знала, что ее ждет смерть, сама эта мысль просто не могла прийти ей в голову. Об этом надо было непременно рассказать инспекторам.

В газете, которую все они читали накануне, было написано, что это не сведение счетов, что ее убили не для того, чтобы обокрасть. О чем она думала, когда ее убивали? О чем думаешь, когда тебя убивают?

Элиана Даррэс вымыла посуду: тарелку, вилку, стакан, сковородку, на которой зажарила яичницу. А потом долго стояла в коридоре между комнатой и входной дверью, между сном и еще чем-то, и размышляла о том, что было бы лучше не оставаться одной.

Она подумала: у меня есть время сходить в соседнее кино. В кино она ходила почти каждый вечер, говоря всем, что делает это исключительно из профессионального интереса и что на самом деле кино терпеть не может, что ей приходится с трудом выкраивать два свободных часа. Иногда она по нескольку раз смотрела один и тот же фильм, потому что не запоминала названий, а фотореклама у входа всегда обманывает. Но какое это имело значение? Неважно, что смотреть. Она покупала в антракте мятные конфетки или еще что-нибудь.

На другой день, глядя на свое отражение в зеркале ванной комнаты, она нашла, что выглядит прекрасно. На улице ярко светило солнце. Одеваясь, она видела за окном своей квартиры чистое небо и спокойно размышляла.

Была убита незнакомая ей женщина, это печально, и все. Надо принять это именно так. Она скажет, что считает нужным сказать, и не станет обращать внимания на то, какое это произведет впечатление. К тому же она не ошибается, она просто не может ошибиться относительно мальчика с верхней полки. Что это означает — их дело, но услышанный ею голос и пол вошедшего в темноте не оставляли сомнений: это был парень, а не женщина. Если они не хотят ей верить, тем хуже.

Затем она объяснит им, что Жоржетта Тома не имела никаких оснований волноваться, что во всяком случае она не догадывалась, что ее могут убить. Вполне могли задушить и малышку из Авиньона, и это было бы столь же неожиданно, столь же невероятно. Она постарается им объяснить улыбку Жоржетты, вот это важно.

Она, быть может, постарается им объяснить и взгляд Кабура, когда молодая брюнетка поставила ногу на нижнюю полку, чтобы снять чемодан, отчего приподнялась юбка.

Если белокурый инспектор будет там, он опять улыбнется короткой и наглой улыбкой человека, который как бы говорит: вижу, какая вы женщина, знаю, в какую категорию насекомых вас надо зачислить. И скажет еще, что она повсюду видит недоброе, потому что сама такая.

Ведь он тоже сказал ей что-то глупое. Что все виноваты.

Ее ошибка заключалась в том, что она всегда словно ожидала, что ее станут в чем-то упрекать. В том, скажем, что она ведет себя, как женщина, цепляющаяся за молодость и готовая платить за свое счастье. В ее возрасте это называется грехом, обжорством. Демон появился слишком поздно. Двадцать лет она была замужем за человеком, которому никогда не изменяла, который всегда болел и занимал в ее жизни такое же несущественное место, как сейчас его фотография на комоде.

Перевел с французского А. БРАГИНСКИЙ

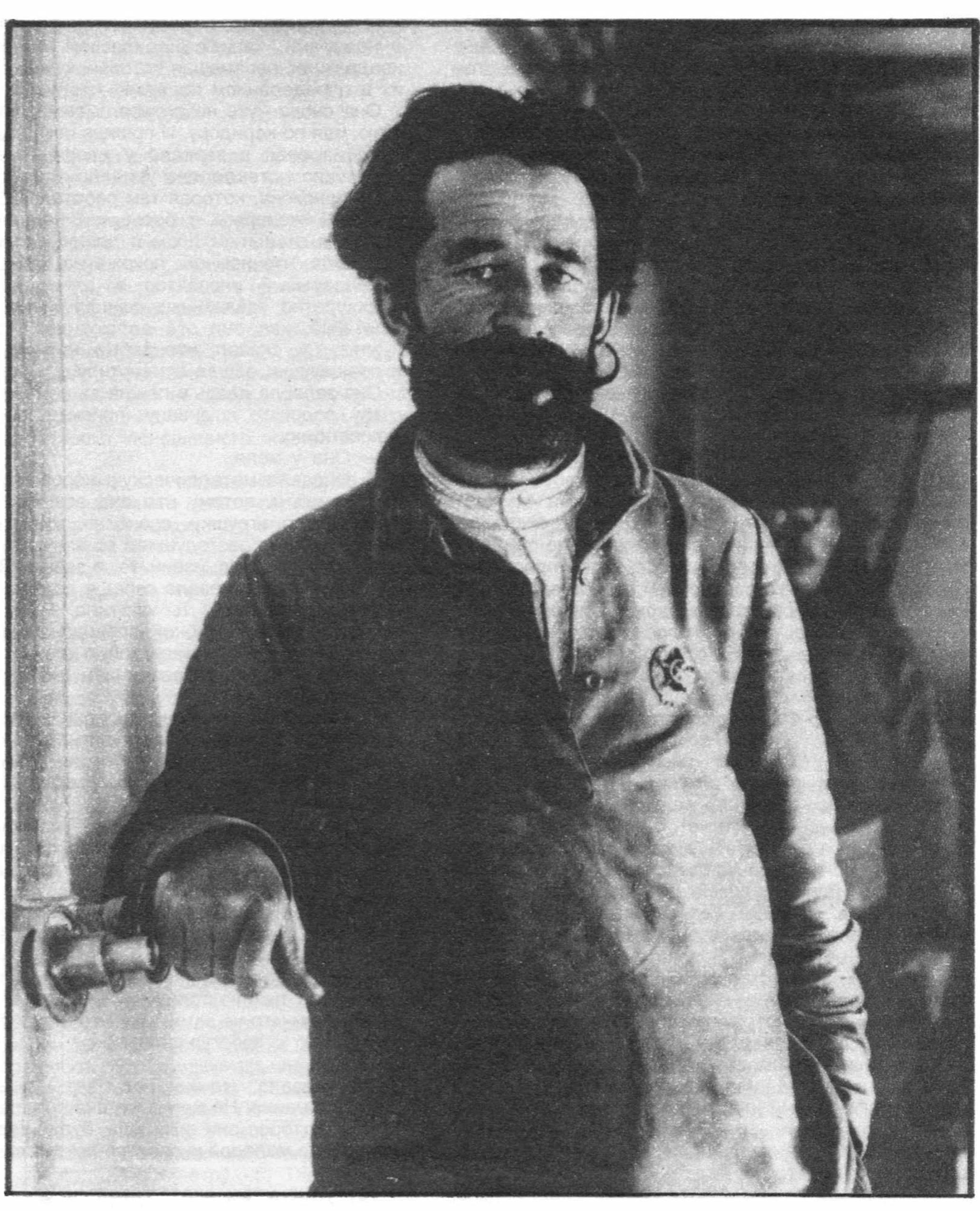
Продолжение следует.

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

ОН ВОССТАЛ ПРОТИВ НАСИЛИЯ

ДОКУМЕНТЫ О ТРАГЕДИИ КОМАНДАРМА 2-Й КОННОЙ

Альберт ЮСЬКИН

Под стражей подсудимый Ф. К. Миронов.

В Центральном государственном архиве кинофотодокументов СССР (ЦГАКФД СССР) хранится редкая фотография времен гражданской войны, подпись под которой гласит: «Группа военачальников и пропагандистов у агитпоезда «Красный казак», сентябрь 1920 года». На снимке герои гражданской войны: И. П. Уборевич — командующий 13-й армией, Ф. К. Миронов — командующий Второй Конной армией, И. Т. Смилга — член Реввоенсовета республики, В. А. Антонов-Овсеенко — представитель военного ведомства республики, Д. В. Полуян — член Реввоенсовета Второй Конной армии. Их имена на десятилетия были вычеркнуты из истории нашего государства.

Такое обстоятельство не случайно, ибо судьба каждого из них завершилась трагически. И если Антонов-Овсеенко, Полуян, Смилга, Уборевич стали жертвами репрессий в период массовых расправ 1937—1939 годов, то жизненный путь Ф. К. Миронова оборвался значительно раньше, в апреле 1921 года.

Данная фотография уникальна. Она сделана через год после того, когда в городе Балашове состоялся суд Чрезвычайного военного трибунала по делу Миронова. На суде Государственный обвинитель И. Т. Смилга потребовал для Миронова и его ближайших сподвижников высшей меры наказания — расстрела, а Чрезвычайный военный трибунал под председательством Д. В. Полуяна утвердил этот приговор.

Суд над Мироновым не был заурядным явлением даже в водовороте событий, которыми сотрясался боевой 1919 год. Из телеграммы председателя Реввоенсовета республики Л. Д. Троцкого видно, сколь важное значение он придавал данному процессу:

«МОСКВА, СКЛЯНСКОМУ ДЛЯ ЦК, КОПИЯ — СМИЛГЕ
16 СЕНТЯБРЯ 1919 ГОД
ЗАХВАЧЕННЫЕ МИРОНОВЦЫ ДОСТАВЛЕНЫ В БАЛАШОВ, ГДЕ ФУНКЦИОНИРУЕТ СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ПО ЭТОМУ ВОПРОСУ
СНОШУСЬ СО СМИЛГОЮ О ТОМ, ЧТОБЫ КОМИССИЮ ПРЕВРАТИТЬ В ТРИБУНАЛ И ДЕЛО РАЗРЕШИТЬ В БАЛАШОВЕ.
1. БОЛЬШОЕ ЧИСЛО ОБВИНЯЕМЫХ (430 ЧЕЛ.).
2. СВИДЕТЕЛИ В ТОМ ЖЕ РАЙОНЕ.
3. ПРОЦЕСС ДОЛЖЕН ИМЕТЬ ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КАЗАЧЕСТВА.
ХОРОШО ПОСТАВЛЕННОЕ ДЕЛО МИРОНОВА ПОСЛУЖИТ ЛИКВИДАЦИИ ДОНСКОЙ УЧРЕДИЛОВЩИНЫ, ЛЕВОЙ ЭСЕРОВЩИНЫ. ПОЛАГАЮ НЕОБХОДИМЫМ, ЧТОБЫ ВО ВРЕМЯ ПРОЦЕССА ТОВ. СМИЛГА ПРИБЫЛ В БАЛАШОВ ДЛЯ РУКОВОДСТВА ДЕЛОМ.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РВС РЕСПУБЛИКИ ТРОЦКИЙ».

Как же так случилось, что прославленный военачальник Красной Армии Ф. К. Миронов оказался в качестве обвиняемого перед судом Советской Республики? Ответ на этот вопрос можно найти в документах процесса, которые сохранились в архивах до нашего времени.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ:

«Заседание Чрезвычайного Революционного трибунала по делу Миронова от 5 октября 1919 года.
Председатель Чрезвычайного Революционного трибунала т. Полуян
Члены Чрезвычайного Революционного трибунала т. т. Поспелов и Анисимов.
Полуян оглашает обвинительный акт:
На скамье подсудимых Миронов, бывший командир Донского корпуса, и командный состав. Суть дела в следующем: 24-го числа по приказанию Миронова из Саранска выступил его корпус в составе нескольких полков, корпус двигался по направлению к 23-й дивизии. Таковому выступлению Донского корпуса предшествовали следующие обстоятельства...»

После изложения сути дела председатель трибунала Дмитрий Полуян зачитывает обвинение:

«Миронову предъявляется обвинение в неоднократных выступлениях на митингах в г. Саранске... в открытой агитации против существующей Советской власти...

В издании приказа по корпусу о выступлении из Саранска после того, как ему таковое выступление Реввоенсоветом Республики было безусловно воспрещено...

В вооруженных стычках во время пути следования из Саранска к месту расположения 23-й дивизии с советскими войсками, причем, и с той и с другой стороны были убитые и раненые, в порче телефонных проводов во время этого следования, в попытке к бегству во время задержания его и его отряда красноармейцами корпуса под командой Буденного».

Предъявляются обвинения и другим сподвижникам Миронова.

ДОПРОС ПОДСУДИМЫХ.

Председатель — Подсудимый Миронов, вы слышали в чем вы обвиняетесь? (Д. Полуян)

Миронов — Слышал.

Председатель — Признаете ли вы себя виновным?

Миронов — По всем предъявленным пунктам, за исключением некоторых деталей, признаю себя виновным, но прошу во время судебного процесса выслушать мою исповедь. Я говорю это не для того, чтобы подкупить суд, а чтобы уйти в смерть с определенным взглядом, что я очищен...

Председатель — Что можете вы сказать в ваше оправдание, предупреждаю быть покороче.

Миронов — Я человек беспартийный... Октябрьский переворот застал меня в Аккермане в 32-м Донском казачьем полку. Для меня, как старого борца, и это будет впоследствии доказано, стоящего на посту революции, было ясно, что я должен стать на сторону революции... Я всегда выступал в защиту Советской власти, разъяснял платформу коммунистической партии, насколько я сам ее понимал, сперва в пол-

ку, а затем на Дону — населению... Вооруженная борьба, в которую мне пришлось вступить на Дону, началась с 12 мая 1918 года и с того момента я не выпускал из рук винтовки...»

Так Миронов начал свою «исповедь» на суде. Трудно понять, какая человеческая драма разворачивалась во время этого процесса, если не заглянуть в его предысторию. Да и сама личность Ф. К. Миронова столь неординарна, что требует осмысления.

Филипп Кузьмич Миронов родился 14(26) октября 1872 года в станице Усть-Медведицкой бывшей области Войска Донского. Из казаков. О своем детстве Миронов вспоминал с горечью: «Мундир с чужого плеча, обед с чужой кухни; я рано начал понимать всю тяжесть и гнет бедности». В двадцать лет он уже на военной службе, в 1898 году окончил Новочеркасское юнкерское училище. Участвовал в русско-японской войне 1904—1905 годов, за смелость и отвагу получил четыре ордена Владимира, Анны и Станислава 3-й и 4-й степеней. Произведен в чин подъесаула (штабс-капитан).

Вернувшись на Дон, Миронов выступил в своей станице против использования казаков в карательных операциях по подавлению революционных выступлений. Станичники оказали ему доверие, послав в Государственную думу с Наказом казачества по земельному вопросу. За политическую деятельность Миронова арестовали и в 1908 году уволили с военной службы.

В первую мировую войну он сражается на фронте. Новые награды и Георгиевское оружие — оценка его доблести в боях. В январе 1916 года Миронов произведен в чин войскового старшины (подполковник).

После Октябрьской революции Миронов — активный участник становления Советской власти на Дону. Он назначается военным комиссаром Усть-Медведицкого округа, где с мая 1918 года ведет ожесточенную борьбу с белогвардейской и казачьей контрреволюцией. В конце 1918 года награждается редкой для того времени наградой — орденом Красного Знамени (под номером три). Слава Миронова растет, в марте 1919 года он командует группой войск в составе двух дивизий.

Краткая биография Миронова не раскрывает высоких нравственных и духовных качеств этой натуры. Словно тонкая струна, его душа моментально откликалась на горе и несчастья окружающих людей. Он совершенно не переносил насилия и несправедливости. Вся его жизнь насыщена борьбой за свободу и достоинство человека.

Из выступления Миронова на суде:

«Когда была объявлена японская война, я был мобилизован. Там я увидел только произвол и бесчинства со стороны командующего состава, и когда начальник четвертой казачьей дивизии генерал Телешов был посажен в арестантское отделение за бесчинства, которые им были совершены, я публично сказал командиру полка, что так и нужно поступать с начальником, ибо невозможно дольше терпеть тех безобразий, которые совершались в нашей армии. За это я был отправлен в госпиталь для нервно-больных... Помню, как я был обрадован манифестом Октября 1917 года... Затем мы отправились домой на Дон. В Уфе помню такой случай: арестовали инженера Соколова и приговорили его к повешению. Железнодорожники грозили забастовкой, если Соколова не освободят; эшелон же наш требовал дальнейшего продвижения поезда, тогда я стал разъяснять эшелону, что идет вопрос о спасении человека, борющегося за трудовые массы, и я добился своей цели: поезд не был отправлен до тех пор, пока не помиловали Соколова».

Отдавая все силы защите Советской Республики, Миронов многократно выступал перед казаками на митингах, выпускал обращение к населению: *«Казаки-фронтовики и солдаты-фронтовики, довольно спать! Довольно сомневаться! Каждый шаг промедления приближает к нашей шее ярмо немецкого генерала Краснова — ярмо буржуазии!.. С богом, товарищи-фронтовики, за спасение родной земли, воли и свободы! Командующий революционными войсками Усть-Медведицкого округа гражданин-казак Ф. Миронов».*

Комиссар Казачьего отдела ВЦИК М. Я. Макаров в своем докладе Казачьему отделу ВЦИК от 8 сентября 1919 года дает следующую оценку Миронову: **«Коммунистических ячеек у Миронова в дивизии не было и к комиссарам он относился подозрительно. Но он был хороший стратег, хороший специалист военного дела, выходил из всех самых тяжелых положений с малыми потерями. Поэтому казаки стремились к нему. Население все симпатизировало ему... Среди подчиненных ему частей была прекрасная дисциплина. У него не было грабежей, разбоя и насильственных реквизиций. Его части не оскорбляли религиозного чувства населения... Это относится к концу 1918 года.**

Учитывая роль Миронова и желая воспользоваться им, как человеком, за которым идут массы, Реввоенсовет Южного фронта доверил ему командование особой группой из двух дивизий.

Следует отметить, что он блестяще оправдал возложенные на него надежды: за короткое время — конец января и февраль 1919 года, он, двигаясь впереди войск 9-й Армии, дошел до реки Сев. Донца без особого сопротивления, т. к. большинство красновских полков охотно сдавались Миронову, который пользовался особым авторитетом, как среди Красной Армии, так и среди трудового казачества в белогвардейском стане...

Но чем больше росла его популярность, и чем ближе он подходил к Новочеркасску, тем более росло недовольство населения в его тылу, из-за неумелого строительства Советской власти, огульных реквизиций, массовых расстрелов и т. д. Во многих местах даже вспыхнули восстания...

Миронов резко критиковал отдельных партийных работников-коммунистов за их ошибки и бестактности. Это обстоятельство и подозрение его в бонапартизме и послужило причиной того, что РВС Южного фронта перевел его на Западный фронт...

После устранения Миронова началось разложение его частей, благодаря неумелому командованию и других причин. Одновременно с этим начались успехи Деникина, причем в короткое время за 2—3 недели снова потеряли весь Дон».

Развитие событий на Дону в марте 1919 года, описанное в докладе Макарова, ясно показывает, что успешное наступление Миронова на фронте практически было сорвано «левацкими» экстремистскими действиями местной власти по отношению к казачеству. Политика так называемого «расказачивания» дала свои горькие плоды.

Идейным вдохновителем этой политики были Троцкий, Сырцов, Френкель, Ларин, Ходоровский и другие. Практически за этим стояло нежелание идти на союз со средним крестьянством и трудовым казачеством.

А претворялась в жизнь эта политика после директивы Оргбюро ЦК РКП(б) от 29 января 1919 года: **«Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти...»**

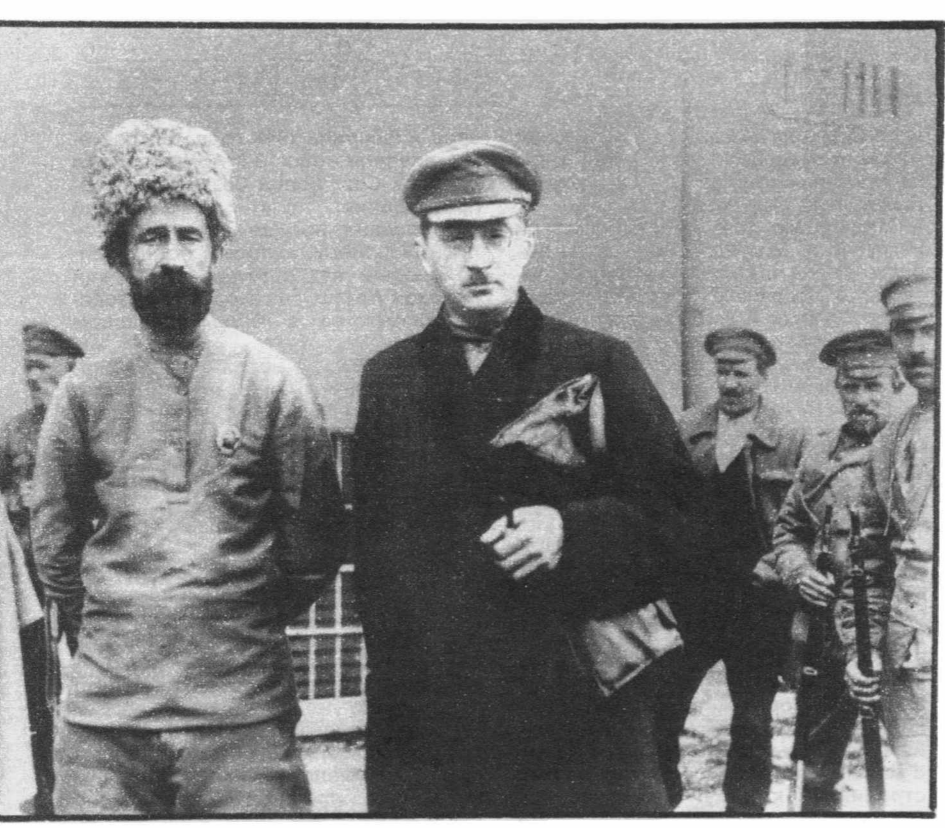
Донбюро и Гражданупр разослали директиву на места с еще большим ужесточением: «Учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми пороками казачества путем поголовного их истребления...»

Расстрелы, конфискации имущества, насильственное искоренение обычаев казачества — этими репрессиями подрывалась вера в Советскую власть. Начался массовый переход казачества в лагерь контрреволюции, появилась проблема дезертиров. В результате допущенных извращений 12 марта 1919 года на Дону вспыхнуло Вешенское восстание, охватившее затем и другие округа Донской области.

Миронов резко выступил против этого: *«Душа не мирится с мыслью, что если теперь будем завоевывать Дон и смотреть, как начнут истреблять наше бедное, темное казачество, а оно вынужденное свирепостью новых вандалов, будет сжигать свои хутора и ста-*

Соратники...
Четвертый слева И. П. Уборевич, рядом с ним Ф. К. Миронов, И. Т. Смилга, В. А. Антонов-Овсеенко и Д. В. Полуян. Сентябрь 1920 года.

Суд еще не начался. Ф. К. Миронов и его защитник Рыбаков.

ницы. И неужели сердце при виде этой адской картины не содрогнется...»

В поиске выхода из отчаянного положения он пишет письмо В. И. Ленину: *«Не только на Дону деятельность некоторых ревкомов, особотделов, трибуналов и некоторых комиссаров вызвало поголовное восстание, но это восстание грозит разлиться широкою волною в крестьянских селах по лицу всей республики...»*

Это письмо Ленин так и не получил, но недоброжелатели постарались довести до Троцкого слова Миронова, высказанные в его письме члену РВС Южного фронта Сокольникову: *«... пора разогнать политических авантюристов Донбюро (Сырцова, Ларина, Ходоровского и др.), а вместе с ними и Троцкого из армии...»*

Начались интриги и травля, последовал вызов в Серпухов и перевод Миронова на Западный фронт. Он еще пытается повлиять на ход событий: *«Я, уезжая на Западный фронт, 15 марта предложил Реввоенсовету Республики такие мероприятия, чтобы казачье население удержать сочувствующим Советской власти. Необходимо:*

1. Считаться с его историческим, бытовым и религиозным укладом жизни. Время и умелые политические работники разрушат темноту казаков...

2. ...чтобы идея коммунизма проводилась в умы казачьего и коренного крестьянского населения путем бесед, лекций, брошюр и т. д., но ни в коем случае не насаждалась насильственно...

3. ...вся полнота власти должна быть передана исполнительным органам окружных съездов, а не случайно назначенным лицам, как это сделано теперь».

Но и этот доклад остался без ответа.

Летом 1919 года обстановка на юге России резко обострилась. Войска Деникина начали наступление по широкому фронту. В этих условиях Главное командование возвращает Миронова на Южный фронт, ему поручают сформировать конный корпус в районе города Саранска.

Однако он сразу почувствовал, что с ним ведется какая-то скрытая игра, что положение на Дону остается неустойчивым из-за продолжающихся мероприятий по «расказачиванию» населения. Миронов вновь обращается с письмом к Ленину.

Во время встречи в Кремле восьмого июля 1919 года В. И. Ленин одобрил предложения Миронова, высказанные им еще в докладе от 15 марта в Реввоенсовете республики, и пообещал оказать содействие. На этой встрече также присутствовали М. И. Калинин и комиссар Казачьего отдела ВЦИК М. Я. Макаров.

Касаясь вопросов политического характера, Миронов в этом докладе указал: *«Я стоял и стою не за келейное строительство социалистической жизни, не по узко-партийной программе, а за строительство гласное, в котором народ принимал бы живое участие, тут кулацких элементов не имеют ввиду. Только такое строительство вызовет симпатии крестьянской толщи и части истинной интеллигенции...»*

Получив поддержку Ленина, Миронов с удвоенной энергией приступает к выполнению поставленной задачи. Однако формирование корпуса шло крайне медленно. Личный состав в его части почти не поступал. Заявки на лошадей, вооружение, снаряжение и амуницию не выполнялись. К середине августа была сформирована всего одна дивизия и то не полностью вооруженная.

Миронов понимал, что за этим стоит недоверие и настороженность к его личности со стороны командования 9-й армии и более высоких недоброжелателей. Обстановка в корпусе значительно ухудшилась, когда на ответственную работу прибыла группа коммунистов: Ларин, Рогачев, Болдырев, Зайцев и другие, ранее проводившие на Дону политику «расказачивания».

Уже 5 августа член РВС корпуса Ларин написал на имя Сокольникова (Южфронт) доклад о недоверии к Миронову, а 12 августа другой член РВС, Скалов, предложил прекратить формирование корпуса и распылить его по частям. Такая позиция со стороны политработников корпуса ожесточила Миронова. Возникло несколько конфликтов на солдатских митингах, где некоторые комиссары внушали красноармейцам мысль не подчиняться Миронову.

Истинное положение в корпусе нашло отражение в докладе члена казачьего отдела ВЦИК тов. Кузюбердина: **«Особый Донской корпус 19 августа находится еще только в зачаточном состоянии. Всего в корпусе до 4-х тысяч человек приблизительно... По всему видно, что тов. Миронов Особого Донского корпуса не сформирует и уже пришел в уныние и к довольно грустным размышлениям... За Мироновым идут массы трудящегося народа, потому что Миронов впитал в себя мысли, настроения и желания народной крестьянской массы в текущий момент революции... Миронов негодует на то, что ему, истинному борцу за Социальную Революцию, потерявшему здоровье на фронте, не только не доверяют, но даже стараются вырыть ему могилу, посылая на него неосновательные доносы... Миронов может быть спровоцирован и вынужден на отчаянный жест...»**

А в то время положение на Южном фронте становится угрожающим: прорыв фронта и рейд белоказацкой конницы Мамонтова, общее наступление Деникина. Миронов мечется — как помочь фронту?! Член Реввоенсовета республики И. Т. Смилга в разговоре по телеграфу запрещает принимать какие-либо самостоятельные действия.

Не находя другого выхода из создавшегося положения, Миронов принимает решение: «Надо идти спасать фронт». Утром 24 августа 1919 года после короткого митинга части недоформированного корпуса вышли из г. Саранска в сторону фронта.

В чем виноваты? Группа обвиняемых казаков из корпуса Ф. К. Миронова.

В штаб 9-й армии Миронов дал телеграмму:

«ПРОШУ ПЕРЕДАТЬ ЮЖФРОНТУ, ЧТО
Я, ВИДЯ ГИБЕЛЬ РЕВОЛЮЦИИ
И ОТКРЫТЫЙ САБОТАЖ
С ФОРМИРОВАНИЕМ КОРПУСА, НЕ
МОГУ НАХОДИТЬСЯ
В БЕЗДЕЙСТВИИ. ЗНАЯ ИЗ
ПОЛУЧЕННЫХ ПИСЕМ, С ФРОНТА
ЧТО ОН МЕНЯ ЖДЕТ,
ВЫСТУПАЮ С ИМЕЮЩИМИСЯ
У МЕНЯ СИЛАМИ НА ЖЕСТОКУЮ
БОРЬБУ С ДЕНИКИНЫМ
И БУРЖУАЗИЕЙ».

Отряды Миронова двигались до разоружения почти три недели. Они старались обходить заградительные части советских войск, и все же произошло несколько столкновений между мироновскими и преследовавшими его воинскими частями, в которых погибло 4 человека и 32 было ранено.

ПРИКАЗ
Председателя РВС Республики
№ 150 от 12 сентября 1919 года

Бывший казачий полковник Миронов одно время сражался в красных

Идет судебный процесс.

войсках против Краснова. Миронов руководствовался личной карьерой, стремясь стать донским атаманом... Вступив в сношения с Мамонтовым и Деникиным, Миронов сбил с толку несколько сот казаков и пытается пробраться с ними в ряды Н-ской дивизии, чтобы внести туда смуту и передать рабочие и крестьянские полки в руки контрреволюционных врагов.

Как изменник и предатель, Миронов объявлен вне закона. Каждый честный гражданин, которому попадется на пути Миронов, обязан пристрелить его как бешеную собаку. Смерть предателю!

Председатель РВСР Троцкий.

Объявлен вне закона... Ряды в частях Миронова значительно редеют. Приближается расплата...

14 сентября остатки мироновских частей были окружены корпусом Буденного. Встретив превосходящие красноармейские силы, Миронов выстроил свои отряды и без единого выстрела разоружился. О задержании Миронова было сразу сообщено по телеграфу.

В тот же день: поздно вечером С. М. Буденный в узком штабном кругу

принял решение «Миронова, объявленного советским правительством вне закона, расстрелять на месте». Но на утро следующего дня в расположение корпуса Буденного неожиданно прибыл Троцкий, который «приказал по отношению к Миронову ничего не предпринимать», а отправить его под конвоем в распоряжение РВС республики.

Троцкому нужна была не обычная расправа, а громкий процесс «над крупным военачальником-изменником из казацкой среды». Не случайно на суде присутствовали корреспонденты центральной печати, а в зале заседания делались «исторические» фотоснимки. Итог столь назидательного мероприятия был заранее предрешен... Так возник процесс в городе Балашове в начале октября 1919 года.

В уездном Балашове, где размещался штаб 9-й армии, на время суда стало тесно. Местная тюрьма не могла вместить всех обвиняемых, а их привлекли к суду 480 человек. На судебные заседания не вызывались красноармейцы, обвиняемые по спискам (всего 464 чел.), а это значит, что основная масса подсудимых ждала заочных приговоров...

Стенограмма судебных заседаний —

Доклад Председателю совета обороны
республики гражданину Ленину

г. Москва

8 июля 1919 года

Мобилизации донских казаков на Западный фронт была предрешена еще 15 марта 1919 г., когда состоялось постановление Реввоенсовета Республики. На формирование дивизии и уже получил предписание Главкома от 16 марта за № 2266.

По каким соображениям была отменена эта мобилизация и доку... цена страшная ошибка мне, конечно, неизвестно.

Перед решением вопроса с мобилизации мною была подана такая об"яснительная записка:

"Политическая революция 27 февраля 1917 г. застала молодое казачество на фронте империалистической бойни, где оно под влиянием захватывающего революционного течения шло в ногу с солдатскими массами и хоть до некоторой степени, но политически воспитывалось. За этим делом следили красные казачьи офицеры, которых, к стыду донского офицерства, оказалось так мало к великой минуте начавшегося освобождения трудящихся масс от гнета капитала.

Старое казачество - отцы и деды жило на Дону прежнею полицейскою жизнью, где ум человека, его душа, были всецело во власти попа, станичного атамана, окружного атамана, где мысль о царе оставалась священною и происшедший переворот по-прежнему приписывался "внутренним врагам".

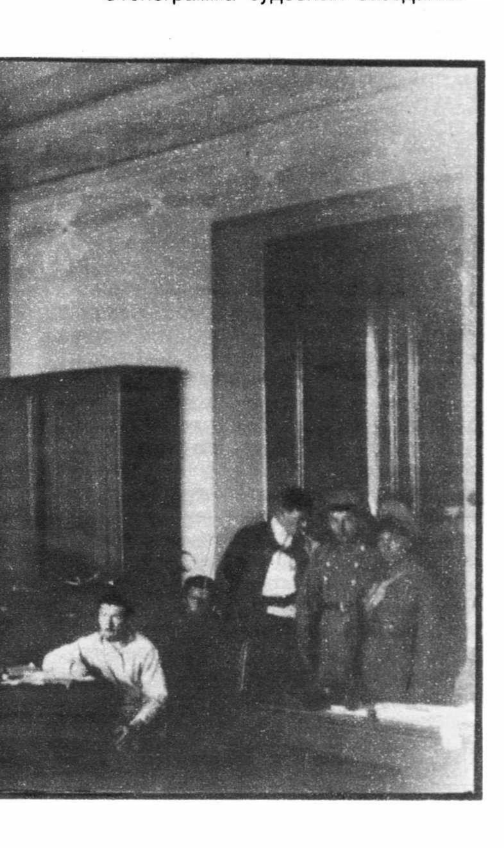
На борьбу с этим невежеством никто не вышел; отдельные личности, пытавшиеся раз"яснить смысл происшедшего переворота, чуть не избивались камнями.

ЗАСЕДАНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА
ПО ДЕЛУ МИРОНОВА от "5" октября 1919 г.

Председатель Чрезвычайного Революционного трибунала т.ПОЛУЯН
Члены Чрезвычайного Революционного трибунала т.т. ПОСПЕЛОВ и АНИСИМОВ

Полуян оглашает обвинительный акт.

На скамье подсудимых МИРОНОВ, бывший командир Донского корпуса и командный состав. Суть дела в следующем: 24-го числа по приказанию Миронова из Саранска выступил его корпус в составе нескольких полков, корпус двигался по направлению к 23 дивизии. Таковому выступлению Донского корпуса предшествовали следующие обстоятельства: 22-го августа, без ведома, и даже вопреки желанию и воле Реввоенсовета корпуса, устраиваются Мироновым митинги, на которых он в своих речах выступает против коммунистической партии, обвиняя ее в преступных действиях, ...одно отражающихся на стране и заявляет, что он намерен выступить на фронт. На митингах он спрашивает командный состав, ...из них желает идти с ним. В большинстве своем командный ...ав изъявил желание идти с ним. И только часть отказалась ...выступления и осталась в Саранске. Здесь же на этих митин... Миронов объявляет арестованными двух коммунистов и только ... после некоторых переговоров, он их освобождает, не освобо... ...т не совсем; по приказу Миронова в Саранске расставляет... ...ул с приказом никого не выпускать из города. Вечером ...та стало известно о переговорах со Смильгой, который ...Миронова по прямому проводу и ведет с ним довольно ...переговоры. Тов.Смильга предлагает Миронову не высту... ...фронт, предупреждает его, что в настоящее время создав... ...ожение на фронте не позволяет выступать на фронт, во ...ловиях бы то ни было осложнений. Миронов настаивает ... и требует, чтобы его пропустили на фронт. В ... ...ного указания этого ...

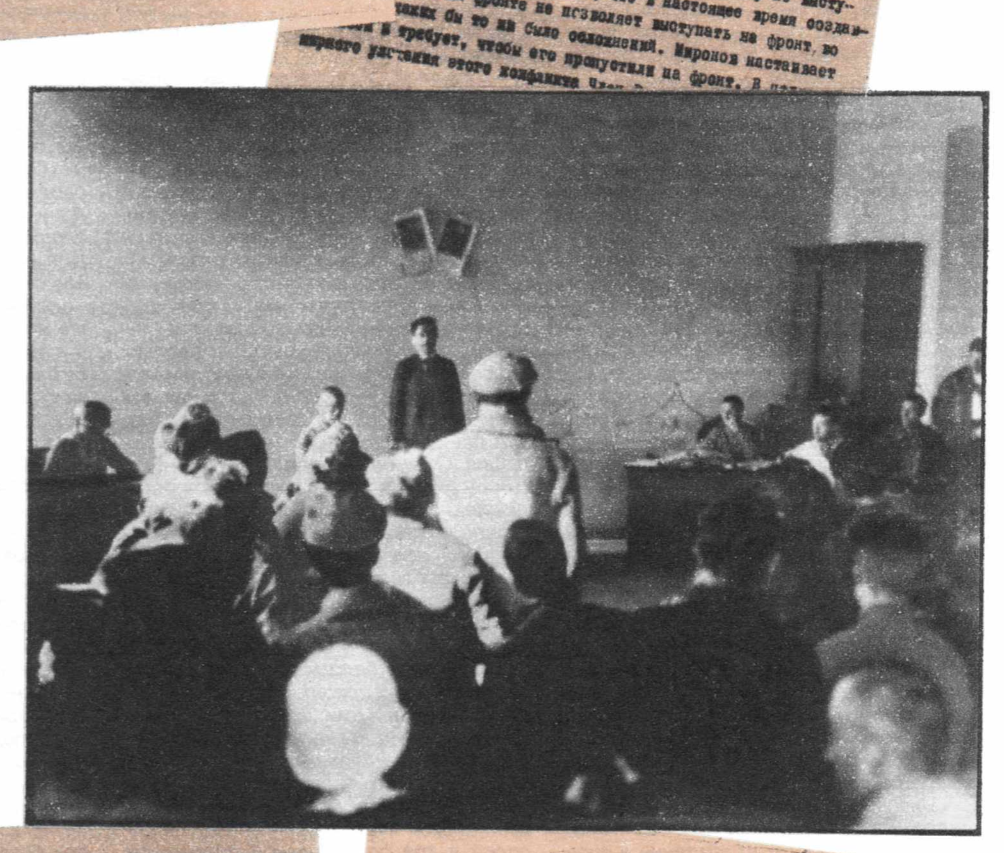
Доклад Ф. К. Миронова В. И. Ленину 8 июля 1919 г.

Стенографический отчет заседания Чрезвычайного трибунала по делу Ф. К. Миронова.

Заседание Чрезвычайного трибунала по делу Ф. К. Миронова 5—7 октября 1919 г. Его ведет председатель Д. В. Полуян.

Приговор Чрезвычайного трибунала по делу Ф. К. Миронова.

Доклад комиссара Макарова казачьему отделу ВЦИК.

довольно объемный документ. С ее помощью постараемся воссоздать некоторые моменты хода судебного процесса.

Председатель — Призывали устно или печатно к свержению Советской власти?

Миронов — Я откровенно говорю, что злого намерения к свержению существующей власти у меня не было... Я был не против идейного коммунизма, а против отдельных личностей, которые своими действиями подрывали авторитет Советской власти... Я обрисовал все примеры очень рельефно, называя имена тех, кто совершал те или иные преступления... Я считал, что Троцкий является руководителем такой политики на Дону...

Председатель — В телеграмме Ленину от 24 июня вы писали, что необходимо создать народное представительство. Что вы понимаете под этим?

Миронов — А понимал я так, представители трудового крестьянства имели бы близкое соприкосновение к Советам и оповещали массы о том, что там делается.

Председатель — Вы такого мнения, что существующие Советы не отражают голоса населения на местах.

Миронов — Да, не отражают... Среди

ПРИГОВОР
ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ТРИБУНАЛА ПО ДЕЛУ МИРОНОВА

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Чрезвычайный трибунал в заседании своем от 5,6 и 7 октября 1919 года
в составе: председателя т.Полуяна и
членов: т.т. Анисимова и Поспелова,
рассмотрев дело по обвинению б.комкорпуса МИРОНОВА Филиппа Кузьмича, бывшего начдива БУЛАТКИНА Константина Филипповича, быв.пом. наштадива МАТВЕЕНКО Николая Николаевича, быв.ком.полка ФОМИНА Якова Ефимовича, быв.комиссара ПРАЗДНИКОВА Ивана Михайловича, состоявшего для поручений при ком.корпуса КОРНЕЕВА Петра Ивановича, адъютанта 2 полка ДРОНОВА Ефима Дмитриевича, комиссара 4-й сотни 2 полка ДАНИЛОВА Михаила Федоровича, помощника командира технического эскадрона ЗВАРЫКИНА Владимира Антоновича, командира 2 сотни I-го кавполка ИГОЛКИНА Ивана Григорьевича, командира 4 сотни I кавполка ХОРОШИЛКОВА Ильи Леонтьевича, начальника пулеметной команды I кавполка ЖИЛОВА Василия Ивановича, взводного командира пулеметной команды I кавполка ОБЪЕДКОВА Андрея Алексеевича, взводного командира 4 сотни I кавполка ФЕДОСОВА Федора Владимировича, старшины комендантской команды ДОРОДНИКОВА Антона Антоновича, красноармейцев комендантской команды технического эскадрона и 23 дивизии в количестве 54 человек (список в приложении), красноармейцев I кавполка в количестве 220 (список в приложении) и остальных красноармейцев из корпуса Миронова, находящихся задержанными в городе Балашове в количестве 190 человек (список в приложении).

I) МИРОНОВА в неоднократных выступлениях на митингах в городе Саранске, а также в пути следования из Саранска к месту расположения 23 дивизии с открытой агитацией против существующей Советской власти, причем своей агитацией Миронов пользовался разжиганием национальной розни, называя нынешнее правительство

ДОКЛАД КАЗАЧЬЕМУ ОТДЕЛУ ВЦИК

Комиссара по казачьим делам товарища МАКАРОВА, 8 сентября 1919 года
по делу
о вооруженном выступлении Командующего Донским Корпусом МИРОНОВА.

ПЛАН ДОКЛАДА

I. Личность Миронова.
2. О политработниках Корпуса.
3. Отношение Казачьего отдела ВЦИК к данному вопросу.

I.

...давних времен Миронов был известен как передовой борец за ...ое казачество. Еще в 1906 г. Миронов, будучи тогда сотником, ...лан в I-ю Государственную Думу с революционным наказом от ...и частей Усть-Медведицкого округа Донской области. Его арес... ...а обратном пути на Дон, где летом 1906 г. и весной 1907 г., ...заседаний I-й и 2-й Государственных Дум, происходили об... ...ннения, митинги и собрания с революционными казаками и по... ...ями.

...мя Октябрьского переворота он стал на сторону революци... ...ода; был комиссаром в Усть-Медведицкой станице, а потом ...ющих бороться с белогвардейцами из добровольцев, преиму... ...азаков постепенно образовал дивизию, которая получила

крестьянского населения большое недовольство...

Председатель суда каждому из сподвижников Миронова задавал вопрос: «Что же вас побудило идти за Мироновым?» Приведем некоторые ответы:

Фомин — Если бы Миронов шел против Советской власти, никто бы не пошел за ним, но ведь он сказал, что мы идем на Красный фронт против Деникина.

Дронов — Миронов шел на фронт, чтобы поддержать падающий Донской фронт, т. к. он знаком с бытом, условиями и психологией казаков.

Во время опроса свидетелей государственный обвинитель И. Т. Смилга свидетелю Скалову (члену РВС корпуса) задал неожиданный вопрос:

Смилга — Известно ли вам, что когда явно обнаруживается измена, то член Реввоенсовета обязан пристрелить изменника?

Скалов — Да.

Смилга — Что же помешало вам пристрелить Миронова?

Скалов — Мне помешали условия работы, у нас не было ни одного штыка и ненависть со стороны казаков, которые под влиянием Миронова грозили дикими расправами.

Каждый судебный процесс — это дуэль между обвинением и защитой. Сильная аргументация, эмоциональная окраска речи каждой из сторон всегда оказывала большое влияние на членов суда, если они искали справедливого решения.

Речь Государственного обвинителя И. Т. Смилги (в сокращении).

«Я обвиняю бывшего казачьего полковника Миронова и всех его участников в том, что во время войны Советской власти с Деникиным, они, занимая ответственные посты в Красной Армии, подняли вооруженный мятеж против Советской власти... Анализируя весь материал по делу Миронова, я пришел к выводу, что перед нами не орел, а всего лишь селезень, ибо приемы, при помощи которых он увлекал за собой солдат, не приемы вождя...»

Далее Смилга дал оскорбительные оценки трем сподвижникам Миронова (Булаткину, Дронову, Григорьеву) и добавил: *«Остальные обвиняемые из командного состава в отдельности не привлекают моего внимания и большинство из них крайне серые, политически необразованные люди, крайне разнузданные, крайне недисциплинированные... Таковы главари мироновщины».*

«Миронов в своих декларациях ссылается на то, что дескать уловил стон народа, его тоску и стремление к лучшему. Он пытается доказать, что не против революционной партии коммунистов, а что он поднял знамя восстания против «лжекоммунистов»... Я должен здесь рассеять это...

На Дону популярность Миронова росла не вследствии его заслуг. Эту популярность он купил дешевой демагогией, дешовым приспособлением к темному казачеству... Миронов, видя, что всяким честолюбивым стремлениям его, как «главы» Донского казачества, приходит конец, что все его мысли стать народным вождем падут прахом, решается на преступное выступление против Советской власти. Вся узость зарвавшегося честолюбца здесь выступает с полной очевидностью...

Теперь о зверствах на Дону. Из следственного материала видно, что зверства имели место. Но также видно и то, что главные виновники этих ужасов уже расстреляны. Не надо забывать, что все эти факты совершались в условиях Гражданской войны, когда страсти накаляются до предела.

Вспомните французскую революцию и борьбу Вандеи с Конвентом. Вы увидите, что войска Конвента совершали ужасные поступки, ужасные с точки зрения индивидуального человека. Поступки войск Конвента понятны лишь при свете классового анализа. Они оправданы историей, потому что их совершал новый прогрессивный класс... Тоже самое и теперь».

В конце своей речи обвинитель сказал:

«Перед нами преступник, болтающий о счастье человечества, а на деле, открывающий Мамонтову дорогу на Москву. К таким людям у нас не должно быть жалости. Сор мелкобуржуазной идеологии должен быть сметен с пути революции и Красной Армии...

Я требую для Миронова, всего командного состава и комиссаров и коммунистов, шедших с ними — расстрела. Для всех солдат комендантской сотни, так называемых «янычар», вину которых разобрать нельзя, но которые, безусловно, виновны, требую расстрела через десять, по списку. По отношению к остальным красноармейцам — расстрела через двадцать по списку, с зачислением остальных, которые не будут оправданы по суду — в тыловое обеспечение...»

Речь защитника тов. Рыбакова (в сокращении).

«Товарищи. Революционному трибуналу угодно было поручить мне тяжелый долг защиты обвиняемого, а не систему мироновщины... Обвинитель прочел нам целую лекцию о мироновщине, он изложил нам взгляд господствующей коммунистической партии, все это нам не ново... Я, как защитник людей, обращаюсь к вашим сердцам.

В чем же обвиняется эта группа людей, защиту которых мне поручили? В дезертирстве..., но до сих пор мы знали и обвиняли людей, бегущих с фронта, теперь же обвиняем лиц, которые пошли на фронт. Кого же мы обвиняем здесь? Не селезня, как сказал обвинитель. Перед нами лев революции. С самого начала Советской России он бился в рядах защитников революции... Правда, он не совсем представляет себе политическую программу.., но лев революции разбирается в этих вопросах сердцем, он сердцем почувствовал, что партия несет то, что нужно обездоленному трудящемуся классу... Где случится беда на Красном фронте, где белогвардейские банды расстроят наш фронт, туда стремится этот селезень, ему доверяют в такой ответственный и опасный момент, и он оправдывает надежды...

Так в чем же провинился этот человек? Что он, как боец Красной Армии, был плохой политик, он плохо разбирался в той политической атмосфере, которая его окружала, и как боец был прям в своих поступках. Человек цельный, у которого, что на сердце, то и на деле, не скрывающий своих мыслей...

В боях он отдавался всецело, боролся за Советскую власть, когда же он оглянулся кругом и увидел, что на Советскую Россию надвигается большая беда... Беда, фактически доказанная здесь путем свидетельских показаний, что на Дону со стороны внутреннего управления дело обстоит неладно, что там происходили большие бесчинства, от которых могли погибнуть все успехи Красной Армии.

Миронов, видя все это и чувствуя, что ошибки необходимо исправить как можно скорее, пишет Ленину докладную записку, где указывает на творящиеся на Дону безобразия. Он кричит: «беда идет, в результате все наши успехи сойдут на нет...», но голос его слышен слабо. Ему говорят, что в «Центре» не забывают Дона, издают приказы, но... все эти безобразия все-таки продолжаются, несмотря ни на какие приказы. Верный себе, Миронов из глубины души кричит: «так нельзя дальше жить, помогите, сделайте что-нибудь для облегчения...», но его, верного сына Советской России, гонят с фронта, говорят ему: «Иди в тыл, сиди в Саранске на тыловой работе».

Миронов не видел в этом поручении почетной ссылки, он еще верил.., что ему дадут возможность еще раз помочь Красной Армии своим опытом и знанием Дона. Его сердце — сердце старого опытного бойца не могло быть спокойно, когда он видел, что положение на фронте опасно, что корпус его задерживается в тылу, он пошел на фронт больной, непонятый... он шел на фронт сражаться.

Какую же можно приписать Миронову борьбу с Советской властью, когда с самого возникновения Советской власти, он защищает ее и борется за нее? Достаточно только прочитать его печатные произведения, и можно убедиться, что он все время говорит: «любовно надо подходить к проведению Советской власти на местах, нужно подходить постепенно, не надо излишеств, крайностей и безобразий, и Дон, воспитанный самодержавием Дон, поймет Советскую власть и станет верным сыном Советской России». Вот причина всего этого дела и не нужно искать здесь каких-то заговоров и скрытых поступков...

Нужно признать, что это движение, руководимое Мироновым, вызвано действительно исторической обстановкой на Дону, действительно тяжелыми событиями и безобразиями, творимыми на Дону. Из истории мы знаем, как лучшие сердца не могли молчать, видя вопиющие несправедливости в своей стране. Мы знаем, как наш великий мыслитель Толстой закричал: «Я не в силах больше молчать!», так и Миронов, будучи не в состоянии равнодушно смотреть на безобразия, чинимые на Дону, закричал от всего сердца и его услыхали... Миронов закричал, и крик его побудил к излечению одной из язв Советской России. Мы знаем, что за последнее время политика Советской власти изменилась по отношению к казачеству. В этом его заслуга, и за эту заслугу его можно помиловать. И я, как защитник людей, прошу Вашего великого снисхождения, прошу Вас сердцем взвесить все обстоятельства этого процесса, вдуматься и тогда уже вынести свое решение».

Речь Миронова (выдержки).

«Граждане судьи, когда я очутился в камере № 19, я занес свои впечатления в первые минуты моего пребывания в камере, занес их на клочке бумаги, который останется после меня. Дико в первую минуту в этом каменном мешке, и, когда захлопнулась дверь, сразу как будто и не понимаешь, в чем дело. Вся моя жизнь отдана революции, а она посадила тебя в эту тюрьму, всю жизнь боролся за свободу, и в результате ты лишен этой свободы...

...есть люди, лишенные научных знаний, ищущие и стремящиеся к справедливости чувством, сердцем, социалисты-эмпирики, таким как раз являюсь и я, и в этом мое несчастье...

Я прошу Вас об испытании, дайте мне возможность остаться на позиции революционного борца и доказать, что я могу защищать Советскую власть».

Чрезвычайный трибунал постановил:

Миронова, Булаткина, Матвеенко, Фомина, Праздникова, Данилова, Изварина, Федосова, Дронова, Корнеева, Григорьева — подвергнуть высшей мере наказания — расстрелу;

Приговорить к 10 годам тюремного заключения — 4 человека;

Приговорить к 5 годам тюремного заключения — 55 человек;

Отправить в рабоче-дисциплинарный батальон сроком на 3 года — 220 красноармейцев 1-го кавполка;

Отправить на Архангельский участок Северного фронта для службы в строю — 190 красноармейцев.

7 октября 1919 года.

Семьдесят два часа отводилось на утверждение приговора трибуналом Республики.

Но, как это ни парадоксально, главный постановщик разыгранного фарса — Троцкий уже в день вынесения приговора делает неожиданный маневр.

Шифрованная телеграмма 7 октября 1919 г.

БАЛАШОВ, СМИЛГЕ.
ОТВЕТ О МИРОНОВСКОМ ПРОЦЕССЕ НАВОДИТ НА МЫСЛЬ, ЧТО ДЕЛО ИДЕТ К МЯГКОМУ ПРИГОВОРУ. ВВИДУ ПОВЕДЕНИЯ МИРОНОВА ПОЛАГАЮ, ЧТО ТАКОЕ РЕШЕНИЕ БЫЛО БЫ, ПОЖАЛУЙ, ЦЕЛЕСООБРАЗНО. МЕДЛИТЕЛЬНОСТЬ НАШЕГО НАСТУПЛЕНИЯ НА ДОН ТРЕБУЕТ УСИЛЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КАЗАЧЕСТВО В ЦЕЛЯХ ЕГО РАСКОЛА.
ДЛЯ ЭТОЙ МИССИИ МОЖНО, МОЖЕТ БЫТЬ, ИСПОЛЬЗОВАТЬ МИРОНОВА, ВЫЗВАВ ЕГО В МОСКВУ (ПОСЛЕ ПРИГОВОРА) И ПОМИЛОВАВ ЧЕРЕЗ ЦИК — ПРИ ЕГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ НАПРАВИТЬСЯ В ТЫЛ И ПОДНЯТЬ ТАМ ВОССТАНИЕ.
СООБЩИТЕ ВАШИ СООБРАЖЕНИЯ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ.
ПРЕДРЕВВОЕНСОВЕТА ТРОЦКИЙ».

Исполнение приговора о расстреле было приостановлено. 23 октября 1919 года на заседании Политбюро ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина все обвиняемые по процессу были освобождены от всех наказаний, также было принято решение о введении Миронова в состав Донского Исполкома.

Доверие, оказанное Советским государством, Миронов с честью оправдал. В сентябре 1920 года его назначают командующим Второй Конной Армии, которая активно участвует в разгроме войск Врангеля. За проявленный полководческий талант и героизм Ф. К. Миронов 25 ноября 1920 года награждается высшей боевой наградой того времени Почетным революционным оружием — шашкой с вызолоченным эфесом и наложенным на него орденом Красного Знамени. В феврале 1921 года он едет в Москву, к месту нового назначения — Главным инспектором кавалерии РСФСР.

По дороге Миронов заехал в родную станицу Усть-Медведицкую, где по ложному доносу 13 февраля 1921 года был арестован Дончека и под конвоем отправлен в Москву, в Бутырскую тюрьму. 2 апреля во время прогулки во дворе тюрьмы он был застрелен часовым с вышки.

Силы, которым правдолюбец Миронов давно мешал, расправились с ним.

«Все несчастье моей жизни заключается в том, что для меня — когда нужно сказать чистую правду — не существует ни генерала царской армии, ни генерала Красной Армии... Правда, являясь двигателем лучших возвышенных сторон человеческой души, должна чутко оберегаться от захватывания ее грязными руками. Она в своем голом виде тяжела, и кто с ней подружится — завидовать такому человеку не рекомендуется».

В 1960 году решением Военной Комиссии Верховного Суда СССР Ф. К. Миронов был реабилитирован за отсутствием состава преступления и посмертно восстановлен в Коммунистической партии.

В публикации использованы фотодокументы Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР

ПИСЬМА ИЗ АРМИИ

Воинская служба... Какой ей быть сегодня, завтра? В редакцию все больше и больше приходит писем, авторы которых поднимают вопросы перестройки, демократии, гласности в армии, предстоящего сокращения. И это понятно, ибо деформации в общественной жизни страны в течение десятилетий не могли не коснуться наших Вооруженных Сил.

Сегодня мы печатаем некоторые из писем.

Пора понять, что истоки казарменного хулиганства самым тесным образом связаны с нашими экономическими просчетами, с пороками в социальной сфере, в оплате воинского труда всех категорий военнослужащих и другими факторами, о которых не так давно не только говорить и писать, даже думать боялись.

Особо остановлюсь на ныне действующей системе подготовки сержантского состава, которая, на мой взгляд, себя изжила. Откроем Устав внутренней службы и посмотрим на обязанности командира отделения. Так вот, возможно ли ему со столь коротким сроком подготовки обучать и воспитывать, отвечать за политико-моральное состояние, воинскую дисциплину? Порой не каждый лейтенант, выпускник высшего военного училища, овладевает этой наукой. Поэтому имеет смысл увеличить срок подготовки сержантского состава, соответственно увеличив и продолжительность нахождения на действительной воинской службе. Ввести для него различные льготы: предоставить гарантированный ежегодный отпуск, ввести отличия в форме одежды, увеличить денежное содержание и т. д. Изменится методика подготовки сержантов — станет более профессиональным уровень армии.

Преобразований требует и порядок прохождения воинской службы военнослужащими срочной службы. Посудите сами. От солдата командиры и начальники всех степеней постоянно требуют добросовестного отношения к своим служебным обязанностям, поддержания крепкой воинской дисциплины, качественного овладения профессией и т. д. Несмотря на то, что эти требования из года в год возрастают, положение дел к лучшему не меняется. Видимо, чтобы много от людей требовать, взамен им надо много давать. Что же мы, командиры, даем взамен? Да практически и дать нечего. Никого уже не удивишь благодарностью или увольнением, хотя моральные стимулы со счета сбрасывать нельзя. А ведь есть такие гарнизоны, где в увольнение сходить просто некуда. Может быть, есть смысл в том, чтобы увеличить денежное содержание военнослужащим срочной службы до определенных размеров. При наличии системы штрафов увеличение денежного содержания даст ощутимый эффект, ликвидирует уравниловку в оплате за ратный труд.

Без настойчивых поисков, отказа от отживших форм и методов работы, без внедрения нового, положительного решить вопрос с воинской дисциплиной нельзя. Может быть, нужно компетентным органам начать сбор предложений по этой проблеме, создать своеобразный «банк» идей, провести эксперименты в нескольких частях. Наконец, обратиться к опыту армий братских социалистических и других стран.

Капитан В. ВОЛКОВ
Киров

Знаете ли вы, что офицеры бывают «белые» и «черные»? «Белые» — это работники штабов и управлений, они не имеют в подчинении солдат, приходят на работу к 9.00, обедают с 13 до 14 и в 18.30, а самые радивые в 19.00 уходят домой. «Черные» же — это офицеры войскового звена, те самые, которых ругают за «неуставные отношения» офицеры «белые». Эти приходят на работу к 7.00 или 7.30, а то и в 6.00. Они не завтракают, они не ходят на обед и на службе до девяти вечера. Если вы думаете, что им за это дают отгулы, то глубоко заблуждаетесь. А в субботу у них хозяйственный день или учебный, такой же, как в воскресенье, плюс наряды. И не надо ссылаться на приказы об упорядочении рабочего дня офицеров и прапорщиков: «белые» офицеры их прячут от «черных».

Хочется задать несколько вопросов. Имеет ли офицер право: сходить раз в неделю в кино, театр, библиотеку, в баню? Постоять в очереди за мандаринами? Заняться спортом? Иметь свою дачу? Встретить жену с работы? Погулять с ребенком? Ответ: не имеет, так как у него нет и не может быть свободного времени.

Сидя в Москве, где под боком буфет с сосисками, легче всего сказать — выдумка все сказанное, ложь, очернительство. Пусть высокое начальство пришлет своих сыновей служить к нам, на Дальний Восток, в военно-строительные отряды, вот тогда и не будет разговоров о клевете на наши Вооруженные Силы.

Капитан НЕВМЕРЖИЦКИЙ
Хабаровск

Скоро наше танковое соединение подлежит расформированию. Так вот, вместо того, чтобы за оставшееся время проверить всю технику, обслужить ее, поставить на хранение и подготовить к передаче, вдруг внезапно «запланировали» массовые учения. Сколько людей отозвано из народного хозяйства, и не на один день! Я задавал вопрос своему командованию: кому это нужно? Это же вредительство! По самым скромным подсчетам, ущерб от учений будет исчисляться в миллионах рублей. Ответ был таков: на эти учения приглашены иностранные наблюдатели, и учения никто не отменит. Неужели мы такие богатые? Неужели в наших высших штабах нет ни одного государственного человека, который взял бы на себя смелость отменить это бестолковое решение, наблюдателям сообщить об отмене из-за сокращения Вооруженных Сил? Да и что мы можем показать американцам? Не государственный это подход...

И еще. Меня лично возмущает тот факт, что ежегодно проводятся сборы по подготовке офицеров запаса. Могу на любом уровне доказать, что все это липа и фикция. Части не располагают ни учебно-материальной базой для их обучения, ни помещениями, ни толковыми руководителями занятий. Обычно это происходит так: человек 70, а то и больше, заводят в казарму, рассаживают на табуретках, и некто в чине лейтенанта читает им лекцию. Потом от нечего делать они отпрашиваются и — свободны. Ну разве не фикция?

А почему не организовать специальные учебные центры для их подготовки? Есть хороший пример — это курсы «Выстрел» или курсы при академиях. Там действительно дают знания.

И последнее. Когда у нашего командования пропадет любовь к различного вида сборам офицеров — от командиров полков и выше? Я девять лет в должности начальника инженерной службы дивизии и заявляю с партийной ответственностью — ни одни сборы пользы мне не дали. На подготовку к сборам наше соединение ежегодно затрачивает около двух месяцев. И каждый раз одно и то же, показ развода караула и суточного наряда, порядка в казармах, расположения частей в лесу и т. д.

Мне 44 года, я отслужил 25,5 лет, подполковник с 1981 года, и кому, как не мне, знать армейские проблемы изнутри. В стране идет перестройка, и мне больно оттого, что наши генералы не привыкли считать государственные деньги.

Подполковник
В. МЕДВЕДЕВ

Почему мнение армейских масс меньше всего учитывается при принятии различных законодательных и иных руководящих документов, касающихся Вооруженных Сил?

Не секрет, что уже находится на утверждении новое Положение о политорганах, инструкции организациям КПСС и организациям ВЛКСМ в армии и на флоте. Наконец, уже подготовлены проекты новых общевоинских уставов. Документы очень серьезные для военных людей, но их подготовка почему-то велась в обстановке почти полной секретности. Мало кто мог, например, ознакомиться с проектами общевоинских уставов и тем более с проектами других документов. А ведь подготовку этих важнейших документов можно было бы провести гласно, в духе демократии. Почему ни один из этих документов не публиковался и соответственно не обсуждался в печати (хотя бы в военной), на партийных и комсомольских собраниях в армейских организациях? Возможно, появились бы серьезные изменения и дополнения. Видимо, так проще: рассмотреть в узком руководящем кругу и утвердить. Мол, вот вам — исполняйте! Что ж, исполнять мы, конечно, будем. Только этот пример еще раз подтвердил, что армии перестройка пока не коснулась.

Или взять гласность в военной жизни. Ее нет в окружных и многотиражных военных газетах. В рамках военной цензуры мы буквально задыхаемся. Об элементарных вещах писать запрещено. А потому в наших газетах серость и однообразие. Неужели непреодолим военный ведомственный барьер?

Могу ли я судить о поднятых вопросах, разбираюсь ли в них? Наверное, могу. Правда, вдруг упрекнут: молод еще. Но так ли уж молод? Судите сами: в армии — более 10 лет, в партии — почти 8 лет. Избирался секретарем комитета ВЛКСМ части, секретарем партийной организации на правах цеховой. С печатью сотрудничаю почти 13 лет.

И еще: после этого письма (если оно вдруг будет опубликовано) меня тоже постараются «съесть», как это успешно сделали уже два года тому назад. Гласность и перестройка пока еще очень мешают тем, кому удобнее было без них в недалеком прошлом. Правда, на словах они сегодня идут в авангарде перестройки.

Капитан С. СТУЛОВ,
член Союза журналистов СССР
Северная группа войск

Как идет перестройка в Вооруженных Силах? Идет ли она вообще? Что волнует армейскую общественность? Наверное, было немало людей, которые хотя бы частично надеялись получить ответы на эти вопросы во время просмотра телепередачи, посвященной проблемам перестройки в Вооруженных Силах СССР.

Ведь армия в силу своей специфики, прежде всего строгого иерархического устройства, господствующей здесь системы всеобщей подчиненности, пожалуй, как никакая другая государственная структура, подверглась в прошедшие десятилетия эрозии и деформациям. И если общество от этой эрозии и деформаций уже начало избавляться, то в Вооруженных Силах дальше слов дело пока мало движется. Хорошо хоть из этой передачи узнали, что уже, оказывается, подготовлены несколько проектов новых законов о переустройстве армии. Об этих проектах, видимо, и надо было рассказать подробнее участникам «круглого стола» вместо того, чтобы утверждать, например, что офицер имеет такие же права, как и любой советский человек. У меня лично тут сразу возникает вопрос: а как быть с конституционным правом на выбор профессии, рода занятий? Почему человек на заре туманной юности, однажды выбравший профессию офицера, в дальнейшем не может ее сменить по собственному желанию аж до самой пенсии? Разве это не ущемление в правах?

Сейчас ходят разговоры, что офицерам будет разрешено увольняться в запас спустя десять лет после выпуска из военного училища. Не многовато ли? Помоему, трех, максимум пяти лет вполне достаточно для того, чтобы разобраться, то ли дело он для себя выбрал, а заодно и возместить государству расходы, которые оно затратило на его обучение. А за десять лет работы не по призванию, а по принуждению можно и деградировать. Какая же обществу польза от морально сломленного, утратившего чувство перспективы человека? В то же время, предусматривая для офицеров возможность увольнения в запас по собственному желанию, надо обязательно закрепить за ними право восстановления на воинской службе. Нельзя, как говорится, бросаться из одной крайности в другую. А пока офицеры будут находиться на положении крепостных, не произойдет изменений и в солдатской службе, да и вообще на какие-либо серьезные перемены в армии в этом случае рассчитывать трудно.

Закрепление за офицерами права на увольнение из Вооруженных Сил, кроме всего прочего, увеличит приток желающих поступить в военно-учебные заведения, укрепит кадровый состав офицерского корпуса. Ведь не секрет, что многие молодые люди не решаются связывать свою жизнь с армией, потому что знают, что это — навсегда. Понимают ли это те должностные лица, которые противятся серьезным изменениям в положении о прохождении офицерской службы?

Капитан В. ДРАГУН
Чита

ПУБЛИЧНОЕ ТРЕБОВАНИЕ ЗАГНАТЬ В РЕЗЕРВАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА РОССИИ, КАК НИ СТРАННО, ПРОЗВУЧАЛО ИЗ УСТ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ ВЛАДИМИРА ЛИЧУТИНА НА ДОСТОПАМЯТНОМ ПЛЕНУМЕ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР В ДЕКАБРЕ ПРОШЛОГО ГОДА.

Фото Бориса ДАВЫДОВА

БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ?

Юрий РЫТХЭУ

Еще совсем недавно у нас такой вопрос не стоял, во всяком случае, по отношению к малым народам Советского Севера.

Если отбросить в сторону немногочисленные восторги от мимолетных посещений рекламных индейских поселений в Соединенных Штатах Америки, то существование резерваций, ограниченных, изолированных поселений, где чаще всего царят бедность, невежество, антисанитария и алкоголизм, даже самими официальными представителями правительства США открыто признается национальным позором. Слухи о процветании индейских поселений, якобы владеющих нефтяными богатствами, ценными рудными залежами,— сказки для непосвященных. Да, среди индейцев Америки есть немало людей, достигших и материальных и общественных успехов. Вот только почему-то они предпочитают жить отнюдь не в резервациях.

Правда, нечто похожее у нас уже происходит. Нефтяники, горняки, гидростроители и другие «покорители» все более оттесняют коренных жителей Севера в неудобья, лишают оленьих пастбищ, охотничьих угодий, уничтожают рыбу, зверя — все то, что является жизненной основой человека Севера.

Русское освоение приполярных районов началось еще на заре российской государственности. В начале семнадцатого века отважные землепроходцы уже осваивали путь «встречь солнцу», добираясь до самых дальних окраин, основывая постоянные поселения. Существуют догадки о продвижении казачьих отрядов и промышленников на Восток задолго до зафиксированных историками путешествий Семена Дежнева и Федота Алексеева.

Наивно было бы полагать, что встречи местных жителей с русскими заканчивались дружеским выкуриванием трубки мира и долгим чаепитием с умиротворенной беседой. Коренные обитатели полуночных просторов с естественной настороженностью относились к людям, вооруженным огнестрельным оружием, точно так же, как новопришельцы считали далеко не ровней себе закутанных в меха дикарей, исполнявших непонятные обычаи, говоривших на непонятном языке и не желавших добровольно отдавать пушнину и моржовые бивни совершенно непонятному, страшно далекому российскому царю. Обычно такие встречи заканчивались большим кровопролитием, и победа, естественно, оставалась за теми, кто был хорошо вооружен. Но и сопротивление было довольно ощутимым, иначе чем объяснить появление сенатского указа, в котором совершенно недвусмысленно предписывалось «...оных немирных чукч военною оружейною рукою наступить и искоренить вовсе...» (Сенатский указ от 3 февраля 1742 года).

Так что предложение В. Личутина по сравнению с этим указом вполне можно посчитать за более гуманное решение сегодняшнего тяжелого положения народов Советского Севера.

С другой стороны, было бы грубейшей ошибкой идеализировать жизнь охотничьих и кочевых народов Севера России в дореволюционное время. Если отдаленные, изолированные огромными расстояниями, непроходимой тундрой и тайгой коренные северяне продолжали образ жизни, быть может, сложившийся еще задолго до времен египетских фараонов, то те, кто столкнулся с так называемым белым человеком, начали быстро деградировать как в нравственном, так и в экономическом плане.

Достаточно сказать, что число постоянных поселений на побережье Чукотского полуострова к началу двадцатого столетия сократилось более чем на две трети.

И было бы еще меньше, если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция.

В первые годы установления Советской власти энтузиазм первых посланцев партии и новой власти на Крайний Север привлек местных жителей искренностью и подлинным дружелюбием. Так уж случилось, и это, на мой взгляд, прекрасно, что молодые посланцы новой жизни в подавляющем большинстве были русскими. Даже если среди них и попадались люди других национальностей, они для коренных северян тоже были русскими.

Были построены первые культбазы и первые школы.

Почему-то даже тогда не возникла идея устройства резерваций для советских северян, хотя известные полярные исследователи и путешественники Нансен и Амундсен (зимовавший в начале 20-х годов у берегов Чукотки) видели единственный путь спасения северян в их полной изоляции от контактов с цивилизацией.

Ленинская же идея культурного подъема окраинных народов предполагала прежде всего решение экономических и культурных вопросов на основе подлинного равноправия и активнейшего участия в политической жизни самих национальных меньшинств.

А ведь жизнь в резервациях предполагает полное неучастие его жителей в общегосударственных делах, ограничение гражданских прав, занятие лишь делами общины, племени.

Другое дело, что и во времена культа личности, и во время непродуманных социальных и экономических экспериментов, в годы застоя и сплошной алкоголизации народов Севера многие благие намерения и даже начинания первых лет Советской власти остались лишь на лозунгах, в диссертациях и юбилейных статьях. На самом же деле уже в конце пятидесятых годов началось свертывание издания учебников и другой литературы на родных языках северян. Первую книгу и первые стихи я еще писал на чукотском, но буквально через год-два в селе Ново-Чаплино тамошний учитель, директор школы, сжег эскимосские учебники и сборники стихов Юрия Анко, как мешающие успешному продвижению вперед, к светлому будущему. На фоне того, что происходило, быть может, резервация в ту пору была бы лучшим выходом, скажем, для науканских эскимосов, которых поначалу переселили в чукотское селение Нунямо, а потом уже оттуда разбросали по другим населенным пунктам, уничтожив уникальное племя арктического народа, живой мост между древними культурами Восточного и Западного полушарий, Старого и Нового Света.

Затем колхозы преобразовали в совхозы, посулив людям ежемесячную зарплату. Живые деньги два раза в месяц были большим соблазном для пьющих (а в те годы пили все неограниченно). Это тебе не жалкие колхозные нерегулярные подачки!

Вскоре новоявленные «рабочие» совхозов обнаружили, что деньги очень часто платят за то, что ничего не делаешь! Да кто же от этого откажется?

Развращение и отучение людей от самоответственности принимало всеобщий размах. Даже благое дело государственного обеспечения учащихся потом обернулось отлучением родителей от естественных обязанностей по отношению к своим детям. Однажды я прилетел в родной Уэлен и пришел в гости к своему однокласснику. За вечерней трапезой он посетовал на то, что вот я приехал в неудачное время: не ко времени в интернате затеяли ремонт, и дети находились дома... Ему мешали собственные дети!

Нельзя сказать, что в те трудные времена ничего не предпринималось для улучшения жизни северян. Но как ни пытались украсить весьма унылые цифры так называемого «небывалого процветания» кочевников и морских охотников, оленье поголовье неуклонно

Фото Александра КУЗНЕЦОВА

снижалось, свертывался морской зверобойный промысел. Физическое состояние коренных северян, еще недавно отличавшихся завидным здоровьем, подточенное непрекращающимся пьянством, легко поддавалось на всякого рода инфекции. Несколько раз сообщали о полной победе над туберкулезом, однако действительное положение до сих пор остается тревожным: число тубдиспансеров отнюдь не уменьшается, равно как и число так называемых вспомогательных школ, проще — школ для детей алкоголиков, родившихся с нарушениями умственных способностей и психики.

Многочисленные правительственные и научные учреждения, как это у нас было принято, прежде всего собирали разного рода совещания, симпозиумы, пленумы, семинары, издавали постановления, решения, инструкции, остававшиеся большей частью на бумаге или же хитроумно использованные бюрократическим аппаратом для укрепления собственного благополучия.

Административные центры Чукотского автономного округа отличаются более высоким уровнем благоустройства, снабжения, обеспечения жильем по сравнению с находящимися тут же рядом национальными селами. Дело дошло до того, что буквально сотни семей коренных жителей Севера даже официальная статистика признает не имеющими никакого жилья.

Помню, позапрошлым летом в Москве напротив американского посольства устроил демонстрацию гражданин США Маури, протестовавший против положения бездомных в своей стране. Жители столицы, гости и просто прохожие активно сочувствовали веселому бездомному американцу. А ведь рядом с ним могли бы встать сотни и сотни северян, благо Совет Министров России с его отделом народов Крайнего Севера, обязанный давным-давно решить эту проблему, совсем недалеко отсюда, как раз напротив нового здания американского посольства.

В заброшенные национальные села, объявленные бесперспективными, не всякий специалист хочет ехать, и поэтому туда устремляются зачастую проходимцы и непонятные личности. Как-то мне довелось побывать в старинном чукотском селении Энмелен вместе с секретарем Провиденского райкома КПСС. В один из дней он собрал так называемых руководителей местных учреждений. Ну какие в маленьком селении учреждения? Это школа, интернат, почта, детский комбинат, амбулатория, склад, магазин, котельная, отделение совхоза... Так вот, все эти люди оказались приезжими! У большинства из них, несмотря на клятвенные заверения в любви к местному населению, был один главный интерес — деньги. Даже должность кочегара местной котельной была занята приезжим человеком, кстати, с дипломом о высшем образовании. Он с улыбкой признался мне, что получает на этой должности куда больше доцента родного института в приволжском городе.

До недавнего времени проблемами народов Севера занимались чиновники, вообще плохо представляющие, что такое Север. Так, в отделе народов Крайнего Севера при Совете Министров РСФСР доживали до пенсионного возраста люди из окружения печально знаменитого в свое время первого секретаря Рязанского обкома КПСС Ларионова, не стеснялись носить Золотые Звезды Героев Социалистического Труда, полученные за грандиозный обман родного государства, вошедший в историю нашей страны как «рязанское дело».

Вообще «заботников» о северянах хватает. Кроме упомянутого отдела в Совете Министров РСФСР, был отдел в республиканском агропроме, есть целое научное подразделение в Новосибирском академгородке, есть отделы народов Севера во многих облисполкомах и крайкомах... Это только учреждения, которые мне известны и с которыми мне доводилось лично встречаться.

Истинное положение северян, в прошлом окутанное розовым туманом пропаганды, только сейчас начинает проясняться.

Я рад, что мои земляки по Северу — эвенк Алитет Немтушкин, ненец Василий Ледков, долганка Огдо Аксенова, чукчанка Антонина Кымытваль, манси Юван Шесталов, хант Еремей Айпин и другие — сегодня свободно и открыто говорят о трагическом положении своих земляков. К ним присоединяет свой убедительный голос и уроженец далекого южного острова Сахалин нивх Владимир Санги. А ведь еще совсем недавно мы часто служили рупором, мягко говоря, не совсем достоверных сведений о якобы небывалом расцвете наших народов.

Хотя были и в тяжкие времена люди, которые не молчали.

Я знаю, к примеру, доктора Александра Вольфсона и ученого-этнографа и писателя Владилена Леонтьева.

Доктора Вольфсона я впервые встретил более трех десятков лет назад в чукотском селении Лорино, где он работал участковым врачом. Молодой выпускник Львовского медицинского института горячо взялся за лечение туберкулезных больных, изобретал собственные методики, организовывал передвижные медицинские отряды. Вскоре его узнали вся чукотская тундра, оленеводы самых отдаленных стойбищ. Он сочетал научную работу с практической врачебной деятельностью. От него я впервые узнал о существовании такой науки, как медицинская статистика. Доктор Вольфсон собрал поразительные данные, которые коренным образом расходились с официальными благополучными цифрами о состоянии здоровья народов Чукотки. Отчетливо прослеживалась связь многих заболеваний, смертельных исходов, фактов самоубийства со все возрастающим алкоголизмом, с ухудшением социального климата на Чукотке, недостатком и низким уровнем обеспечения жильем чукчей и эскимосов. Эти страшные цифры были немедленно засекречены, скрыты от внимания широкой общественности. Вместо них «политики» от медицины продолжали фабриковать иные данные, создавая более благополучную картину.

В начале шестидесятых годов Владилен Леонтьев совершил несколько научных экспедиций в самые глубинные уголки Чукотки и столкнулся с таким бедственным положением местного коренного населения, что, будучи человеком честным и принципиальным, написал специальную докладную записку в так называемые «инстанции», понимая, что в печати ему не дадут сказать об этом ни слова. В результате Владилен Леонтьев был объявлен «чукотским националистом», а тогдашний заместитель председателя Магаданского облисполкома Аристова пригрозила ему «поговорить в соответствующем месте», если он будет разглашать эти печальные сведения.

Итак: один еврей, а другой русский были объявлены «чукотскими националистами», и местные органы КГБ заинтересовались ими. Сын дальневосточного партизана, Владилен Леонтьев приехал с родителями в наше село Уэлен в конце тридцатых годов и сел за парту в первом классе рядом со мной. Нас учил первый чукотский учитель Иван Иванович Татро, естественно, на чукотском языке. Ни у Владилена, ни у его отца и в мыслях не было относиться к нам свысока. Мы росли вместе: он нас учил русскому, мы его — чукотскому. После окончания Ленинградского педагогического института имени Герцена Владилен работал директором школы в нашем родном селе Уэлен, переводил книги на чукотский язык. Он знал нашу речь нисколько не хуже, чем свой родной русский, написал множество прекрасных исследований по лингвистике и этнографии коренных народов Чукотки. Его перу принадлежат и прекрасные произведения художественной прозы о жизни ставшего ему родным народа. Его преждевременная смерть в прошлом году заметно обеднила культурный потенциал чукотского народа.

Я привел в пример жизнь и деяния этих двух людей, чтобы показать отношение подлинно культурного, цивилизованного человека к малым народам, к так называемым нацменьшинствам.

Ни Вольфсон, ни Леонтьев и подумать не могли, чтобы оградить резервациями чукчей, эскимосов, эвенков, коряков — всех тех, с кем они десятилетиями жили бок о бок.

Но они активно боролись против бездумной эксплуатации природных богатств Севера, загрязнения нерестовых рек, прибрежных галечных пляжей, служащих моржовыми лежбищами, против глупых социальных и экономических экспериментов, защищали интересы местного населения во времена бездумного повсеместного строительства шахт, рудников, бурения скважин, предупреждали об изменениях традиционного уклада коренных северян из-за нашествия пришлого населения.

Кстати, идея резерваций нет-нет да и возникала и раньше. Но это было результатом отчаяния администраторов, не находящих решения все умножающихся проблем и сложностей в жизни национальных меньшинств на Севере. Но в равной степени возникали и проекты полного растворения коренных жителей Севера среди пришлого населения, вплоть до отмены родного языка, традиционных занятий, образа жизни, культурной самобытности. И для этого делалось не так уж мало. Как я уже говорил, в конце пятидесятых и в шестидесятых сокращалось преподавание родного языка в школах, и сегодня даже в национальном педагогическом училище в Анадыре подавляющее большинство учащихся не знает родного языка. Уже ближе к сегодняшним дням чукотско-эскимосское селение Нунямо было полностью переселено в районный центр, в поселок Лаврентия, где бывшие китобои, морские охотники стали уборщиками многочисленных конторских учреждений райцентра, грузчиками, истопниками, придав совершенно определенный национальный колорит сложившейся в северных административных центрах прослойке местных люмпенов и бичей. Такие примеры можно бесконечно продолжать.

Как же быть дальше? Как жить? И можно ли выжить малым народам, если и дальше положение будет усугубляться?

Настало время отвечать на эти вопросы. Заговорили об этом в полный голос и сами северяне.

Да, наверное, можно уйти и в резервации...

Но как тогда быть со всей совместно прожитой нелегкой историей нашего государства, в которой северяне отнюдь не были сторонними наблюдателями?

Как быть с сотнями семей коренных русских северян, ставших постоянными жителями Севера уже даже не во втором и даже не в третьем поколении?

Как быть, наконец, со смешанными семьями, которых не так мало, как кажется на первый взгляд?

Условия гласности даже в краю традиционного белого безмолвия позволяют нам сказать громко о том, что и малые народы с равными правами со всеми другими народами Советского Союза хотят принять активное участие в строительстве подлинного социализма, который дает равный шанс всем людям и каждому отдельному человеку, независимо от его национальной принадлежности.

Да, я решительно против резерваций! Еще и потому, что, как известно, Гитлер в своих планах устройства России после победы фашизма планировал создание именно резерваций для русского народа, где и планировал постепенное уничтожение русских.

Нет, для меня и само понятие «резервация», и призывы к внедрению такого рода учреждений для решения национального вопроса в нашей стране слишком явно окрашены определенным зловещим отблеском.

Академик
Станислав ШАТАЛИН

ЕЖЕДНЕВНО, СЛОВНО ПО МАНОВЕНИЮ ВОЛШЕБНОЙ ПАЛОЧКИ, ДЕФИЦИТНЫМИ СТАНОВЯТСЯ ТОВАРЫ, КОТОРЫЕ ЕЩЕ ВЧЕРА БЫЛИ В ИЗБЫТКЕ. НЕЧЕМ БРИТЬСЯ, НЕЧЕМ МЫТЬСЯ, НЕЧЕМ ЧИСТИТЬ ЗУБЫ, НЕЧЕМ... НИЧЕГО — БЫВАЛО И ПОХУЖЕ.

КАК ПЕРЕПРЫГНУТЬ ПРОПАСТЬ?

Фото Марка ШТЕЙНБОКА и Пеэтера ЛАНГОВИЦА

«Хороший» 1988 год обострил ситуацию: неудовлетворенный спрос населения, по оценкам ряда экономистов, превышает 70 млрд. рублей при общем объеме товарооборота 365,7 млрд. рублей, колхозной торговли около 10 млрд. рублей, платных услуг 61,8 млрд. руб., фонда оплаты по труду около 330 млрд. руб. *, пенсий, пособий и стипендий 69,6 млрд. рублей, в 1987 году, денежных сбережений населения около 350 млрд. рублей, продукции теневой экономики более 20 млрд. рублей. Примерно 4 млрд. рублей составила продукция кооперативов.

Антиалкогольная кампания, проведенная крайне топорно, изъяла из магазинов сахар, переложила миллиарды рублей денег из кармана государства в карманы самогонщика (ничего страшного, деньги-то государственные, а значит, ничейные), государственный бюджет «незаметно» стал дефицитным. Соблазн жить не по средствам, как ржа, разъедает все общество.

* Сюда не входит зарплата некоторых категорий рабочих и служащих.

Так в чем же дело? Излечима ли эта болезнь вообще? Прошло время, когда, отвечая на подобные вопросы, можно было просто мимикрировать, прикидываться этаким бодрячком-оптимистом, для которого вера, если он вообще во что-то верит, выше истины и правды. А если говорить правду, профессионально искать истину, нужно оговорить и все условия, при которых начинает функционировать нормальный потребительский рынок. Но требуется доказать, что условия эти достижимы. Практика — лучший критерий истины.

АРИТМИЯ СТАТИСТИКИ

Казалось бы, что оптимизм можно получить из данных Госкомстата СССР: в 1988 году валовой национальный продукт СССР вырос по сравнению с 1987-м на 5 процентов, а произведенный национальный доход — на 4,4 процента, розничный товарооборот — на 5,4 процента.

Но я не очень доверяю данным Госкомстата СССР. Причины? О них говорит его председатель М. Королев. «Вместе с тем у нас не нашли должного (?) применения такие показатели, как индексы цен на потребительские товары и услуги, индексы стоимости жизни, покупательной способности рубля, дефляторы, которые широко используются в статистике ряда стран». Почему же я должен верить, что все макроэкономические показатели, прежде всего об уровне жизни населения, рассчитаны в неизменных ценах, что делается «в статистике ряда стран»? Как я могу поверить тому, что в нашей полуголодной стране объем продукции сельского хозяйства в 1986-м составлял 86 процентов от США, а национального дохода в 1986-м 64 процента!

До чего же мы дожили, если председатель Госкомстата СССР в своей критике альтернативных оценок темпов роста советской экономики ссылается на данные... ЦРУ США! Может, нам открыть статистические кооперативы и разрешить заниматься статистикой на основе индивидуальной трудовой деятельности? Может быть, тогда мы узна-

* «Правда», 30 января 1989 г.

ем, кто потребляет 65 килограммов мяса на душу населения? А его нигде нет. Несерьезно все это. Советский народ не заслужил такого разговора с ним. Баланс мяса стал более секретным, чем все военные тайны. Если статистика «все знает», то, казалось бы, Госкомстат СССР должен доказательно опровергнуть обескураживающие данные о потреблении в СССР и США.

Лично я не могу ни подтвердить их, ни опровергнуть.

Соглашусь только, что доля расходов на благосостояние в национальном доходе и валовом национальном продукте СССР уступает не только США, но практически всем развитым странам мира.

Сбалансированность, равновесие на потребительском рынке, что совершенно очевидно, определяется взаимодействием трех параметров: 1) объемом, качеством и ассортиментом предлагаемых товаров и услуг; 2) платежеспособным спросом населения; 3) уровнем и структурой розничных цен на товары и услуги.

В плановой экономике манипулировать первым параметром очень сложно, вторым и третьим значительно легче. Между собой второй и третий параметры конкурируют в зависимости от конкретных социально-экономических условий.

Рассмотрим все по порядку. Конечно, наиболее экономически здоровым, устойчивым способом сбалансировать потребительский рынок в СССР является ускоренный рост производства товаров и услуг, резкое повышение их качества и значительное расширение ассортимента. Но как этого добиться? В течение ряда пятилеток в советской экономике планировали более быстрый темп роста производства промышленных предметов потребления (так называемая группа «Б» промышленности) по сравнению с производством средств производства (группа «А»), но каждый раз в итоге все получалось «в точности наоборот». Крайне низкий уровень использования производственных ресурсов мы пытались компенсировать увеличением производства средств производства. А человек — ну что же, он всегда подождет и даже смирится с тем, что уровень его жизни понизится. Производство ради производства всегда было альфой и омегой нашего экономического развития, хотя и провозглашались принципиально иные лозунги.

ТРЕБУЕТСЯ КРЕСТЬЯНИН

В СССР первоочередной задачей является значительное увеличение производства продовольствия, хотя крайне острыми остаются и другие проблемы роста уровня жизни населения. Проблема полноценного питания населения будет еще долго волновать советское общество. Корни ее уходят далеко вглубь, к нашему крайне отсталому сельскому хозяйству. Громадные капитальные вложения, направленные в эту отрасль в последние 10—15 лет, фактически скрылись в «черных дырах» нашей экономики. Они, к сожалению, не дали сколь-нибудь ощутимого результата ни в увеличении сельскохозяйственной продукции, ни в развитии производственной и социальной инфраструктуры села. За 1988 год объем производства продовольствия возрос на 1,7 млрд. рублей.

Недавний Пленум ЦК КПСС сделал упор на создание принципиально иных экономических отношений в деревне, прежде всего на основе широкого развития аренды (и внутрихозяйственной, и прямой), определения принципиальной роли госзаказа, что по-новому ставит проблему собственности на средства производства... В принципе сейчас осуществляется деидеологизация экономических отношений в деревне, и это, конечно, поможет делу. К сожалению, значительно раньше произошел процесс раскрестьянивания села, и найти людей, умеющих работать на земле, любящих землю, становится все более сложным делом.

Нам приходится горько расплачиваться за свое прошлое, и надежды перепрыгнуть пропасть в два прыжка по крайней мере малообоснованны. Однако все-таки можно предположить, что, проведя последовательно комплекс радикальных мер по развитию сельского хозяйства, агропромышленного сектора в целом, СССР сможет перестать импортировать зерно, мясо и масло, а сэкономленную валюту израсходовать по крайней мере на импорт лекарств.

БЕЗ ЭПИТЕТА «ЗАГНИВАЮЩИЙ»

Но как далеко советская экономика ни продвинулась бы в увеличении объема продовольствия, одежды, обуви, доля этих товаров в объеме потребления товаров и услуг будет закономерно падать, а доля потребительского накопления, товаров длительного пользования и платных услуг — возрастать. Об этом говорит опыт изменения структуры потребления во всех развитых странах. Нет никаких объективных оснований полагать, что СССР пойдет другим путем.

Чтобы удовлетворить современный спрос населения, необходимо в кратчайшие сроки создать в нашей стране самое современное производство автомобилей и бытовой электронной техники. И здесь нам, по моему мнению, нужна помощь Запада — финансовая и техническая. Строительство ВАЗа было подлинной революцией в советской экономике и уровне жизни населения. Сейчас нужна значительно более сильная революция. Автомобилестроение и производство отечественной электроники должны соответствовать лучшим мировым образцам, иначе уже «развращенный» советский потребитель просто не станет покупать.

В условиях широкого развития арендных отношений в сельском хозяйстве требуется малогабаритная сельскохозяйственная техника, традиции производства которой в СССР просто не существует. Это, на мой взгляд, еще один вероятный канал импорта продукции из стран Запада.

По-новому стоит сейчас вопрос и о расходах на оборону и космические исследования. Эти расходы сказываются отрицательно на экономике и социальных программах даже в США, которые много богаче СССР. Для нашей страны эти расходы в буквальном смысле слова тяжелая гиря, которая висит на шее экономики и грозит потопить ее.

Было бы, однако, несправедливо не отметить тот факт, что в 1986—1988 годах ускорилось развитие социально-культурной сферы СССР. Среднегодовой ввод жилья достиг 127 миллионов квадратных метров, что на 15 процентов больше, чем в предыдущей пятилетке. Увеличились капитальные вложения в здравоохранение, образование, культуру.

Подводя краткие итоги рассуждений о расширении в СССР объема производства товаров и платных услуг как главного фактора сбалансированности потребительского рынка, вновь подчеркнем, что СССР нужна финансовая и техническая помощь развитых стран, контакты с которыми в силу объективной логики событий должны непрерывно расширяться. Какой объем кредита потребуется СССР, зависит в первую очередь от того, сколь последовательно политическое руководство страны будет осуществлять радикальную экономическую реформу и сумеет договориться с Западом о разоружении. А главное — в какой мере оно будет осуществлять повышение уровня жизни населения как самую важную цель развития нашего общества.

Несомненно, Запад считает СССР солидным партнером, вполне платежеспособным, гарантирующим ликвидность вкладываемых в СССР средств. Но и СССР должен войти в систему мирового хозяйства в костюме, сшитом опытным политическим и экономическим портным.

«БЕГ НА МЕСТЕ — ОБЩЕПРИМИРЯЮЩИЙ»

Теперь о платежеспособном спросе населения. Как известно, он определяется ростом текущих доходов и денежных сбережениями. В течение длительного времени рост денежных доходов населения обгонял рост общего объема товаров и услуг: в 1961—1965 годах это соотношение составило 49 и 39 процентов, в 1981—1985-м — 20 и 17 процентов. В 1988-м денежные доходы населения росли быстрее, чем их товарное покрытие.

Попробуем разобраться в том, почему это происходило. Как уже отмечалось, хозяйственный механизм, функционирующий в нашей экономике довольно долго, явно стимулировал экстенсивный тип экономического роста и повышения уровня жизни населения. Труд был крайне дешевым ресурсом, и спрос на него, если позволительно так высказаться, имел всепоглощающий характер. На рынке труда появились явные монопольные эффекты. Квалифицированный труд зачастую оплачивали ниже труда малоквалифицированного (добывающая промышленность, водители общественного транспорта и т. п.). Монопольное положение труда как фактора производства, социальное ограничение на необходимость обеспечения полной занятости, отсутствие стимулов к экономии всех видов производственных ресурсов привело постепенно к тому, что оплата труда зачастую потеряла какую-либо связь с его реальными результатами. Было выгодно держать лишних работников «на всякий случай». Началась подгонка заработной платы к социально приемлемому уровню, платили часто просто за присутствие на работе. Кругом процветала уравниловка, честный, высокоэффективный труд был бельмом на глазу и у руководителей предприятий, и у самих работников. Общим правилом стала мораль — поменьше и похуже работать и получше есть. Этому соответствовали социальная и политическая апатия, жизнь по принципу — сиди и не высовывайся. Скрытая безработица приобретала гигантские масштабы, мешая проявлению любой экономической инициативы. Как символ всего этого можно привести слова из песни выдающегося советского поэта, певца и актера В. Высоцкого: «бег на месте — общепримиряющий».

Для того чтобы денежные доходы населения росли на нормальной экономической основе, нужно в первую очередь создать эту основу, что, приходится надеяться, и случится, если предложенная радикальная экономическая реформа действительно станет радикальной, а не штопаньем давно изношенного костюма. Читатель может упрекнуть нас за то, что, говоря о решении многих проблем повышения уровня жизни народа, мы уповаем часто на проведение радикальной экономической реформы. Но что делать, если дилемма такова: или идти вперед, или оставаться на месте, а может быть, и идти назад.

Именно радикальная реформа советской экономики должна сделать крайне невыгодным неэффективное использование ресурсов, в том числе и трудовых, стимулировать не рост, а сокращение работников, платить только за результаты труда, способствовать, таким образом, сбалансированности, равновесию на рынке потребительских товаров и услуг. По существу, это и есть политика жесткого контроля за ростом денежных доходов населения.

ДИКТАТ ПРОИЗВОДИТЕЛЯ

Наконец, кратко о третьем параметре, обеспечивающем сбалансированность развития экономики,— об уровне и структуре розничных цен. Наверное, нет в мире страны, где бы не обсуждалась эта проблема, в которой все считают себя знатоками. В СССР она является одним из самых жгучих вопросов социально-экономического развития страны.

В своей статье в журнале «Коммунист» (1986, № 14) я призвал к компенсируемому всем слоям населения изменению (на базе повышения) структуры и уровня розничных цен одновременно с проведением денежной реформы. Эту точку зрения приняло большинство советских экономистов — и практиков, и теоретиков. Однако позже я категорически изменил свою точку зрения. И вот почему.

Во-первых, в СССР и так идет неуправляемый процесс роста розничных цен. Это выражается в повышении средней цены покупки, вымывании дешевого ассортимента продукции, повышении цены в большей степени, чем растет качество продукции, ухудшении качества многих потребительских благ без снижения цен. Инфляция достигает, по расчетам экономистов, примерно 4—5 процентов в год. Это макроэкономические данные; по отдельным товарам и социально-доходным группам населения подобная цифра ниже или выше. Скрытая инфляция больше всего ударяет по социальным слоям с твердым доходом, естественно, более других нищают пенсионеры.

Во-вторых, рост прейскурантных розничных цен автоматически поведет за собой и рост средних розничных цен, цен покупки: инфляционная спираль окажется неизбежной.

В-третьих, крайне трудно, если вообще возможно, так компенсировать всем социальным группам повышение цен, чтобы никто не остался в проигрыше. Предложения, что нужно компенсировать рост розничных цен в первую очередь низкооплачиваемым слоям населения, лишь усиливают уравнительные тенденции в экономике. Кроме того, трудно представить себе, как можно компенсировать денежные сбережения населения.

В-четвертых, рост розничных цен автоматически ведет к изменению цен на услуги, которые оказывает населению теневая экономика.

В-пятых, указание на тот факт, что сейчас на производство мяса и мясопродуктов дается большая дотация, также не имеет устрашающего экономического смысла, ибо стимулы к увеличению производства мяса и мясопродуктов вполне могут уживаться с дотациями.

Наконец, трудно предположить, что в ходе проведения реформы розничных цен государство не попытается переложить некоторые свои проблемы на плечи населения. У всех на памяти повышение (говорили, что временное) цен на продовольствие в 1962 году. Не будем говорить о таких «мелочах», как цены на кофе.

А что же все-таки делать с ростом реальных розничных цен, который до сих пор не подвластен никаким постановлениям? Главная мера здесь, конечно, самое широкое развитие товарно-денежных, рыночных отношений в потребительском секторе экономики СССР на основе роста предложения товаров и услуг. Только это может быть основой преодоления господства диктата производителя над потребителем, повышения качества товаров и услуг, постепенного снижения розничных цен на базе широкой, здоровой экономической конкуренции. Государство не устанавливает, а контролирует цены на самые важные товары потребительского сектора.

КОЕ-ЧТО О КАЧЕСТВЕ УСЛУГ

Говоря совершенно честно, мы еще не знаем, что такое социалистический рынок. Поэтому задача наладить его в СССР кажется нам похожей на изобретение вечного двигателя. Нам не хватает опытных, знающих современную практику бизнесменов, хотя наконец слово это перестало быть у нас ругательным.

Сбалансированный на здоровой экономической основе потребительский рынок СССР — необходимое, хотя и недостаточное средство ускорения экономического роста, преодоления инфляции, повышения покупательной способности рубля, борьбы со спекуляцией и коррупцией. Важно знать, кому выгодно всеми правдами и неправдами сохранить нынешние правила игры.

Давайте вспомним, что повышение уровня жизни населения — основной объективный экономический закон социализма. Но как мы обращались с этим законом?

Не лучше ситуация и с распределением доходов на основе общественных фондов потребления, которые выполняют две функции: обеспечение нетрудоспособных членов общества (пенсии, пособия, стипендии) и предоставление бесплатных или льготных благ коллективного пользования (медицинское обслуживание, образование, частично культура). В 1988 году объем ОФП составил 175 млрд. рублей. Сейчас существует большое различие в обеспечении ОФП в разрезе «город» — «деревня». Велика дифференциация по районам страны. Качество услуг, предоставляемых на основе ОФП, остается еще очень низким. Многие больницы не имеют элементарных удобств, плохо оснащены школы и вузы. Большую социальную несправедливость порождает наличие ведомственных ОФП, особенно в здравоохранении. Качество услуг в ведомственном секторе ОФП значительно выше, чем в общенародном. Ведомственный сектор создает значительные льготы и в обеспеченности жильем. Для того чтобы решить эти проблемы, нужны не только большие капитальные вложения, но и принципиальные социально-политические решения. Ликвидация ведомственности ОФП — самое дешевое экономическое решение, но оно невыгодно некоторым социальным группам. Думается, что здесь надо «и власть употребить». В СССР самое низкое из развитых стран отношение средней пенсии к средней зарплате. Уход на пенсию автоматически приводит человека к черте бедности. Поэтому в низкооплачиваемых семьях люди работают до «больше не могу». И это должно быть понято и «верхами» и «низами».

ПРОШУ СЛОВА!

Владимир ЛАКШИН

О «ЛИЧНОСТЯХ» В ПОЛЕМИКЕ

Есть в критике жанр, который в старину не одобряли и называли «личностью». Бытовало даже присловье: «Личность — значит неприличность». Считалось: если тебя интересует дело, его суть, переход на «личности», обсуждение свойств оппонента занятие сомнительное.

Между тем в последнее время некоторые издания специализировались на «личностной» полемике. Открываешь свежий номер «Нашего современника» или «Москвы» — и невольно спрашиваешь себя: кого бьют сегодня? Увы, среди нескольких имен последнее время встречаю и свое имя в нелестном контексте — и с каждым месяцем все грубее, все развязнее и ожесточеннее. Когда-то Щедрин писал об «уличной философии». Похоже, что начинает возникать и «уличная критика».

Читатели пишут мне: недоумевают, почему я молчу, будто не слышу. Напоминают, что в былые годы (годы «Нового мира» А. Т. Твардовского) я вступал в литературные поединки с опасными тогда оппонентами — М. Гусом и В. Ивановым, А. Дымщицем и Г. Бровманом. И шкура в общем-то у меня достаточно задубелая, потому что с 1962 по 1970 год, когда я много писал в «Новом мире», находилось достаточно охотников, чтобы по ней ударить: мол, вали волку на холку. Что же сейчас молчу? Нечего возразить? Робею? Или постарел, устал?

Нет, просто что-то разонравилось мне в той разновидности спора, когда ты выходишь со шпагой, готовый соблюдать все правила честного поединка, а тебя встречают с ломом или «фомкой».

Я смотрю на мастеров современных памфлетов и компроматов и думаю: жаль, сколько энергии пропадает впустую! Ее бы на исследование — полезное, дельное, несущее позитивный результат. Ведь у текущей критики, истории давней и недавней литературы — непочатый край работы. Одни авгиевы конюшни эпохи застоя — разве не требуют они расчистки? Или не заслуживает заново разбора и взвешенной оценки множество поспешно увенчанных книг? Школа уже страдает оттого, что неизвестно, как изучать целые периоды советской литературы. А плохо осознанные критикой поиски молодых? Словом, куда ни глянь — проблемы, и немалые.

Но все это сопряжено с серьезной работой, вдумчивым чтением, исследованием и разбором — куда эффектнее погарцевать на полемическом коне и потом перемигиваться среди «своих»: «Эк, я его поддел!» А у меня одно ощущение от этих полемик: ску-у-чно!

Однако что делать — есть случаи, когда приходится отвечать против желания. Впрочем, судите сами.

В недавнее время мои скромные писания стали объектом повышенного внимания со стороны критика В. Бушина. Лишь за последние месяцы он посвятил им три статьи в журналах «Молодая гвардия» (1988, № 10), «Коммунист Вооруженных Сил» (1988, № 12), «Москва» (1989, № 2), не считая мимолетных, но весьма язвительных упоминаний в других малотиражных изданиях.

Будь я немного тщеславнее, это обстоятельство могло бы мне польстить, поскольку В. Бушин, выступающий в жанре литературного скандала, безошибочно выбирает для разноса не самые худшие книги и имена: в недавнее время жертвами его памфлетного дара стали Б. Окуджава, В. Карпов, Г. Бакланов, Б. Пастернак, А. Вознесенский, Т. Толстая и др.

О себе мне пришлось узнать у В. Бушина много интересного. Читателям «Коммуниста Вооруженных Сил» он сообщил, что я не люблю «военных людей». В «Москве» он полил ядом «докторов наук», негодовал на тех, кто «застойно маячит на экранах телевизоров» и заодно занимает «высокий редакторский пост». Впрочем, в «Молодой гвардии» он разъяснил, что я — «литературный сановник, которому в очень хорошо обозримом будущем предстоит отставка», что «не сегодня-завтра» мне предложат «удалиться на заслуженный покой». В. Бушин предупреждает меня, чтобы я не рассчитывал на долголетие и, упаси бог, не счел, что я «бессмертный, которому никакие превратности судьбы не грозят и не могут грозить!».

Принимаю к сведению угрозу В. Бушина, хотя, скажу откровенно, хотелось бы еще пожить... И поработать... Не зарекаюсь и от научной деятельности, и от выступлений по телевидению. Чувствую себя неловко, но что поделать, если я огорчаю В. Бушина решительно всем. А уж от написанного мною он, что называется, не оставляет камня на камне. Достаточно прочесть статью в журнале «Москва» с язвящим воображение заглавием: «Как один критик прогресса и гуманизма ради одному генералу конфузию учинил». «Бредни», «фальсификация», «неприличности» — таковы еще не самые сильные из тех выражений, какие он изыскал для характеристики моего рассказа в «Огоньке» (1988, № 19) о генерале А. В. Горбатове.

Если бы речь шла — в очередной раз — обо мне, стоило бы не замечать усердия памфлетиста. Но В. Бушин достаточно бесцеремонен и с героем очерка — замечательным человеком и военачальником. Более того, по нему и приходится главный удар, и тут я не считаю возможным промолчать. Герой двух войн, жертва сталинских лагерей, генерал армии, сражавшийся под Сталинградом, и один из первых комендантов Берлина, А. В. Горбатов в глазах здравомыслящих людей, конечно, и не нуждается в защите.

Но все же стоит напомнить читателям, что во всей судьбе генерала Горбатова (и этому в значительной мере был посвящен мой очерк) одним из главных трагических событий было то, что в 1938 году он был арестован. Его зверски избивали на допросах, отправили на Колыму и чудом освободили в самый канун войны. Во всех суждениях, какие мне приходилось от него слышать, главной его болью было сознание напрасных жертв, понесенных в войне,— из-за разгрома командных кадров в 1937—1938 годах и ошибок, неумелого командования в пору самой войны.

В. Бушин не произнес ни полслова ни о лагерях, ни о репрессиях, ни о разгроме Сталиным командных кадров, искусно обойдя эту тему даже там, где, казалось бы, нельзя об этом не сказать. Зато он всюду стал защищать от Горбатова авторитет Верховного. Критик сделал вид, что не понимает грозного смысла шутки Сталина: «Горбатова могила исправит». А ведь она относилась к одному из немногих военных, уцелевших после сталинских лагерей, и можно ли не ужаснуться этого рода юмору?

В. Бушин возмущается далее тем, что Горбатов на фронте в сердцах приколотил палкой особиста, но забывает упомянуть, что этот особист велел раскатать на бревна (под блиндаж для своего отдела) крестьянскую избу, в которую должны были вернуться люди. «А как же гуманизм?» — восклицает по этому поводу В. Бушин. Гуманизм для крестьян — хозяев избы или для особого отдела? В. Бушин негодует на поступок генерала, который, по его выражению, «избивает подчиненного палкой», но почему-то начисто забывает о том, как следователь не стукнул сгоряча, а действительно в кровь избивал на допросах генерала Горбатова.

Не стоило бы большого труда опровергнуть и многие другие полемические утверждения В. Бушина, но не стану этого делать, щадя читателя. За исключением одной-двух описок и мелких неточностей, верно отмеченных критикой и еще прежде исправленных мною при перепечатке очерка, все в этой полемике вздуто и напрасно: от нее за версту разит предвзятостью, жаждой компрометации и скандала.

Уже не раз слышались голоса читателей, недовольных критическими перепалками, вошедшими в моду в последнее время. Явился даже соблазн отрегулировать подобные злоупотребления гласностью с помощью административного авторитета по привычному у нас способу ликвидации «крайностей», соразмерных ударов «направо» и «налево» без попыток выяснить: что стоит за литературной полемикой. В таких случаях я всегда вспоминаю распоряжение комендантши Белогорской крепости в пушкинской «Капитанской дочке». В ответ на доклад дежурного казака, что капрал Прохоров подрался с Устиньей за шайку горячей воды, Василиса Егоровна дала такое указание: «Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи».

Таково привычное для некоторых руководителей понимание литературных споров.

Нельзя поощрять своим участием полемику «ниже уровня». Можно разве что обнажить разок перед читателем рецепт, по которому сочиняются последнее время такого рода статьи. Если, к примеру, ты дорожишь Россией, русской историей и культурой, то надо намекнуть читателю, что тебе на Россию наплевать, а вдобавок усомниться, русский ли ты вообще. Если ты с сочувствием пишешь о герое войны, следует сообщить, что ты не любишь нашей армии. А если ты отдал работе в «Новом мире» Твардовского лучшие годы жизни и дорожишь памятью о замечательном человеке и редакторе,— надо изобразить тебя главным злом этого журнала. Впрочем, довольно.

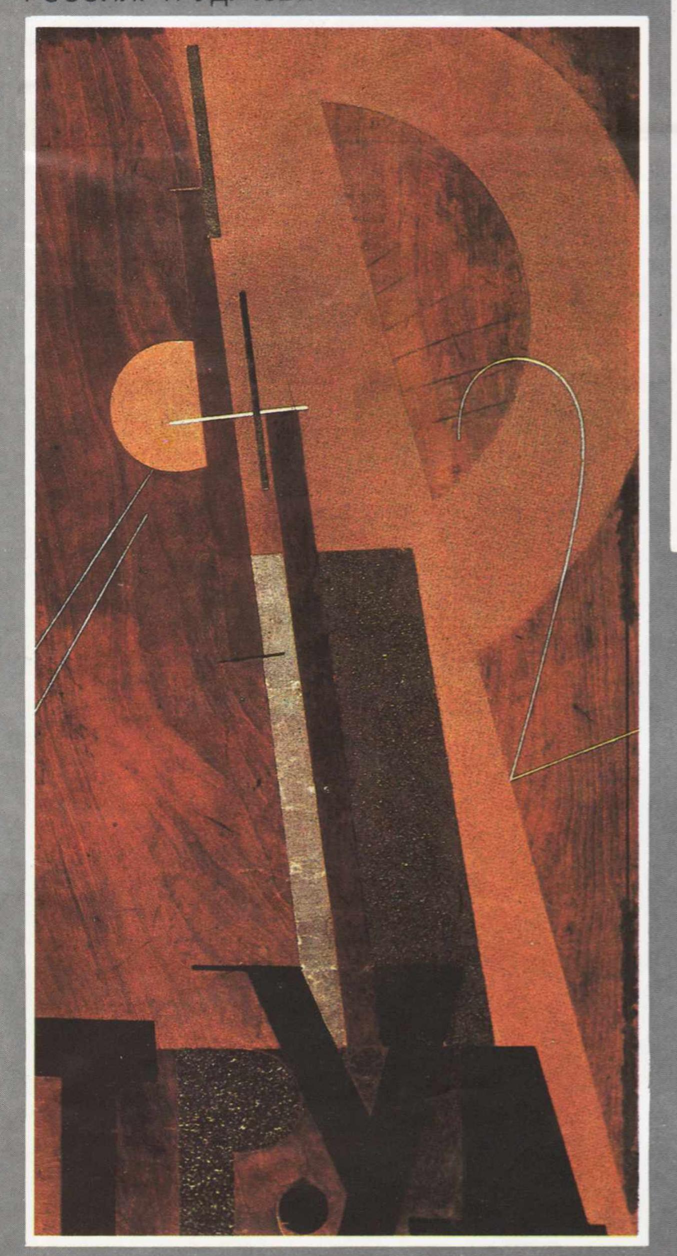
Однажды старейшая писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян, которая, как известно, неважно слышала и пользовалась слуховым аппаратом, на собрании, обсуждавшем спорный вопрос, повела себя неординарно. Высказав с трибуны то, что она хотела сказать, она отправилась на место в первом ряду, а в это время ее оппонент, получив второй раз слово, стал бурно ей возражать. «Я вас не слышу,— громко, на весь зал объявила она.— Отключаю свой слуховой аппарат».

Никогда не след зарекаться от полемики. Но в отношении целого ряда нынешних «полемистов» советую сделать то же самое: отключить слуховой аппарат.

Начало на стр. 8.

НАТЮРМОРТ С ФЛЯЖКОЙ КЬЯНТИ. 1928—1935.

РОССИЯ. ТРУД. 1921.

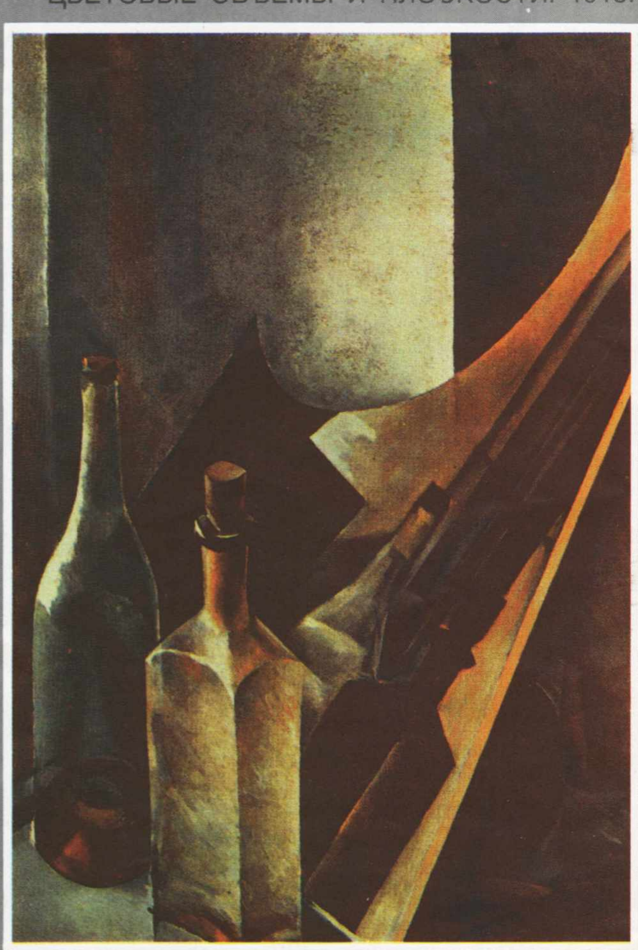

ЕВРЕЙСКИЕ ПОХОРОНЫ. 1911.

ЭСКИЗ ВЕЧЕРНЕГО ОСВЕЩЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ КОЛОННЫ. 1918.

ЦВЕТОВЫЕ ОБЪЕМЫ И ПЛОСКОСТИ. 1918.

формальная структура портрета Ахматовой, написанного им также в 1914 году. Поначалу зрительский взгляд замечает железную четкость силуэтов, граненый рисунок отдельных сочленений и объемов. Но затем осознается полнейшая условность этого строгого линейного порядка. Он как бы тает. Ведь кресло, на котором сидит Ахматова, скамейка под ее ногами показаны сверху, вне прямой перспективы. Поэтому ее фигура словно плывет в пространстве. Это ощущение сдвинутости всех опор, утраты тяжести поддерживается еще и тем, что свет пронизывает фигуру насквозь, будто она лишена плоти.

Альтман писал Ахматову в своей мастерской-мансарде на Тучковой набережной. В первоначальных эскизах видны конкретные городские детали. Из окончательного варианта портрета они удалены, но он все равно остался очень «петербургским». Это проявляется в разных аспектах — и в ясной архитектонике, в строгой завершенности, прохладном свете, столь свойственных «граду Петрову». А вместе с тем и в той призрачности, многозначности окружающего, о которых еще Гоголь писал в «Невском проспекте». Петербургское начало есть и в душевной тревоге, резком внутреннем смятении, которые свойственны портрету и которые пронизывают ощущение Города в русской литературе от Пушкина и Достоевского до Блока и Ахматовой.

Все это, вместе взятое,— соединение реального и воображаемого, сценичность, петербургские мотивы в глубинах образа — смещает изображение в такой духовный план, где властвуют законы поэтической фантазии, где лики натуры быстроизменчивы и ненадежны, и только ведущая образная логика обладает постоянством и убедительностью.

Именно в сложной цельности разнородных особенностей картины можно понять и оценить ее принципиальные творческие качества и замечательную зоркость центрального образа. В нем соединились женственная хрупкость и сила характера, страдальческий излом и высокая умиротворенность, открыто-непосредственное чувство и самозабвение, такое естественное при вечном желании «подслушать у музыки что-то»... Душевный порыв заключен в раму дантовской строгости облика: в этом сочетании — еще одна опора классичности портрета. В нем пересеклись многие черты эпохи — нарастающее чувство трагизма происходящих событий, тревожное переживание всеобщей ломки жизни, мечтательное размышление о том, как может выглядеть новая жизнь в будущем.

Многие писали и лепили Ахматову. Начал великий Амедео Модильяни, а продолжили десятки других мастеров, в том числе знаменитых. Но, пожалуй, к альтмановскому портрету у Ахматовой было особо проникновенное чувство. В прославленных «Эпических мотивах» она с любовью и грустью вспоминает о том, как ходила к мастеру «на сеансы»:

...Как в зеркало, глядела я тревожно
На серый холст, и с каждою неделей
Все горше и страннее было сходство
Мое с моим изображеньем новым.

«Горше и страннее было сходство»! Как это точно и проникновенно сказано! Вся суть портрета в этом!

Приведенный отрывок заканчивается словами Ахматовой, обращенными к Альтману:

Но чувствую, что Музы наши дружны
Беспечной и пленительною дружбой,
Как девушки, не знавшие любви.

Музы наши дружны... Что может быть выше подобной оценки! Но художник ее заслужил. Он не только предсказал в своем холсте появление одного из новых лидеров русской поэзии, но и сумел постичь мир Ахматовой, услышать музыку «неузнанных и пленных» голосов ее стиха. К нашему времени, когда многие споры и сомнения откатились в прошлое, стало очевидным, что портрет Анны Ахматовой кисти Натана Альтмана — одно из классических произведений русской живописи начала XX века.

Незадолго до Октябрьской революции, в 1915 году, Альтман написал картину «Подсолнухи», которая как бы итожит его живописные искания середины десятых годов. На фоне геометризованного зеленого пейзажа огромные, как деревья, ярко-желтые подсолнухи тянутся к небу. Они похожи на маленькие солнца, освещающие притихший и ожидающий каких-то важнейших событий мир. Ни о какой «натурности» тут и речи нет. Это язык символов, смелых живописных гипербол. Именно такой строй образного мышления позволил Альтману оказаться одним из глашатаев идей революции. Ведь он был одним из тех художников России начала века, в произведениях которых время познавало само себя, впервые видя — иногда с удивлением — свой облик.

Именно поэтому вполне закономерно, что Альтман оказался одним из видных деятелей новой эпохи. Он ведь принадлежал к числу тех, для которых живой отклик на происходившие события был горячей и острой внутренней потребностью.

В первые послереволюционные годы Н. И. Альтман был облечен значительными организационными полномочиями — в отделе ИЗО Наркомпроса, в редакциях газеты «Искусство Коммуны» и журнала «Пламя», в первой для своей эпохи высшей художественной школе — Свободных Государственных мастерских и т. д. А. В. Луначарский называл «очень талантливого Н. Альтмана» в числе «центральных фигур революционного искусства».

В монументальной и станковой живописи этих лет произведения художника по преимуществу тяготеют к отвлеченной символике и ассоциативности. Причины этого таятся не только в стилистических предпочтениях мастера, но и прежде всего в особом характере восприятия и переживания жизни времени. Ведь революция являлась ее современникам в романтическом ореоле неведомого и непознанного. Отсюда и образы символического свойства, мечтательные аллегории и метафоры.

Пожалуй, наиболее выразительно в этом плане созданное Альтманом оформление площади Урицкого (Дворцовой площади) в Петрограде для празднования первой годовщины революции (ноябрь 1918 года).

Растрелли, Росси, Монферран — создатели архитектуры Дворцовой площади, давние века русской государственности оказывались тут для мастера «памятью о прошлом», а элементы декорировки — символами будущего, мечтательными образами. И лишь в з а и м о д е й с т в и е между двумя этими сопоставленными началами (а не отрицание старинного искусства) составляло, так сказать, н а с т о я щ е е в р е м я происходившего празднества.

Альтман не «украшал» отдельные здания, а взглянул на весь знаменитый архитектурный ансамбль как на определенную пространственно-пластическую среду, которая должна «сыграть» задуманное «действо о революции». Прежде всего художник при помощи цветных щитов и различных транспарантов замкнул пространство площади, придав ему сценическое единство. Зритель должен был понять, что перед ним целый мир, аналог и условная модель всего происходящего на белом свете.

Социалистическую будущность в этом своеобразном спектакле революционно-праздничной площади в первую голову провозглашала символика цвета. Огромные геометрические плоскости, полыхающие яркими, спектрально-чистыми тонами, выступали в роли дерзких и громогласных глашатаев.

И декоративной, и идейной сердцевиной этого действия была четырехугольная платформа-трибуна в центре Дворцовой площади, у основания Александровской колонны. По углам этой двухъярусной трибуны находились кубы и ромбы, которыми прикрывались прожекторы. Вплотную к колонне прижимались полотнища сложных форм, которые и днем, и ночью резко освещались изнутри. Эти конструкции и экраны брали в тиски Александровскую колонну, превращали ее в тающий, сумеречный призрак. Ибо спокойные, мягкие формы и сдержанный цвет «Александрийского столпа» Монферрана оттеснялись и заглушались лихорадочными зигзагами контуров и раскаленными (особенно при интенсивном вечернем освещении прожекторов, ламп и факелов) красками сооружения, «взявшего в плен» колонну. Броско сопоставленные геометрические плоскости с их напряженной красно-розово-желтой расцветкой напоминали и взлетающее к небесам пламя костра, и мачту движущегося парусника.

Такова кульминация «спектакля», созданного Н. Альтманом 7 ноября 1918 года на центральной площади Петрограда. Это одно из самых сильных и всеобъемлющих художественных самовыражений эпохи. Ведь в этих смутных романтических уподоблениях, в пламенеющем порыве альтмановской композиции бушует и ярится символика революционной поры, смыкаются воедино разные времена, оказываясь и подножием, и прославлением Октября.

Под знаком исканий, как формальных, так и духовных, создавались и станковые картины мастера, исполненные им на протяжении 1918—1921 гг. Вещи в чем-то очень странные, изображающие сдвинутый с места и словно заново создаваемый мир. Но ведь так оно и на самом деле было. В «Цветовых объемах и плоскостях» 1918 года плотные, круглящиеся бутылки и их призрачные, наклоненные отражения в какой-то опрокинутой, осколочной зеркальной поверхности спорят между собой; самая реальность мира оказывается спорной и требует изысканий. Художник как бы тревожно выспрашивает у вещей, в чем же состоит новый дух и новая пластика времени.

Такой же поисковый характер носят и беспредметные композиции и коллажи тех же лет. «Петрокоммуна», «Материальная живопись», «РСФСР», «Россия. Труд», которые, по сути дела, представляют собой живописные плакаты, проникнуты сугубо лирическим переживанием происходящего. В этих сдвинутых формах, хаотично расколотых словесных вставках, в плоских геометрических фигурах, которые плавают в какой-то беспокойной, вибрирующей среде,— вся смятенность и неупорядоченность новой жизни, черты конкретного облика которой еще только начинают проступать из тумана событий...

К 1920 году относится знаменательнейший эпизод жизни Н. И. Альтмана — его встречи с В. И. Лениным, которого художник при содействии А. В. Луначарского смог рисовать и лепить в Кремлевском рабочем кабинете. Эти встречи длились на протяжении полутора месяцев, приблизительно 250 часов чистого времени! Никто из мастеров изобразительного искусства никогда не получал возможности столь долгого и близкого общения с вождем революции. В Кремлевском кабинете (несравнимо меньший срок) работал только Н. А. Андреев, остальные художники видели Ленина отрывочно, чаще всего издалека, во время заседаний и митингов.

Значение графических портретов В. И. Ленина, выполненных Альтманом, одной лишь документальностью вовсе не исчерпывается. Непосредственные наблюдения, пристальные и разнообразные, перерастают тут в глубокую характеристику, вбирающую в себя и некоторые сокровенные черты личности Ленина, и его, так сказать, исторического самочувствия в 1920 году. Уникальность альтмановской серии именно в этом.

В рисунках Альтмана нет ни дистанции, ни преображения. Пафос, обобщение, ораторская экспрессия начисто отсутствуют в этих графических листах. Перед нами дневник, хроника. Ленин увиден и показан как открытый и понятный в своих душевных движениях человек. Вот он задумался, его глаза смеются, мускулы лица напряглись, как бы следуя внутреннему ходу мысли. Его лицо то застывает от волнения при телефонном разговоре, то отражает физически ощутимую работу мысли, когда Ленин склоняется над рукописью, то светится иронией, размышлением, недовольством. Он пишет, беседует с посетителями, говорит по телефону — и в этих каждодневных делах и занятиях со множеством оттенков раскрываются его манера общения с людьми, его настроения, его внутреннее состояние. Когда Ромен Роллан, посвятивший этой серии рисунков Альтмана особую статью, написал, будто в них изображен «лик старого отдыхающего льва, до или после битвы», он допустил удивительную близорукость определений. Ничего львиного, но и ничего стариковского в альтмановском Ленине нет. И ни в одном из листов он не показан отдыхающим. Ведь тут изображен человек чрезвычайно озабоченный, вечно занятой, каждую данную минуту находящийся на пределе напряжения. Серия выполнена художником-виртуозом с исчерпывающей пластической убедительностью. Мастер применил в этих листах отработанную им технику построения объемов планами, умение лаконично и остро развернуть форму в пространстве.

Такого Ленина, который предстает как психологическое средоточие эпохи, аккумулятор ее мыслительной энергии, наше изобразительное искусство не знало ни до, ни после этой серии Альтмана. Известную аналогию созданному им образу может составить только портрет кисти К. С. Петрова-Водкина (1934). Правда, есть еще одна аналогия, даже более полная и близкая, но — поэтическая. Я имею в виду строки из поэмы Б. Пастернака «Высокая болезнь»:

...Столетий завистью завистлив,
Ревнив их ревностью одной,
Он управлял теченьем мыслей
И только потому — страной...

В искусстве бывают откровения, а бывает и просто хорошая, мастерская работа. Первые принадлежат к тем событиям, которые формируют духовную биографию эпохи, вторая приносит свой скромный, но ценный вклад в художественную культуру определенного времени.

Натан Альтман творил в обоих названных уровнях. Его «Анна Ахматова», его произведения революционных лет, его Ленинская серия — шедевры самого высокого ранга. Все остальное — добротное, тонкое искусство.

Этого остального у Альтмана за последние пять десятилетий творчества (20—60-е годы) хватило бы на несколько первоклассных художественных биографий. На протяжении многих лет он был одним из лучших советских сценографов, создав среди прочего великолепные декорации к постановкам «Уриеля Акосты», «Отелло», «Бронепоезда 14-69». Он оформил и сопроводил оригинальными иллюстрациями десятки превосходных изданий классики и современных авторов. Он оставался до конца дней замечательным портретистом — достаточно указать на такие значительные работы, как «С. М. Михоэлс» (1927), «Автопортрет» (1930), «Л. М. Эренбург» (1934), «Портрет жены в маскарадном костюме» (1963). Известны и тончайшие натюрморты, пейзажи художника. Причем он не знал спадов и срывов, всегда был подлинным мастером-виртуозом.

Но есть несколько считанных произведений, в которых Натана Альтмана «призвали всеблагие, как собеседника на пир». И прежде всего именно этими произведениями он создал себе высокое имя и навсегда вошел в историю искусства.

Александр КАМЕНСКИЙ

НЕ ПЛАКАТНЫЙ ГЕ

Вячеслав КОСТИКОВ

Фото Александра ДОРОГАНА

Суть перестройки — в возрождении подлинного, а не декларативного народовластия. Эта задача отчетливо перекликается с мыслями политического завещания В. И. Ленина. Владимир Ильич отчетливо видел опасность, возникшую в период «военного коммунизма». И полтора месяца спустя после X съезда партии, открывшего дорогу в нэп, он вносит последнюю правку в проект Письма ЦК РКП(б) об отношении к беспартийным рабочим.

«Вопрос о взаимоотношениях между нашей партией и широкими массами рабочих,— говорится в письме,— есть ныне вопрос о взаимоотношениях между коммунистами и беспартийными... Там, где между коммунистами и беспартийными рабочими выросла стена, отчужденность должна быть во что бы то ни стало уничтожена».

Возрождение доверия в нашем обществе — одна из главных политических задач перестройки.

На недавней встрече в ЦК КПСС отмечалось, что рабочий класс остается определяющей силой нашего общества, «от позиции которого зависит в решающей степени судьба любой политики».

Обновляющаяся демократия возвращает нас к ленинским принципам, которые в течение многих десятилетий предавались забвению и подменялись фальшивым суесловием в адрес «его величества рабочего класса».

Куда завело нас это забвение? Какие уроки нужно извлечь из всего случившегося? Предлагаемая статья не претендует на исчерпывающий анализ. Мы видим в ней повод для серьезных и беспристрастных размышлений о судьбе рабочего класса в России.

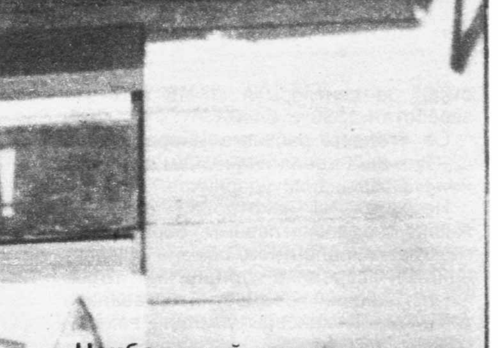
НЕРЖАВЕЮЩИЙ СИМВОЛ

На февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года Сталин выдвинул тезис об обострении классовой борьбы в СССР по мере укрепления социализма. Тяжелая «мясорубка НКВД», как скажет много позднее Н. С. Хрущев, заработала на полную мощность, не различая плоти генералов и рабочих, членов ЦК и рядовых беспартийных.

Весной 1937 года с соблюдением всех возможных и невозможных предосторожностей и секретностей из Москвы в Париж был отправлен железной дорогой специальный транспортный конвой, который вез «секретное оружие» Сталина — скульптурную группу В. Мухиной «Рабочий и колхозница». На Всемирной выставке 1937 года в Париже «Искусство и техника нашего времени» она должна была символизировать могущество Страны Советов.

Это было время восторгов перед новой техникой. В Москве полным ходом идет строительство висячего Крымского моста по проекту инженера Б. Константинова (архитектор А. Власов). По другую сторону океана в апреле 1937 года в Сан-Франциско открывается самый длинный в мире мост «Золотые ворота» — тоже, кстати, висячий. Мексиканский художник Диего Ривера, воспевая сплав ума и мускульной силы, создает в одном из цехов завода Форда в Детройте гигантскую фреску, воспевающую труд рабочих на поточной линии автомобильного гиганта. А. Дейнека в это же время готовит эскизы для смальтовых мозаик подземного вестибюля станции метро «Маяковская». Тема: трудовая доблесть советских людей, спорт, Осоавиахим. Никогда еще прославление труда, мускульной красоты, технического прогресса не было столь настойчивым и столь искренним, как в эти месяцы работы Всемирной выставки в Париже, когда до начала второй мировой войны оставалось 28 коротких месяцев. Гитлеровский Люфтваффе уже испытал в Испании свои «хенкели», жертвы которых (1500 убитых и 1000 раненых) будут протягивать к посетителям Всемирной выставки свои искалеченные руки с написанной по свежим следам трагедии картины Пикассо «Герника».

Сталин принимает решение продемонстрировать Европе другие символы.

Наибольший урон делу социализма нанесен тем, что оказалась преданной забвению основополагающая ленинская мысль о социализме как живом творчестве масс. Новое общество строится во имя интересов трудящихся и самими трудящимися. А это предполагает широкое участие народа во всех преобразовательных процессах, всестороннее развитие демократии, утверждение принципов народовластия и самоуправления. Ни одно социальное преобразование, какими бы высокими лозунгами оно ни прикрывалось, не может быть осуществлено вопреки интересам масс и без их непосредственного участия.

Эти ленинские принципиальные положения на словах признавались, а на практике игнорировались, подменялись командно-административными методами.

Это нанесло огромный ущерб всему общественному развитию страны, в значительной мере деформировало деятельность политических институтов.

Из доклада М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 15 марта 1989 г.

РОЙ

Волей случая советский павильон оказывается на Всемирной выставке лицом к лицу с германским. Мухинские «Рабочий и колхозница» вздымают в парижское небо символы Страны Советов — серп и молот, бросая вызов черному орлу, украшавшему фронтон павильона нацистской Германии. В те дни в Париже велось много споров о том, чей павильон внушительней, выше, чьи символы сильней. Спор решился через восемь лет, в 1945 году. Серп и молот повергли свастику и орла. Но победа советского символа далась народу тяжелой ценой. Жертвы СССР составили около 38 процентов всех жертв второй мировой войны. Мы потеряли убитыми «рабочими и колхозницами» в три раза больше, чем фашистская Германия.

Символична судьба самой мухинской скульптуры. После окончания Всемирной выставки она была разрезана автогеном и увезена в СССР. Установлена она была лишь два года спустя в удалении от центра Москвы, на малозаметной площадке перед северным входом на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Есть свидетельства тому, что Сталин отнесся сдержанно к мухинскому шедевру, когда решался вопрос, быть ему символом Страны Советов на выставке или не быть. В одну из московских ночей 1937 года черный лимузин привез «вождя мирового пролетариата» на завод, где монтировалась из кусков нержавеющей стали известная теперь всему миру скульптура. Человек в солдатской шинели и сапогах постоял несколько минут, глядя снизу вверх на тускло поблескивающие груды стальных мускулов, повернулся и, не сказав ни слова, пошел к поджидавшему его автомобилю. Почувствовал ли он в этот миг свое ничтожество, свою незначительность перед созданным гением художника образом советского рабочего? Об этом можно только гадать.

Свой взгляд на рабочий класс, именем которого он укреплял свою диктатуру, Сталин с поразительным даже для него цинизмом высказал в 1945 году на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы. Там-то впервые и прозвучало это памятное нам слово «винтик».

Однако сложная, противоречивая судьба рабочего класса Советской России началась много раньше.

В известной советской песне «За фабричной заставой» есть слова:

Парню очень хотелось
счастье в жизни узнать.
За рабочее дело он ушел воевать...

Десятки тысяч рабочих, ушедших на фронты гражданской войны, не вернулись к станкам. Причем речь шла о самых сознательных рабочих, о добровольцах или мобилизованных большевиках, о тех, кого Ленин называл авангардом рабочего класса. Нелегким было и положение рабочих, оставшихся на заводах.

Один из первых советских экономистов, член Президиума ВСНХ Ю. Ларин в докладе на съезде политпросветов в ноябре 1920 года сетует, что «в 1919—1920 годах средняя выработка одного рабочего за год составляла 45 процентов того количества всяких предметов, какие являлись результатом его работы до войны». Резко падают заработки рабочих: в 1922 году они достигают лишь 30% средней зарплаты рабочего в 1913 году. Недовольство рабочих выражается не только «волынкой» на производстве, но и в привычных еще в те годы формах стачечной борьбы. В Смоленском партийном архиве имеются многочисленные донесения агентов ГПУ о недовольстве рабочих, о забастовках. Причина состояла в резком ухудшении материального положения. Появилось и еще одно, совсем уж новое обстоятельство. Принуждение к труду. В дореволюционной России, как, впрочем, и во всех других странах, рабочие, часто за мизерную зарплату, тем не менее «продавали» свой труд добровольно на «рынке труда». В условиях военного коммунизма выдвигается идея трудовых армий. Фактически речь идет о милитаризации труда. Трудовые армии, как свидетельствует «История КПСС», были созданы на Украине, Урале, Северном Кавказе, под Петроградом, в Среднем Поволжье. Одним из теоретиков подневольного труда выступает Троцкий. На III Всероссийском съезде профсоюзов в апреле 1920 года он рассуждает: «Верно ли, что принудительный труд всегда непродуктивен? Мой ответ: это наиболее жалкий и наиболее вульгарный предрассудок либерализма». К сожалению, на IX съезде РКП(б) проповедуемая Троцким мысль о том, что каждый должен считать себя «солдатом труда, который не может собой свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если он не выполнит — он будет дезертиром, которого карают», не встречает принципиального отпора.

Партия направила на хозяйственную работу тысячи коммунистов из Красной Армии. Многие комиссары, командиры, политработники стали директорами заводов, работниками государственной торговли, кооперации... Над многими из них продолжала довлеть психология «военного коммунизма», что вызывало недовольство.

Брожение среди рабочих вынуждает власть «укреплять» и партийные ячейки на заводах и фабриках. Отражая недовольство рабочих, «Правда» писала в 1923 году: «Ячейки и отдельные партийцы в глазах рабочих всегда выступают, как защитники администрации, увеличения норм выработки, всякого рода отчислений. Каждый коммунист считает своей обязанностью во что бы то ни стало оправдать в глазах рабочего всякую, даже явную несправедливость».

Волна забастовок прокатывается по заводам и фабрикам Москвы, Петрограда, Тулы, Брянска, растекается по провинции.

Партийные пропагандисты объясняли населению забастовки по простой и ставшей скоро привычной схеме: либо происками меньшевиков, эсеров и даже монархистов, либо несознательностью самих рабочих. На XI съезде РКП(б) весной 1922 года Зиновьев заявляет: «Рабочий класс в силу перипетий нашей революции деклассирован». Александр Шляпников, нарком труда в первом Советском правительстве, бросит в президиум горькую реплику: «Разрешите поздравить вас, что являетесь авангардом несуществующего класса». Группа Шляпникова, в которую входили С. Медведев, А. Коллонтай и др. (так называемая «рабочая оппозиция»), была осуждена на этом съезде. Как известно, после этого съезда на Пленуме ЦК Генеральным секретарем партии был избран Сталин.

В результате гражданской войны, бегства от голода в деревню численность кадровых рабочих к 1920 году сократилась до 700 тысяч. Разумеется, ни Ленин, ни большая часть старой большевистской гвардии, призывая в 1918 году рабочих и солдат к разгону «самого демократического буржуазного парламента» (так Ленин в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» сам охарактеризовал Учредительное собрание) не предполагали, что рабочий класс наряду с интеллигенцией понесет такие жертвы. Трагическую судьбу русского рабочего интуитивно чувствовал такой глубокий знаток рабочей жизни, как М. Горький. Из близких к Ленину людей он одним из первых увидел в разгуле революционной нетерпимости опасность для пролетариата. Еще 11 января 1918 года в статье «Интеллигенту из народа» пролетарский писатель предупреждал, обращаясь к газете «Правда»:

«Социальная революция без пролетариата — нелепость, бессмысленная утопия, а через некоторое время пролетариат исчезнет, перебитый в междоусобице, развращенный той чернью, о которой вы говорите. Пролетариат без демократии висит в воздухе, вы отталкиваете демократию от пролетариата».

Введенный по инициативе Ленина нэп преследовал цель не только окончательно покончить с иллюзиями военного коммунизма и перевести хозяйство страны на нормальный экономический круговорот, но и предотвратить «отталкивание пролетариата от демократии». Сталинские фальсификаторы истории, шельмуя ленинские идеи, старательно внедряли в сознание масс, что нэп нанес ущерб интересам пролетариата. Фактически же дело обстояло как раз наоборот. Можно сказать, что именно нэп спас российский пролетариат. Разделение партийной и хозяйственной власти дало быстрые результаты. Прекратился развал промышленности, снова заработали фабрики и заводы. Возродилась дисциплина. И не при помощи угроз и призывов к пролетарской сознательности, а введением реальной денежной оплаты за реальный труд взамен расчетов натурой. В результате за три года производительность труда удвоилась — случай уникальный за всю историю советской экономики.

Возросли заработки — они превысили даже довоенный уровень. С ростом достатка населения власти стали ослаблять и идеологическое давление. В стране увеличивается число независимых издательств. Множится количество журналов, альманахов. В Москве свободно работает Академия духовной культуры. Лекции читают известные русские философы, исповедующие разные взгляды: Бердяев, Вышеславцев, Степун. В городах словно по мановению волшебной палочки сотнями открываются дорогие и дешевые рестораны, трактиры, закусочные. Рабочие клубы устраивают вечера с буфетом. Возрождаются профсоюзы, причисленные ранее к «государственным организациям». Партия, постигая ту истину, что тотальный контроль над демократией оборачивается экономическим крахом и разгулом насилия, ориентирует союзы рабочих на «защиту интересов трудящихся масс в самом непосредственном и ближайшем смысле слова». В том числе и от «бюрократического извращения» госаппарата.

Благодаря нэпу восстановилась численность рабочего класса. Активно закладываются основы для реального роста его политической роли. Ведь далеко не случайно, говоря в своем политическом завещании о необходимости «ряда перемен в нашем политическом строе», Ленин ратует и за расширение состава ЦК партии за счет рабочих от станка.

Начавшийся после смерти Ленина демонтаж нэпа подрубил надежды на укрепление экономического достоинства рабочих и в конечном счете надежды на реальное участие пролетариата в политике.

ЭНЕРГИЯ ВЕЛИКИХ СТРОЕК

Положение рабочих с откатом нэпа и началом ускоренной индустриализации заметно ухудшается. Огромный приток крестьян, бегущих от насильственной коллективизации, резко обостряет жилищный кризис городов. Начинается новый круг «уплотнений». Разорение деревни, сокращение крестьянской запашки, свертывание мелкооптовой и розничной частной торговли приводят к деградации продовольственного снабжения. Обобществленный сектор в оптовой торговле составляет уже почти 100 процентов, в розничной — около 90. Исчезают дешевые трактиры, чайные, народные «обжорки», где можно было просто, но сытно и недорого поесть.

Вместо них в городах, на местах «великих строек» начинают действовать рабочие столовые, управляемые «государственной сферой обслуживания». В романе «Энергия» Федор Гладков описывает рабочую столовую на строительстве Днепрогэса, заложенного в 1927 году: «Я бываю на фабрике-кухне, и меня тошнит от одного вида гнусного ядева. Я бываю на участках работ, куда пища привозится в термосах. Это синяя болтушка смердит трупом и выгребной ямой. Рабочие предпочитают хлеб с водой».

Но рабочие сознательно шли на жертвы и лишения. Цифры первого пятилетнего плана пьянили воображение. Лозунг «Пять в четыре» подхватывается в декабре 1929 года съездом ударников. Энтузиазм захлестывает страну. Великие стройки ликвидируют безработицу; кажется, еще одно, последнее усилие — время лишений минует, и за углом засияет обещанное солнце социализма. Страна, подогреваемая миражами успехов (новейшие исследования советских экономистов убедительно показали механизм статистической лжи), все дальше углубляется в лес ирреальностей и мифов.

Выступая на XVI съезде ВКП(б) в июне 1930 года, Сталин риторически спрашивает делегатов: «Но если в 1929—1930 годах всего лишь 2 процента народного дохода перепадает на долю эксплуататорских классов, то

куда девается остальная масса народного дохода?» И сам себе отвечает: «Ясно, что она остается в руках рабочих и трудящихся крестьян... Вот где основа систематического роста материального благосостояния рабочих и крестьян СССР».

Приводя на съезде цифры роста зарплаты, жилищного строительства «плюс наличие широкой сети домов отдыха, санаториев и курортов для рабочих», Сталин поистине рисует фантастическую картину всенародного счастья, которое «обрушилось на страну» в результате первой пятилетки. Сталин настолько уверен в себе, что не считает необходимым даже вычистить собственный доклад от вопиющих противоречий. С одной стороны, «систематический рост материального благосостояния рабочих и крестьян», а с другой, несколькими страницами доклада выше, товарный выход мяса и сала по сравнению с 1916 годом составил в 1927 году 32,9 процента, в 1928 году — 30,4, в 1929 году — 29,2. Ситуация весьма знакомая: в докладе густо, в желудке пусто.

Сталин может говорить спокойно. Ему уже никто не возразит. Оппозиция раздавлена. Гласность заткнута кляпом страха. Профсоюзы после Шахтинского дела окончательно укрощены.

Место для разжигания первого крупного процесса было избрано не случайно. Донбасс являлся одним из крупнейших в стране пролетарских районов. Профсоюзы в центре были уже низведены до роли приводных ремней политики индустриализации. Но на местах еще продолжали существовать остатки пролетарских традиций. Шахтинский процесс преследовал цель не только ошельмовать специалистов, противопоставить рабочих интеллигенции, но и запугать рабочих, оторвать их от старых профсоюзных вожаков.

«Особенно опасной была попытка вредителей ухудшить материальное положение шахтеров,— излагает нам «История КПСС».— Они занижали заработную плату, срывали строительство жилищ, нарушали правила безопасности труда в шахтах, создавая угрозу для жизни шахтеров...» Шахтинское дело, оказывается, свидетельствовало и «о плохой работе массовых организаций Донбаса, прежде всего профсоюзов».

Такая оценка профсоюзов позволила Сталину окончательно ликвидировать их, впрочем, и без того уже эфемерную независимость. В апреле 1929 года снимается с поста председателя ВЦСПС Томский, член партии с 1904 года, с именем которого у рабочих была связана память о реальной, а не хрестоматийной борьбе за рабочее дело.

Вытеснив из профсоюзов «правые капитулянтские элементы» (так представляет нам дело «История КПСС» 1974 года издания), Сталин поставил во главе ВЦСПС Н. Шверника, ставшего послушным наместником вождя в профсоюзной вотчине. С отстранением Томского и изгнанием его из состава Политбюро профсоюзы в СССР все больше превращаются в кассу социального страхования, в агентство по распределению путевок. Через семь лет, в августе 1936 года, поняв, что рабочее дело, которое он отстаивал в трех революциях, проиграно, а способов борьбы с тираном нет, М. П. Томский покончил жизнь самоубийством.

В сентябре 1927 года Сталин, беседуя с членами первой американской рабочей делегации, объявляет о том, что «монополия нашей партии выросла из жизни, сложилась исторически». В 1927 году, то есть всего через десять лет после революции, такое сужение политического спектра огромной страны едва ли можно было приписать истории. История не знает и не может знать поспешности. Поспешность — свойство людей. Формула «сложилась исторически» была удобна для Сталина, чтобы оправдать первый этап борьбы за власть и затем логически перейти ко второму — концентрации власти в руках одного человека.

Вводя в заблуждение американских рабочих, Сталин руководствовался не интересами рабочих, а факторами политической борьбы за власть. В свете этих факторов ему нужны были не независимые от партийной верхушки профсоюзы, а мягкие мехи для раздувания «социалистического соревнования», ему нужен был не сознательный рабочий, а «нарисованный человек», которому в зависимости от потребы дня можно бы приписывать те или иные свойства.

НАРИСОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

прочем, «новый рабочий класс», который засасывала из разоренной деревни бездонная воронка индустриализации, уже лишается и достоинства и политической роли. Стенограмма Первого всесоюзного совещания рабочих и работниц — стахановцев дает представление о том, какая роль отводилась рабочим в созданной Сталиным административно-командной системе. В этом отношении весьма характерно выступление забойщика шахты № 1 «Кочегарка» в Донбассе Ф. Артюхова.

Артюхов: Вчера, после того как мы были у нашего любимого наркома, мы себе сказали, что тем людям, которые не хотят работать по-нашему, надо голову оторвать — и кончено... У нас стахановцы сейчас имеют все привилегии: для них и кино бесплатное, и медицинское обслуживание, и врача на квартиру вызывают, и т. д.

Орджоникидзе: Чего не хватает?

Артюхов: Не хватает, надо полагать, одной вещи. Вот, допустим, врачу нужно позвонить, а телефона нет, нужен телефон. Есть у меня пианино...

Орджоникидзе: Умеешь играть?

Артюхов: Пока не умею, но заверяю любимого наркома, что, раз уголь умею рубать, научусь и играть. Я заверяю всех, заверяю товарища Сталина, что научусь играть...

Было на совещании стахановцев и демагогическое заигрывание с неопытным рабочим классом, и натравливание его на техническую интеллигенцию, и науськивание на поиск врагов.

Л. Каганович: И вот сегодня мы можем сказать врагам: хотите вы, господа капиталисты, и вы, сгюнтяи, плюгавые, жалкие лакеи буржуазии, хотите видеть наши результаты, плоды работы большевистской партии? Вот они, в Кремлевском дворце, сидят на этом совещании. (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают. Крики «ура».)

А. Жданов: На некоторых наших предприятиях стахановское движение встретило сопротивление со стороны оппортунистических консервативных элементов... Но мы крепко по этим настроениям ударили, одернули, призвали к порядку саботажников стахановского движения, дали им понять, что партия не остановится ни перед чем, чтобы смести с пути победоносного стахановского движения всех ему сопротивляющихся.

О том, какие методы применялись для подхлестывания движения, сулившего, по пророчеству Сталина, «эффект втрое и вчетверо больше», свидетельствуют данные, приводимые на этом же совещании стахановцев. В докладе А. Жданова упоминается о том, что 10 октября 1935 года в Ленинграде было всего 484 стахановца, а 15 октября, то есть всего за пять дней, их «стало» более 14 тысяч. О степени давления на заводы и фабрики можно судить хотя бы по тому, что в эти годы была введена даже специальная форма отчетности «о численности рабочих, вовлеченных в стахановское движение». Сведения надлежало подавать каждые десять дней.

Между тем специалисты, которых, по словам Жданова, «ударили, одернули и призвали», предупреждали, что взвинчивание производительности за счет мускульной силы, ставка только на энтузиазм могут дать лишь кратковременный обманчивый успех, что рекордомания влечет за собой травматизм, снижение качества, что фальшью своей она пагубно влияет на нравственность, ибо рядовые рабочие не могли не видеть, как делаются нужные для «большого скачка» рекорды: за счет создания избранным рабочим особых условий, выделения лучших станков, технического «спецобслуживания».

На фоне наивности рабочих и работниц, спорящих перед светлыми очами вождей за то, кто кого «перестахановит» («Если найдутся работницы, которые будут брать 144 станка, то мы обязательно перейдем на 150. Если кто-либо заявит, что переходит на 150, то мы возьмем 200. Мы свой рекорд никому не отдадим!» — из выступления ткачихи Марии Виноградовой) особенно циничным выглядит не парадное, а реальное отношение Сталина к рабочему человеку. Среди стахановцев было немало таких, которые хотели учиться, стать техниками, инженерами. Отражая стремления этих рабочих, Алексей Стаханов написал в правительство письмо с предложением об освобождении стахановцев от производства на один-два дня в шестидневку для учебы. Сталин написал в документе краткую резолюцию: «т. Орджоникидзе. Дело не серьезное».

Сталин, которого на совещании стахановцев величали мудрым и чутким, видел в рабочем классе лишь пьедестал для памятника себе.

Делая вид, что ему ничего не известно о том, как созданная им административная система выдавливала из масс стахановское движение, Сталин назвал среди главных причин движения — отсутствие эксплуатации и улучшение материального положения рабочих. «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселей. А когда весело живется, работа спорится»,— объявил он.

ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ, ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЙ

юди старшего поколения вспоминают, что с середины 30-х годов жить действительно «стало веселей». Восемнадцать лет спустя после революции власти позволили несколько скрасить унылый быт горожан. На танцплощадки словно по мановению волшебной палочки возвращаются танго и фокстрот, в уличных киосках появляются цветы, в парках культуры и отдыха, к удивлению «непримиримых» борцов против буржуазного влияния, играют джаз-оркестры. В кинематографе царствует трогательная кинокомедия. Летом 1935 года в Москве на Красной площади организуется грандиозный парад физкультурников. Пять тысяч пионеров несут сплетенный из цветов лозунг «Спасибо товарищу Сталину за счастливую жизнь». С 1 октября 1935 года наконец отменены карточки на продовольствие. Кажется, что время «худых коров» минуло. От восторгов не может удержаться даже Максим Горький. В отклике на парад физкультурников он пишет в «Правде»: «Да здравствует Иосиф Сталин, человек огромного сердца и ума, человек, которого вчера так трогательно поблагодарила молодежь за то, что он дал ей радостную юность».

Во время совещания стахановцев в Кремлевском дворце Сталин, Жданов, Каганович умильно расспрашивали передовиков о заработках. Обласканные стахановцы рапортовали.

А. Бусыгин (кузнец): В сентябре получили по 500—600 рублей. Ребята довольны.

Е. Виноградова (ткачиха): Мой заработок достигает 600 рублей. Смотрите, как я повысила свою заработную плату!

М. Дюканов (забойщик, парторг участка): За сентябрь я за 16 выходов заработал 1338 рублей.

Со стороны рабочего двора жизнь, однако, выглядела иначе, чем в ЦПКиО или на совещании ударников.

Несмотря на некоторое улучшение жизни городов (главным образом за счет неэквивалентного обмена с деревней), к середине тридцатых годов жизнь рабочих предместий оставалась тяжелой. Стахановцы умилили вождей своими заработками, называя месячные суммы от 500 до 1000 с лишним рублей. Между тем средняя заработная плата рабочего составляла в это время 150—200 рублей. Пенсия — 25—50 рублей. При этом рабочих вынуждали подписываться на займы.

В конце 1936 года в Советском Союзе в составе рабочей делегации побывал французский шахтер Клебер Леге. Будучи человеком дотошным, он записывал все, что видел и слышал, в том числе и цены. Вернувшись во Францию, он написал книгу «Французский шахтер у русских», которая и вышла в Париже в 1937 году. Вот какие цены он приводит: белый хлеб — 1 р. 20 коп., мясо — от 5 до 9 руб., картошка — 40 коп., сало — 18 руб., мужские ботинки — 290 руб., сапоги — 315 руб., мужское пальто — 350 руб., детский костюм — 288 руб., мужская рубашка — от 39 до 60 руб.

Не будем утомлять читателей подсчетами. Интересующиеся легко сообразят сами, насколько непростой была задача хозяйки прокормить и обуть семью. Чем дальше страна уходила от нэпа в сторону «развитого социализма», тем положение рабочих становилось тягостней. Если в годы нэпа рабочий тратил на питание половину зарплаты, то в 1935 году — уже 67,3 процента.

Нелегким было и положение с жильем. Колоссальный наплыв людей из деревни в города (бежали от голода, от бесправия, от поборов, от разрушения привычного уклада) привел к резкому ухудшению и без того тяжелого жилищного положения. За четыре года индустриализации население городов возросло с 28 до 40 миллионов. А жилья в те годы строили мало.

Мои родители, приехавшие в Москву из голодающей Рязанской губернии, рассказывали, с каким трудом им удалось найти на Сивцевом Вражке заваленный мусором, глубокий, заброшенный подвал. Своими руками они расчистили его, привели в более или менее жилой вид и поселились там — дети, старики, взрослые. Потом подвал начали «уплотнять». До сих пор с комком в горле вспоминаю мастерового-сапожника, жившего с женой и четырьмя детьми в углу под лестницей, в отгороженной фанерой каморке без окна, лампочку на грязном шнуре, под которой он с утра до вечера тачал обувь. Умер он, нетрудно догадаться, от водки и туберкулеза. Соседом нам был и рассудительный семейный милиционер, увезенный в одну из ночей в гремящем лопнувшей рессорой «воронке». Это была реальная жизнь, о которой все знали, но никто громко не говорил.

С середины тридцатых годов, а точнее, с начала стахановского движения, запускается широчайшая по своим масштабам кампания выковывания «нового человека». В сущности своей этот процесс был частью фальсификации истории, предпринятой Сталиным. Для «новой истории» требовалась и новая аудитория. Требовался «новый человек». Ускорить эволюцию сталинская «наука» была неспособна. Оставалось одно — нарисовать этого «нового человека». Были призваны художники, скульпторы, «инженеры человеческих душ». Честные художники, такие как Булгаков, Зощенко, Платонов, пытались возражать, показывая, по возможности с улыбкой, истинную цену мифа о новой человеческой породе. Помните в «Мастере и Маргарите»?

«— Ну, что же,— задумчиво отозвался Воланд,— они — люди как люди.

Любят деньги, но ведь это всегда было... Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...»

Но Булгакову велено было замолчать. Зощенко грязно обругали, по поводу Платонова Сталин выразился со свойственной ему категоричностью, написав на полях его книги: «сволочь».

Милосердие, доброта, искренность, честь были отменены, как шелуха буржуазной нравственности. Новому, нарисованному человеку — с могучими плечами, сияющей улыбкой, бодрым шагом — было приказано стать иным «по форме и по содержанию»...

Мы рождены, чтоб сказку
сделать былью,
Преодолеть пространство
и простор,
Нам разум дал стальные
руки — крылья,
А вместо сердца
пламенный мотор...

Нарисованный «простой советский человек» оказался настоящей находкой для созданной при Сталине «административной системы» и ее пропагандистского аппарата. «Нарисованный человек» не требовал жилья, он «не боялся ни жары и ни холода», поскольку «закалялся, как сталь». В силу своей «социалистической сознательности», он не только смиренно сносил очереди, не требовал в отличие от рабов Древнего Рима хлеба и зрелищ, но и отвергал «их нравы». Он не сетовал, не возмущался, когда его именем, «по желанию трудящихся», поднимали цены на мясо, запрещали пиво, уничтожали «рюмочные» или выходной день объявляли рабочим. «Нарисованный человек» по первому требованию своих создателей радостно и гневно клеймил при Сталине «врагов народа». И позднее, когда место «великого друга народов» заступили его наследники, этот «нарисованный человек» после небольшой передышки снова был призван на службу идеологами и пропагандистами застоя, и теперь уже, правда без прежнего энтузиазма, топтал «диссидентов» и писал свирепые письма, требуя изгнания за границу «литературных власовцев» — не угодивших властям бардов, писателей и поэтов.

Нарисованный в середине тридцатых годов «хозяин земли» многие десятилетия смотрел на нас с плакатов, пытаясь увлечь нас своей нарисованной энергией, нарисованным оптимизмом и нарисованной верой. Мы привыкли к этим нарисованным рабочим, как привыкли к нарисованным вождям, нарисованному изобилию, нарисованному прошлому и будущему. Но жить нам среди тех и с теми, кого в кровавых муках родила наша история, смысл которой мы так яростно пытаемся разгадать. Постичь истинный смысл истории — значит разыскать и понять человека, украденного у нас мастерами плакатных дел. Утопия кончилась, время искать сапоги.

«— Пухов! Война кончается! — сказал однажды комиссар.

— Давно пора,— одними идеями одеваемся, а порток нету!»

(А. Платонов. «Сокровенный человек»)

«В ГОСТЯХ У СОЦИАЛИЗМА»

омните знаменитое, из Маяковского, из «Рассказа литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру»?

И вот мне
квартиру
дает жилищный,
мой
рабочий
кооператив.
Во — ширина!
Высота — во!..
. . . .
Как будто пришел
к социализму в гости,
от удовольствия —
захватывает дых.
Брюки на крюк,
блузу на гвоздик.
Мыло в руку
и...
бултых!

Пока наш нарисованный литейщик пошел «к социализму в гости», попытаемся понять, как же жил и живет другой — платоновский — «сокровенный человек», который к социализму ходит не в гости, а на работу.

К 1940 году жилплощадь на одного горожанина составляла всего 4,5 кв. м (в 1928 году — 5,8 кв. м). Потом ударила война, разрушившая значительную часть и без того скудного жилого фонда. Не исключением, а правилом стало, что семья из 3—4—5 человек ютилась на площади 6—10 кв. м, когда на живую душу приходилось «жилой землицы» едва ли больше, чем на покойника. Мы до сих пор — числом разводов, семейными ссорами, замедлением демографического роста — расплачиваемся за плоды сталинского изобилия. Чехословакия, по которой тоже прокатился огненный вал войны, имеет жилья 17 кв. м на человека, США — 48 кв. м.

К 2000 году мы только мечтаем довести московскую норму до 9 метров. До сих пор в рабочих общежитиях столицы проживает свыше 250 тысяч человек, из них 40 тысяч семейных. Почти 1.5 миллиона москвичей на рубеже XXI века живут в коммунальных квартирах.

Положение рабочих, однако, не определялось лишь материальными тяготами. Еще в 1930 году Малая Советская Энциклопедия называет паспорт «важнейшим орудием полицейского воздействия и податной политики в т. н. полицейском государстве». Однако уже в 1932 году в СССР вводятся паспорта и прописка по определенному месту жительства. «Полицейское воздействие» распространяется на каждого гражданина. Передвигаться по стране можно лишь при наличии паспорта. Крестьянам паспорта не полагались, и они тем самым фактически прикреплялись к земле, становились рабами колхозов и совхозов.

В августе 1932 года принимается жесточайший закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности». Закон предусматривал применение к рабочим и крестьянам «высшей меры социальной защиты» — расстрела, который при «смягчающих обстоятельствах» мог быть заменен на срок не менее десяти лет.

После принятия антирабочего закона 1940 года российский пролетарий, мечтавший принести свободу трудящимся всего мира, сделался рабом трудовой книжки, рабом администрации. Рабочий мог уволиться с завода лишь с разрешения начальства, а такое разрешение давалось далеко не всегда. Зато рабочий мог попасть под суд за несколько опозданий или за прогул в течение одного дня.

Этот варварский закон был отменен 25 апреля 1956 года — два месяца спустя после XX съезда партии. Рабочие получили право менять место работы по своему усмотрению, путем простой подачи заявления.

Установление минимума заработной платы (закон от 8 сентября 1956 г.), сокращение на два часа рабочей недели, удлинение оплачиваемого отпуска по беременности, прекращение изнурительных для бюджета семьи займов, введение в июле 1956 года новой системы пенсионного обеспечения — все эти меры позволили улучшить положение рабочих в стране. Но речь шла лишь об исправлении вопиющих отставаний в положении трудящихся. В сущности же, экономика тотального надзирательства и не могла прокормить и одеть тех людей, на чьем горбу она медленно ползла в гору. Положение трудящихся продолжало оставаться тяжелым, порождая новые экономические и социальные проблемы.

Время от времени эти накопившиеся тяготы и обиды давали трагические, иногда кровавые, «выбросы», тщательно скрываемые от общественности охранительными органами и пропагандой. Об одной из таких трагедий уже упоминалось в советской прессе. Речь идет о новочеркасских событиях лета 1962 года. 1 июня 1962 года в газетах было опубликовано сообщение о повышении цен на мясо и на масло (на 30 и 25 процентов). Но эта мера была лишь фоном развернувшихся событий. В сущности, трудящиеся скрепя сердце готовы были признать вынужденность этого шага. Прямым поводом для забастовки на Новочеркасском электровозном заводе послужило другое. Рабочих спровоцировала глупость властей, а точнее сказать, их непрестанный номенклатурный зуд, стремление так выпрыгнуть из штанов, чтобы начальство в Москве заприметило инициативную голову. Еще в апреле 1962 года в области родилась очередная «инициатива» по экономии производственных расходов. Газеты начали немедленно раздувать «почин трудящихся». Особое рвение проявил Новочеркасский горком партии, выдвинувший «встречный» лозунг — «сберечь по 100 рублей на каждого рабочего в течение года». Но поскольку экономических стимулов и предпосылок для экономии не оказалось, прибегнули к испытанному: понизили расценки. Разгневанные рабочие вышли на улицы города. Демонстранты несли портреты Ленина.

Дальше события разворачивались трагическим образом. Были вызваны войска, пролилась кровь. Прилетевшие в Новочеркасск Микоян и Козлов, успокаивая рабочих, убеждали их в том, что забастовка и волнения в городе — дело рук провокаторов. На какое-то время полки продовольственных магазинов Новочеркасска завалили продуктами. Волнения постепенно улеглись. Потом начались суды...

Характерная черта: в новочеркасских событиях активное участие принимали женщины-работницы и жены рабочих. И это, надо полагать, не случайно. Работающей женщине у нас приходится особенно трудно. Ведь по доле ручного труда мы занимаем одно из «ведущих» мест в мире. А на ручных, неквалифицированных работах в стране занято огромное число женщин.

По нормам, действующим в СССР, женщина за смену может поднимать до 7 тонн, тогда как в Англии и Франции — до 700 килограммов. Женщины у нас строят и ремонтируют дороги, ворочают шпалы, кладут кирпичные стены — делают то, чего не увидишь ни в одной цивилизованной стране. Мы пролили реки крокодиловых слез, возмущаясь по поводу положения женщины в буржуазном обществе:

Очень трудно в Париже
женщине,
если женщина не продается,
а служит...
(В. Маяковский)

И только теперь, в эпоху гласности, стали говорить о том, что нашу экономику мы в течение десятилетий латали, принося в жертву темпам роста женщину. Наша «котлованная» экономика в значительной степени держится за счет женского труда. Мы оторвали женщин от семьи, от детей, от счастья, бросив их в жерло «трудового фронта». Мы единственная страна в мире, где в хозяйстве больше женщин, чем мужчин,— их более половины. Такого взлета «равноправия» не достигла ни одна держава. И при этом 4 миллиона женщин уходят в ночную смену, а еще столько же работают в условиях, не соответствующих никаким нормам охраны труда. Трагическим «общим знаменателем» нашей «экологии труда» является то, что по средней продолжительности жизни мы занимаем 32-е место в мире. Советский рабочий живет в среднем на 6 лет меньше, чем его брат по классу в других развитых странах.

Не в последнюю очередь это результат «алкогольной политики».

Ленин при всех трудностях восстановления разрушенной экономики всеми силами поддерживал трезвость. Испытывая крайнюю стесненность в финансах, первое Советское правительство тем не менее не пожелало прибегнуть к «пьяным деньгам». Отвечая сторонникам казенной продажи водки, обещавшим немедленный приток в казну 250 миллионов золотых рублей в год, старый большевик А. Яковлев написал в 1922 году гневную статью «Это не пройдет». Споры о водке вспыхнули вновь после смерти Ленина. Разрешил их Сталин, решительно высказавшись «за»: «Что лучше, кабала заграничного капитала или введение водки?.. Ясно, что мы остановились на водке, ибо считали и продолжаем считать, что, если нам ради победы пролетариата и крестьянства предстоит чуточку выпачкаться в грязи,— мы пойдем и на это крайнее средство ради интересов нашего дела». К 1929 году, несмотря на протесты Н. К. Крупской, продолжавшей напоминать о нравственных заветах Ленина, стране был спущен план по водке — вначале в 41 миллион ведер, затем добавили еще пять.

Однако «чуточку выпачкаться в грязи» не удалось. Алкогольная зараза, в какой-то степени еще сдерживаемая дисциплинарным страхом при Сталине, приобрела характер настоящей эпидемии при «наследниках». При Хрущеве продажа водки выросла в три раза, при Брежневе — в шесть раз. В 1984 году «душа населения», у нас выпивала 17—18 литров. Нетрудно догадаться, что «среднестатистический трудящийся» за счет непьющих женщин, детей и трезвенников «закладывал за воротник» значительно больше. Случайно ли, что в стране рождается столько больных детей и дебилов? Мне просто страшно приводить имеющиеся данные расчетов...

Впрочем, чтобы в течение нескольких десятков лет рыть по стране тысячи «котлованов», рабочие с традициями Путиловского и Обуховского заводов были и не нужны. Нужны были не сознательные рабочие, а «лимитчики» — люди с ограниченным правом, ограниченной квалификацией, ограниченной нравственной ответственностью.

ПРАВО НА ВЫБОР

все-таки, несмотря на лишения и тяготы, рабочий класс сохранил веру в идеалы революции. Эта вера питала его трудовой энтузиазм даже в самые мрачные годы сталинизма. Она давала ему силы поднимать страну из руин войны и потом вместе с интеллигенцией выводить ее на дорогу научного прогресса. Рассказывая на недавней встрече в ЦК КПСС о своих трудностях, сетуя на медлительность реформы политической системы, рабочие подчеркивали свою надежду на разрешение этих сложностей именно на путях социализма.

Демократия и гласность вводят реальную шкалу ценностей, снимая парики с тех, кто десятилетиями рядился в одежды слуг народа. В ходе недавно закончившихся выборов народ ясно заявил, что он не хочет и больше не будет голосовать за «нарисованных людей». И тот факт, что во многих городах и районах страны победу при голосовании одержали рабочие и представители интеллигенции, а не креатуры аппарата, свидетельствует о том, что рабочий класс страны, составлявший большинство избирателей, обретает независимый голос.

По итогам предвыборной кампании «Правда» сетовала, что «на финишной прямой мало осталось рабочих». Однако совершенно справедливо писал по этому поводу в «Литературной газете» московский электрослесарь А. Сперанский: «Обижаться было бы глупо. Стоит задуматься...» «Обнажилась наша беда, которую нечем теперь прикрыть: снижение политического авторитета рабочего человека».

Снижение политического авторитета,

о котором размышляет рабочий,— результат долгого господства казенной, показной демократии, бессовестного манипулирования мнением рабочего класса. «Последним доводом,— пишет А. Сперанский,— всегда была фраза «рабочие одобряют». ...Оторвутся на секунду в одном порыве от станков сто миллионов человек, одобрят — и опять работать, работать. Одобряли действия Сталина, Хрущева, Брежнева. И сейчас заверяют, что рабочие двумя руками то за одно, то за другое...»

Едва ли следует драматизировать факт снижения числа рабочих среди депутатов. Намного важнее качество депутатского корпуса, полученного в результате рабочего выбора. Он отражает новую динамику советской демократии, рост политической культуры населения и прежде всего рабочего класса, не пожелавшего отдавать свои голоса за «номенклатурных рабочих», которыми в прежние годы административная система заполняла пустоты демократии. Нужно не восхвалять «нарисованного человека», указывающего другим странам и народам «путь к коммунизму», а взращивать в обществе понимание того, что «каждому народу история задает двустороннюю культурную работу — над природой страны, в которой ему суждено жить, и над своею собственной природой, над своими духовными силами...» (В. О. Ключевский).

Итоги голосования свидетельствуют, на наш взгляд, и о преодолении культивируемого многие годы упрощенного, узкоклассового подхода, когда считалось, что интересы рабочих могут отражать только сами рабочие. В условиях демократизации рабочие быстро смогли определить, кто их действительный защитник в органах власти.

Судьба рабочих и интеллигенции неразделима. Особенно неразделительна она у нас, в России, где в силу исторических судеб интеллигенция всегда была близка к народу. Нынешняя же советская интеллигенция в массе своей и вовсе рождена народом, вышла из него. В отличие от Запада, где интеллигент воспроизводит интеллигента, а рабочий — рабочего, наша интеллигенция не элитарна, а границы между рабочими и интеллигентами подвижны и открыты. Может быть, в этом и состоит наше главное достижение. Рабочие и интеллигенция прожили в судьбе Советской России общую трагедию. Социальная демагогия и социальная утопия породили у нас «нарисованных людей» не только среди рабочих, но и среди ученых, писателей, художников, композиторов, идеологов и партийных работников. В Советскую энциклопедию затесалась целая когорта «кавалеров золотой звезды», выведенных инкубаторским способом. Читатели знают, что несколько не в меру нарумяненных лиц оказалось даже среди делегатов XIX партконференции. Благодаря вмешательству общественности с них стерли наведенные румянцы, и они из президиумов перекочевали на скамью подсудимых.

Инструменты реальной политики и реальной экономики, вводимые перестройкой: самоуправление, свободные выборы, подряд, аренда, рынок, хозрасчет,— выдвигают на авансцену Советской власти тот «мыслящий пролетариат», о котором некогда мечтал и писал Писарев. И этот «мыслящий пролетариат» вместе с трудовой интеллигенцией при условиях дальнейшего развития демократии и гласности будут занимать в органах Советской власти все более весомое место, вытесняя оттуда «нарисованных людей».

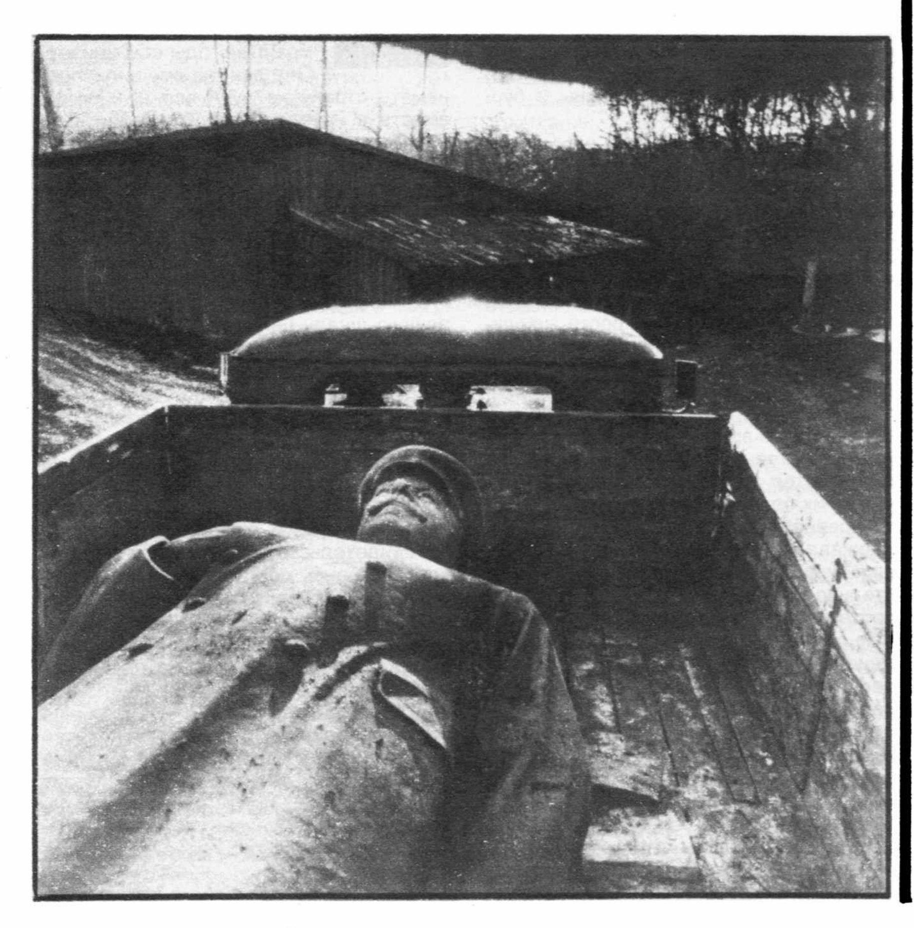
Литературный предшественник «нарисованных людей», «особенный человек» Рахметов, пролежав ночь на войлоке, утыканном гвоздями, вздыхал, истекая кровью:

— Проба. Нужно, неправдоподобно, конечно; однако же на всякий случай нужно. Вижу, могу.

Проба людей на прочность у нас затянулась. Теперь мы уже все, истекши кровью, вправе воскликнуть: видим, можем!

Пора от испытаний и полигонов, в которые была превращена Россия, перейти к нормальному труду нормальных людей. Пора вместе с Писаревым вспомнить: «Не богадельня, а мастерская может и должна обновить человечество».

Фото Валентинаса ЮРАЙТИСА

Имя Пантелеймона Романова (1885—1938) мало что скажет современному читателю. Но в пору наивысшего расцвета своей литературной работы он был широко известен.

В наше время писатель, которому за тридцать, считается молодым, чуть ли не начинающим. Сплошь и рядом даже очень талантливому литератору лишь в этом возрасте удается выпустить свою первую книгу. (Совсем недавно вышли в свет первые книги таких известных ныне прозаиков, как Людмила Петрушевская, Вячеслав Пьецух, Татьяна Толстая.) У Пантелеймона Романова в 1929—1930 годах было издано двенадцатитомное собрание сочинений. А было ему тогда всего-навсего 44 года. Прежде всего это, конечно, характеризует общественную ситуацию и издательскую практику тех лет. Но в то же время является весьма красноречивым свидетельством необыкновенной работоспособности и продуктивности писателя.

ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА

Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА.

К заведующему государственным ювелирным магазином зашел приятель.

— Степановна, дай-ка нам чайку,— сказал заведующий и, очистив место для чая за столом, пригласил приятеля присесть.

— Что, ай мало работы? — спросил приятель, ища, куда положить шапку.

— Малость.

— Так что служба не тяжелая?

— Служба, можно сказать, приятная,— сказал заведующий.— Только и вздохнул, когда в государственный магазин перешел. А вот когда молодым еще у Мозера работал, так не дай бог.

— Известно дело — хозяйчики, умели соки из нашего брата выжимать.

— Да... уж это что там... Бывало, весь день смотришь в оба глаза да еще ночью проснешься, весь потом обольешься, вдруг вспомнишь, что отпустил часы с непроверенным ходом, или, скажем, какую-нибудь вещицу с браком. А теперь принесут обратно часы негодные — я-то причем, такие мне присланы, магазин казенный. Вон идет какая-то мадам, она вчера у меня часы покупала,— наверное, обратно несет.

В магазин вошла дама в котиковой шубе и сказала, подавая заведующему коробочку с часами:

— Какие же вы часы отпустили, они в день на полчаса отстают!

Заведующий, не вставая, посмотрел на посетительницу и сказал:

— Что же делать... Охотно верю, гражданка, а не могу за них отвечать,— магазин не мой, а государственный: что мне присылают, то я и продаю. Оставьте, проверим.— Фокстрот танцуете?

— При чем тут фокстрот? — сказала, испуганно покраснев, дама.

— При том, что трясете их очень, а часы еще новые, не обошлись. Оставьте, проверим.

— А когда можно будет придти?

Заведующий, прищурив глаз, посмотрел в окно, подумал и сказал:

— Приходите через неделю.

— Только, пожалуйста, чтобы были как следует.

— Так будет, что лучше и быть не может,— сказал заведующий, галантно поклонившись.

Дама ушла, а он посмотрел на часы, покачал, усмехнувшись, головой и сказал:

— Если бы это у Мозера она так пришла, что бы тут было! Вот бы пыльто поднялась! От такой штуки десять

Пантелеймон Романов работал в разных жанрах: писал лирические и психологические повести, создал четырехтомный роман-эпопею «Русь», автобиографическую повесть «Детство». Но особым успехом пользовались его короткие бытовые и сатирические рассказы.

Маяковский, раскрывая свое понимание сущности поэтического творчества, воспользовался таким наглядным примером: «Человек, впервые формулировавший, что «два и два четыре» — великий математик, даже если он получил эту истину из складывания двух окурков с двумя окурками. Все дальнейшие люди, хотя бы они складывали неизмеримо большие вещи, например, паровоз с паровозом, — все эти люди — не математики».

За годы торжества казенщины нас приучали к мысли, что настоящей, достойной внимания читателя литературой может считаться лишь такая литература, где складываются паровозы с паровозами. У нас с трудом умещается в голове, что складывание (выражаясь фигурально) «двух окурков с двумя окурками» тоже может оказаться серьезным и плодотворным занятием. В иных случаях даже более плодотворным, чем складывание паровозов с паровозами.

У Пантелеймона Романова был острый глаз и особая чуткость к тем чертам и явлениям повседневности, которые больше всего волновали его современников. У него доставало смелости обращаться к таким темам и сюжетам, касаться которых почиталось неприличным и даже опасным. Много шуму наделал в свое время небольшой его рассказ «Без черемухи» (1926 г.). В нем с беспощадной правдивостью изображалась распространенная в те годы ситуация, в которой действовали персонажи, искренне поверившие, что отношения любящих друг друга мужчины и женщины целиком и полностью сводятся к «проблеме пола», а все привычные аксессуары таких отношений, принятые на протяжении столетий, не что иное, как буржуазные предрассудки, навсегда упраздненные революцией.

Этот рассказ (как, впрочем, и многие другие рассказы Пантелеймона Романова на сходные темы) вызвал резкое неприятие критики. В газете «Известия» (15 марта 1927 г.) появилась статья Вячеслава Полонского «Заметки журналиста о «проблемах пола» и «половой литературе», в которой о книге П. Романова говорилось, что она «возрождает в нашей литературе тот дурной тон смакования и размусоливания «половых проблем», который связан с понятием «арцыбашевщины». В свое время мы жестоко боролись с этой плесенью, — писал критик, — не для того же, чтобы она возродилась в 1927 году под пером советского писателя, талантливого левого попутчика Пантелеймона Романова».

Разумеется, никакой «арцыбашевщины», никакого смакования и размусоливания «половых проблем» в рассказах Романова не было и в помине. Была честная (хотя, быть может, и несколько прямолинейная) попытка отразить чрезвычайно распространенное жизненное явление. Революция, провозгласив необходимость ломки всех устоев, всех старых форм жизни, оказалась чревата многими уродствами, которые литература честно пыталась отразить. Критик же исходил из того, что литература должна отражать не уродства, не отклонения от некой «нормы», а то, что ему, критику, представляется нормой. Иными словами, он исходил из уверенности, что литература должна отражать жизнь не такой, какая она сейчас, а какой она ***должна быть*** *в соответствии с идеалами революции.*

В этом случае (как и во многих других) критика исходила из наивной детской веры, что если болезнь не называть ее настоящим именем, окажется, что больной вовсе даже и не болен этой болезнью: что у него, положим, не туберкулез, а всего лишь легкий насморк.

Рассказы Пантелеймона Романова, изображающие реальность первых послереволюционных лет, быть может, кое-кому покажутся устаревшими. Но при внимательном чтении вы увидите, что в них речь идет не о «легком насморке», а о серьезных, тяжких болезнях нашего общества. Тогда, в начале и середине 20-х годов, можно было надеяться, что все эти мучительные раздумья ни в чем не повинного обывателя над грозными вопросами анкеты, что все это, так сказать, «болезни роста» нашего общества. Как говорил один персонаж Маяковского, «маленькие недостатки механизма». Жизнь показала, что в этих «мелких сюжетах» и «мелких темах» таился зародыш больших бед и несчастий, с которыми мы не можем справиться и поныне.

ночей бы не спал, да, глядишь, со службы еще турнули бы: как так, у Мозера часы на полчаса в сутки отстают! А теперь ко мне в день по пяти человек таким манером ходят. Ну, конечно, повежливей скажешь, что отдам на проверку, она уж и рада. А вот тебе вся и проверка,— сказал заведующий, отправляя часы в свой ящик.— А вот еще одна идет.

В дверях показалась какая-то женщина в беличьей шубе и застряла в дверях, зацепившись за ручку двери своими покупками.

— Что же вы мне часы исправили, а они опять вперед бегут?

— Не может быть, гражданка, целую неделю выверяли. Вы, может быть, их стукнули обо что-нибудь?

— Обо что же я их стукнула?

— Ну, мало ли обо что стукнуть можно...— сказал заведующий, хитро улыбаясь,— позвольте-ка мне часики.

Он мягко взял своей сухой рукой золотые часы и открыл крышку.

— Признайтесь, что стукнули.

— Да уверяю вас — нет. Может быть, как-нибудь слегка, я не знаю...

— Ну, вот видите, слегка, а для таких часов и слегка вполне достаточно. И какие вы беспокойные... Ну, что такого, что бегут?

— Как же «что такое», когда их на пятнадцать минут каждый день приходится назад переводить,— прямо никакой возможности нет.

— А вы сразу их на сутки назад поставьте, вот вам на целых два месяца хватит. Оставьте на две недели.

— Послушайте, ведь я уж на две недели их оставляла.

— Ах, на две уже оставляли?.. Тогда — на три,— сказал заведующий.

— Но нельзя ли скорее?

— Мадам,— сказал заведующий,— если бы был частный магазин, где к делу относятся спустя рукава, то я сказал бы вам на другой день приходить, а это магазин государственный, где все делается, как следует.

— Ну, хорошо, только, пожалуйста, как следует сделайте.

— В лучшем виде будет,— сказал заведующий. И когда дама ушла, он, опуская часы в тот же ящик, куда опустил и первые, сказал:

— Отправлены на проверку.

— А покупателей-то много?

— Нет, теперь много меньше стало. Теперь больше покупают подержанные. Новых что-то бояться стали. По делу магазин можно бы на два часа открывать, вполне было бы достаточно.

— А не опасаешься, что магазин закроют?

— Ну, что же, меня в другой переведут, если я себя честным работником зарекомендовал. А за мной ни одного проступка не числится: на службу прихожу аккуратно, растрат у меня ни разу не было, с покупателями обращение деликатное, сам видал. Чего еще? Ежели бы меня сейчас опять к Мозеру посадили, я бы там через месяц чахотку схватил, ей-богу.

— Не дай бог,— сказал приятель.— Эти умели сок выжимать.

— Степановна, дай-ка еще чайку нам. Да, вот какие дела-то.

В магазин вошел какой-то человек с портфелем.

— Часы готовы? — спросил он торопливо.

— Готовы давно, пожалуйте,— сказал заведующий,— вчера еще из мастерской пришли.— разрешите, я только проверю. Они, что, отставали у вас?

— Да, немного.

— Так... ну, теперь не будут отставать,— сказал заведующий, что-то покопавшись в механизме.

И, когда покупатель ушел, он прибавил:

— Точные люди какие, подумаешь, немного отстают, а он уж тащит их. Это, если бы все их в мастерскую отправлять, от них житья бы не было. Ну, ежели уж совсем не ходят, тогда другое дело.

— Теперь городских часов много,— сказал приятель,— захотел узнать время, возьми да повороти рыло: на каждой площади часы. А у меня так и вовсе перед окном.

Приятели посидели еще с час.

— Да,— сказал приятель,— вот, небось, завтра этот гражданин проснется, посмотрит на часы, а они, глядишь, махнут минут на двадцать. А тебе горя мало. В крайнем случае скажешь, что, мол, общая разруха вследствие блокады, частей не хватает.

— Да,— заметил гость задумчиво.— Я вот про свое книжное дело скажу: послал в Ленинград печатать книгу, так мне ее там четыре месяца держали, сам ездил, две банки чернил на телеграммы исписал. Ведь за этакую штуку прежде бы неустойку какую содрали, а теперь никак его не укусишь, только и слышишь: через неделю получите. А намедни приезжаю,— говорят уже — через две. И так во всем.

— Да,— сказал заведующий, потом посмотрел в окно и прибавил: — Вот опять еще один идет. Э, чорт их возьми, надоедают с этой проверкой,— надо теперь на месяц оставлять!

1919

ИТАЛЬЯНСКАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

Семья из пяти человек уже третий час сидела за заполнением анкеты... Вопросы анкеты были обычные: сколько лет, какого происхождения, чем занимался до Октябрьской революции и т. д.

— Вот чортова работка-то, прямо сил никаких нет,— сказал отец семейства, утерев толстую потную шею.— Пять каких-то паршивых строчек, а потеешь над ними, будто воз везешь.

— На чем остановились? — спросила жена.

— На чем... все на том же, на происхождении. Забыл, что в прошлый раз писал, да и только.

— Может быть, пройдет, не заметят?

— Как же пройдет, когда в одно и то же учреждение; болтает ерунду.

— Кажется, ты писал из духовного,— сказал старший сын.

— Нет, нет, адвокатского, я помню,— сказал младший.

— Такого не бывает. Не лезь, если ничего не понимаешь. Куда животом на стол забрался?..

— Что вы, батюшка, над чем трудитесь? — спросил, входя в комнату, сосед.

— Да вот, все то же...

— Вы уж очень церемонитесь. Тут смелей надо.

— Что значит — смелей? Дело не в смелости, а в том, что я забыл, какого я происхождения по прошлой анкете был. Комбинирую наугад, прямо, как в темноте. Напишешь такого происхождения — с профессией как-то не сходится. Три листа испортил. Все хожу, новые листы прошу. Даже неловко.

— На происхождение больше всего обращайте внимание.

— Вот уж скоро три часа, как на него обращаем внимание... В одном листе написал было духовного,— боюсь. Потом почетным гражданином себя выставил,— тоже этот почет по нынешним временам ни к чему... О господи, когда же это дадут вздохнуть свободно!.. Видите ли, дед мой — благочинный, отец — землевладелец (очень мелкий), сам я — почетный дворянин...

— Потомственный...

— То бишь, потомственный. Стало быть, по правде-то какого же я происхождения?

— Это все ни к чорту не годится,— сказал сосед, наклонившись над столом и нахмурившись.— А тут вот у вас как будто написано на одном листе: сын дворничихи и штукатура.

— Нет, это я так... начерно комбинировал...

— Несколько странная комбинация получилась,— сказал сосед,— почему именно дворничихи и штукатура? Напрашиваются не совсем красивые соображения.

— Да, это верно.

— Ну, пропустите это, а то только

хуже голову забивать,— сказала жена.

— Ладно, делать нечего, пропустим. А вот тут того, еще лучше: следующий пункт спрашивает, чем я, видите ли, занимался до Октябрьской революции и чем содействовал ей. Извольте-ка придумать.

— Участвовал в процессиях,— сказал младший сын.

— Э, ерунда, в процессиях всякий осел может участвовать.

— Писал брошюры,— сказал старший.

— А где они?.. Чорт ее знает, сначала, знаете ли, смешно было, а теперь не до смеха: завтра последний день подавать, а тут еще ничего нет. Придется и этот пункт пока пропустить. Теперь: имеете ли вы заработок? Ежели написать, что имею, надо написать, сколько получаю. Значит, ахнут налог. Если написать, что вовсе не имею заработка, то является вопрос, откуда берутся средства. Значит, есть капитал, который я скрыл. Вот чортова кабалистика. Итальянская бухгалтерия какая-то.

— Вот что, вы запомните раз навсегда правило: нужно как можно меньше отвечать на вопросы и больше прочеркивать. Держитесь пассивно, но не активно.

— Прекрасно. Но ведь вам предлагают отвечать на вопросы. Вот не угодно ли: какого я происхождения? Это что, активно или пассивно? А, Миша пришел, официальное лицо. Помоги, брат, замучили вы нас своими анкетами...

— Что у вас тут?— спросил, входя, полный человек в блузе, подпоясанный узеньким ремешком.

— Да вот очередное удовольствие, ребусы решаем.

Пришедший облокотился тоже на стол, подвинул к себе листы и наморщил лоб. Все смотрели на него с надеждой и ожиданием.

— Что же это у тебя все разное тут?— спросил он, с недоумением взглянув на хозяина.

Тот, покраснев и растерянно улыбнувшись, сказал:

— Да это мы тут так, комбинировали, чтобы посмотреть: что получится?

— Хороша комбинация: на одном листе — почетный гражданин, на другом — из духовных... Да ты на самом деле-то кто?

— Как — кто?

— Ну, происхождения какого?

— Гм... дед мой благочинный, отец землевладелец (очень мелкий), сам я...

— Ну, и пиши, что из духовных. Вот и разговор весь.

— А вдруг...

— Что «а вдруг»?

— Ну, хорошо, я только сначала начерно.

— Вот тебе и все дело в пять минут накатали; ну, я спешу. Когда полный человек ушел, хозяин утер вспотевший лоб и молча посмотрел на соседа.

— Как он на меня посмотрел, я и забыл, что он мне шурин. О господи, всех боишься. Спасибо, я догадался сказать, что начерно напишу. Вишь, накатал.

И он, оглянувшись на дверь, разорвал лист и отнес клочки в печку. Потом, потянувшись, сказал:

— Нет, больше не могу, лучше завтра утром на свежую голову.

Выходившая куда-то жена подошла к столу и заглянула в анкету. Перед ней лежал чистый лист.

— Ничего не удалось написать?

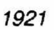
— Только возраст.

Когда жена ночью проснулась, она увидела, что муж в одном белье и носках сидел за столом и, держась рукой за голову, бормотал:

— Ну, хорошо, ежели допустим, что свободной профессии, то какой?.. Если я писал брошюры, и они сгорели. Ну, возьмем сначала:

— Отец мой — землевладелец, дед — почетный дворянин, сам я — благочинный.

— О боже мой, сейчас на стену полезу!..

1921

И БЫЛО ДАЖЕ СМЕШНО

Александр ИВАНОВ

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Одесса — город-герой.

Нет, речь не о годах войны. О самом что ни на есть дне сегодняшнем.

Мы на празднике. На одесской «Юморине-89».

В нашей стране нет официальной столицы юмора, как есть она, скажем, в Болгарии, некоторых других странах. Но уж если выбирать, то долго думать не надо — это, конечно же, Одесса.

Сам воздух здесь, кажется, пропитан юмором. Впрочем, о том, чем пропитан сегодня воздух Одессы, чуть ниже...

«Юморина» — праздник многострадальный. Как непредсказуемый, а значит, опасный, он неоднократно запрещался властями.

В этом году, как, впрочем, и в прошлом, он состоялся. Запрещать сегодня более рискованно, чем разрешать. Такое, знаете ли, странное настало нынче время.

Центром подобных фестивалей всегда бывает красочное, с выдумкой и импровизациями шествие по центральной улице города. В Одессе его не было. Почему, вразумительного ответа гости «Юморины» так и не получили. Не было — и все.

А что было?

Был автопробег старых автомобилей, иные из которых — близкие родственники незабвенной «Антилопы-Гну». В одной из открытых машин стоя ехали две фигуры: живые люди в масках — Сталин и Брежнев. Приветствовали народ. Народ смеялся... Замечательно!

Была выставка карикатур. В литературном музее — развернутая экспозиция, посвященная творчеству Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Множество тщательно и любовно подобранных предметов, которые могли принадлежать их героям. На открытии присутствовали дочь и внук Ильи Арнольдовича.

Проходило два конкурса (вероятно, их было больше, но говорю о том, что знаю, в чем принимал участие как член жюри). Соревновались писатели, работающие в разных жанрах сатиры и юмора, и актеры-исполнители. Среди первых лидировал рижанин Борис Розин, его имя уже приобрело некоторую известность; среди вторых — открытие «Юморины» москвич Александр Суворов, симпатичный и талантливый бородатый увалень, кстати, и автор исполняемых произведений, совершенно ошалевший от неожиданно свалившегося на него лауреатства. По-моему, он так и покинул Одессу, не веря до конца в свою победу.

«Королем юмора» единодушно был провозглашен отсутствовавший по уважительной причине Михаил Жванецкий. И вовсе не потому, что он одессит... Вровень с ним вряд ли можно кого-нибудь поставить. «Мисс Юмориной» стала известная артистка эстрады Клара Новикова; кто стал «Мистером Юморина», автору этих строк писать не вполне удобно.

Было солнечно и довольно тепло. Множество народу на улицах и площадях. К сожалению, принцип «спасение развлекающихся — дело рук самих развлекающихся» имел, как говорится, место.

Перед «Юмориной» появилось такое объявление: такого-то числа в такое-то время в Пале-Ройяль на встречу с гостями приглашаются живые потомки знаменитых одесситов — Дюка Ришелье, Мишки Япончика и других. И они пришли! Достоверность родства, правда, не проверялась, но некоторые запаслись самодельными и очень забавными «документами». Телезрители увидят их. В эти дни в Одессе начались съемки очередного выпуска передачи «Вокруг смеха».

На встречу явилась с куплетами, танцами целая стайка «бывших любовниц Остапа Бендера».

Было и многое другое, на что лично я не поспел. Для меня праздник стал работой: сидел, во-первых, в жюри конкурса, во-вторых,— телевизионные съемки.

Для гостей и членов жюри организовали экскурсию по городу. С пояснениями гида-одессита. Калейдоскоп впечатлений! Вот хотя бы одно: место, где собирались «пикейные жилеты» города Черноморска из романа «Золотой теленок». Те самые смешные и жалкие старички, которым все еще мучительно хотелось «покупать и продавать». Помните: «Бриан — это голова!.. И Гинденбург — это голова!» Едко посмеялись над беднягами наши замечательные сатирики. Но 60 лет спустя выяснилось, что зря! Если кто и нужен сейчас нашему государству, так это именно такие люди. Но где они? Вымерли «пикейные жилеты», а где могилы их детей и внуков, не знает никто...

Прекрасный город, «жемчужина у мо-

ря», производит впечатление удручающее. Ужасающее запустение! Мы заходили в знаменитые одесские дворы... Сравнить это не с чем... Нищие кварталы Каира, лачуги Мехико, которые мне удалось повидать, ничто по сравнению с тем, что предстало нашему взору.

Люди смеялись, шутили, но... Но постоянно сквозь улыбки прорывались боль, недоумение, вопросы.

Что могли мы ответить людям, окружавшим нас и спрашивающим: почему, за что, кто виноват?.. Они взывали, вы же ОТТУДА, скажите ТАМ, помогите!.. Это был вопль отчаявшихся, потерявших всякую надежду! Чем мы могли им помочь? Ну, прочитают вот это... Ну, увидят кадры по телевидению... А что дальше?

Мы терялись, прятали глаза, ощущая свое бессилие. Надо, срочно надо разобраться, что же это за государственные интересы такие, ради которых люди, а для них, собственно, и существует государство, вынуждены десятилетиями жить в нечеловеческих условиях?!.

Естественно, речь обо всем этом зашла на встрече с мэром Одессы Валентином Константиновичем Симоненко.

Он сообщил, что теперь городские власти не только не враждуют с организаторами «Юморины», но даже готовы сотрудничать. Это было приятно услышать. Мэра спросили: Одесса — город туристов и крупный международный порт. Какую часть доходов он от этого получает? Ответ: ни копейки. Ни в валюте, ни в рублях.

Как же так?! Пятый год идет в стране перестройка. Приняты радикальные партийно-государственные решения! Выходит, аппарат только посмеивается и гнет свою линию? Уже решено, кажется, что доход получает тот, кто зарабатывает, и он же решает, какую часть выделить на содержание своих бюрократов. Значит, ничего не изменилось?!

В Москву мы летели с мэром вместе. Он сказал, что Одессе выделены крупные средства. Это, конечно, хорошо, но... Кто не знает, что деньги у нас, увы, сами по себе ничего не значат. Фонды, будь они неладны! Кто их выделит Одессе и по какому принципу? Дыры по всей стране... Оптовой торговли не видать и на горизонте. Хотя я, например, долго силюсь понять, почему в стране не хватает, допустим, цемента? Силюсь и не понимаю...

Над городом нависла экологическая катастрофа. Море, земля и воздух отравлены. По словам В. К. Симоненко, в ближайшее время чуть-чуть полегчает морю. А воздух и земля? В обозримом будущем положение не изменится. А значит, будет ухудшаться... Ведомства проявляют активность чрезвычайную.

Такой вот грустный получается репортаж о весеннем празднике смеха в самом остроумном городе страны...

Но возвратимся непосредственно к «Юморине».

Можно было бы предъявить некоторые претензии организаторам — Объединению молодежных клубов. Имелись просчеты и накладки (крохотный пример: в зрительном зале продали места жюри). Но и то сказать: времени на подготовку и средств явно не хватало. На это обратили внимание и гости из Габрова. Восемь месяцев готовится шествие в этом маленьком городе. Восемь! Но зато кто его хоть однажды видел, никогда не забудет.

Денег жалеть нельзя! Председатель жюри писатель Григорий Горин сказал: это престиж города! Но не только. Во время «Юморины» в Одессе в 3 (три) раза сократилась преступность!

И все же праздник состоялся. Одесситы были радушны, гостеприимны и доброжелательны. Они улыбались. Улыбались, несмотря ни на что!

Поистине Одесса — город-герой.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Южная океаническая птица отряда буревестников. 6. Содержимое живой клетки. 11. Итальянский детский писатель. 13. Действующее лицо в драме Л. Н. Толстого «Власть тьмы». 15. Автор комических произведений. 16. Маршрут полета транспортных самолетов. 17. Труд, занятие, деятельность. 18. Рассказ А. П. Чехова. 19. Высшая степень творческой одаренности, талантливости. 20. График, народный художник СССР, автор серии рисунков «В. И. Ленин». 22. Химический элемент, металл. 25. Очерк М. Горького. 26. Советский журнал для школьников. 27. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 28. Жанр новеллы в классических литературах Востока. 30. Русская народная игра. 31. Способы украшения вокальных и инструментальных мелодий. 32. Зачинатель, основоположник.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Итальянский остров в Тирренском море. 2. Чемпион мира по шахматам. 3. Вулкан на острове Хонсю в Японии. 5. Приток Днепра в Белоруссии. 6. Самый быстрый темп в музыке. 7. Величина, характеризующая степень нагретости. 8. Наличие, подбор товаров. 9. Туркменская певица, народная артистка СССР. 10. Машина для буксирования прицепов, артиллерийских орудий. 12. Последователь материалистической философии. 14. Порт в Амурской области. 21. Расплавленная масса в глубинных зонах Земли. 23. Название некоторых высших учебных заведений. 24. Область распространения определенных видов животных, растений. 29. Учреждение для хранения старинных документов. 30. Рудоносная горная порода.

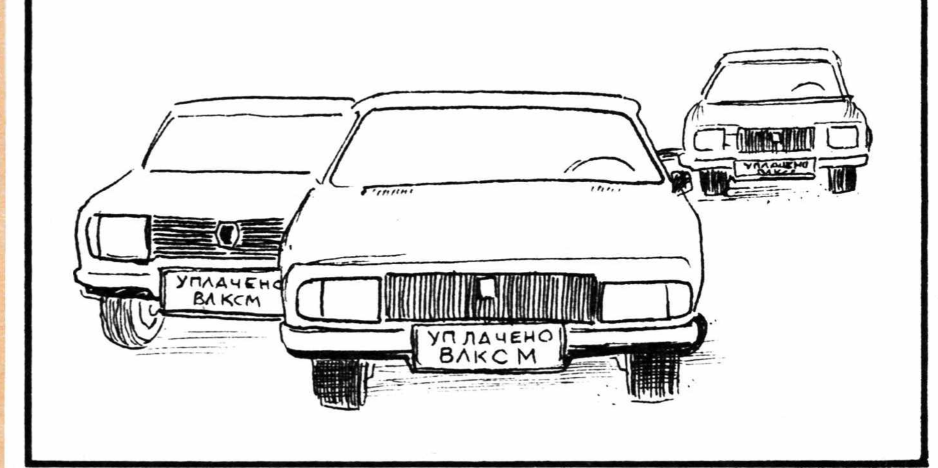
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. «Перекоп». 8. Аэролог. 9. Компас. 11. Аспект. 14. Стан. 16. Утка. 18. Стереотруба. 19. Линотип. 20. Организатор. 23. Лава. 25. Тана. 27. Ресурс. 29. Октант. 30. Украина. 31. Шпалера.

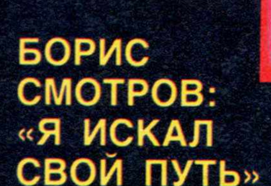
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Беркут. 2. Фермент. 3. Опус. 4. Маша. 5. Кожедуб. 6. Зонтик. 10. Амортизатор. 12. Стерлитамак. 13. Экономика. 15. Астахов. 17. Таймура. 21. Рассказ. 22. Отрасль. 24. Африка. 26. Натура. 28. Скат. 29. Орша.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Валерия САКОВИЧА.

БОРИС СМОТРОВ: «Я ИСКАЛ СВОЙ ПУТЬ»

Родился я в 1946 году в городе Шахты Ростовской области. Отец, потомственный крестьянин, прекрасно рисовал, хотя специально этому никогда не обучался.

Убеждение в том, что можно «выучиться» на художника, привело меня в художественное училище, а потом в институт имени В. И. Сурикова — высшую школу реалистического искусства. Окончил институт в 1974 году. Ориентиром в творчестве стало искусство моих предков. Лоскутное одеяло, например, явилось ключом в работе. Контрастируя между собой, как бы борясь за существование в пространстве, эти лоскуты образуют удивительную гармонию вселенной. Передать свое эмоциональное состояние картине, духовную сущность видимого мира — цель моего творчества. Импровизация и интуиция — важные элементы в работе. Мне близки принципы славянского языческого искусства: особая музыкальность изобразительного ритма, яркость «открытого» цвета, локальность формы. Наивный экспрессионизм — так можно назвать это направление в искусстве.

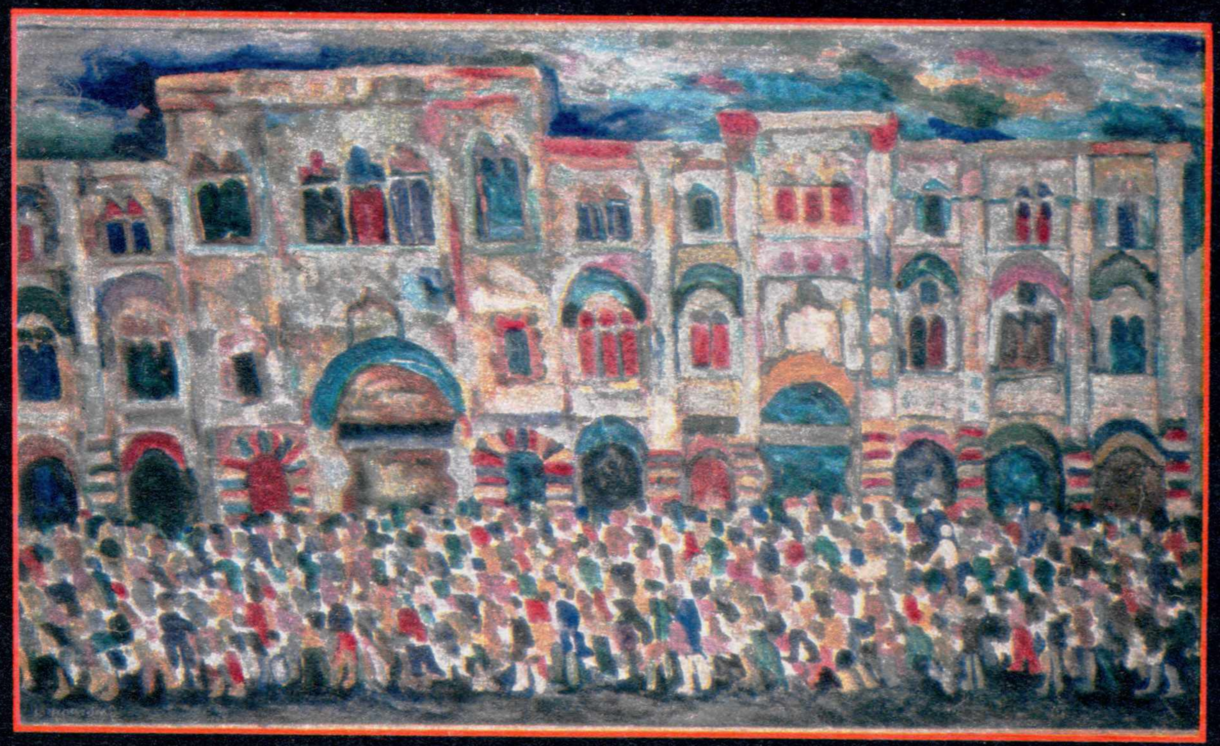
МОЯ УЛИЦА. 1983.

ВЕСНА. 1980.

ОСТРОВ. 1975—1976.

ГУМ. ПОЛДЕНЬ. 1981.

40 коп.
Индекс 70663